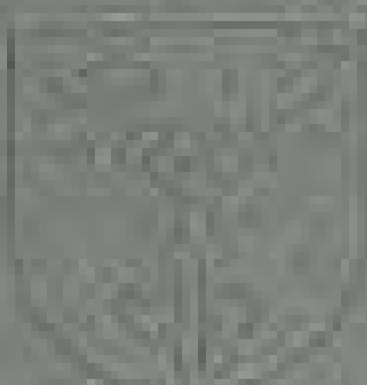

Валерий Голосов

ВЕСЕЛАЯ НАУКА

ПРОТОКОЛЫ СОВЕЩАНИЙ

Евгений Всеволодович Головин

Веселая наука. Протоколы совещаний

Шутовская медицина

Если мы признаем лабиринт парадигмой нашей ситуации в мире, а похоже так оно и есть, то вполне внимательно прочитаем строки римского поэта I в. н. э. Валерия Флакка:

Глаза бесполезны в бесчисленных поворотах,

Зрячему и слепцу одинаково выхода нет,

Живой уже умер. Мертвый ждет Прозерпину,

Только мудрец доволен: «Каков лабиринт»!

Радость мудреца по меньшей мере непонятна, поскольку лабиринт суть вопросительнейший из вопросительных знаков. Первым вопросительным знаком восстал сатана и наградил прародителя нашего, по мнению рабби Хаима Витала («Древо познания», начало XVII века), «корпускулой страшного тела своего». Отсюда стенания святого Антония: «Вырос на мне аггел сатаны и кулаками избивает меня».

Дабы утолить «вопрос» своего пениса, мужчина (цивилизованный) приближается к женщине своей мечты «логарифмической спиралью» — имеется в виду политес, вежливое внимание, цветы и прочее. Полученный «ответ» удовлетворяет не всегда и не надолго, надо спрашивать еще и еще. Плод дерева познания, напитанный

афродизиак, согласно теологу Ламеннэ, беспокоит в любом возрасте, и даже после смерти. И поскольку мозг и сперма суть одно (в платоническом дискурсе), «познание» женщины и природы идентично. Один и тот же аналитический процесс.

В романе великого австрийца Германа Броха «Невиновные» разговорчивая старая служанка вспоминает бывшего любовника, «специалиста» по женскому сексу: «Я и так была без одежды, и он словно раздел меня еще больше, как будто голого человека можно раздеть еще больше. Потому что стыд — все равно что еще одна одежда... Он был врач и учитель и в то же время слуга моей страсти. Сам он, казалось, не испытывал иного вожделения, кроме моего, и если я от страсти кричала, он воспринимал это как похвалу себе, как похвалу моему желанию, которое нуждалось в такой похвале, чтобы умножать свои силы. Он и был сама сила и мощь, и все это — от слабости... И все же я знала, что это дурно. Потому что это женская роль — служить мужскому вожделению, а не наоборот, и куда правильней были те парни, что не спрашивали меня о моей страсти, а швыряли по-простому наземь, заставляя служить своей».

Итак, природа, подобно женщине, провоцирует и стимулирует человека науки. В отличие от

простого грубого малого, которому абы нажраться и напиться, ему необходима деликатная и щепетильная аналитика для познания секретов кулинарии и тайн женского тела.

Субъект незамысловатый срывает яблоко и ест. Субъект, отполированный цивилизацией, разрезает оное по экватору, изучает сердцевину о пяти концах, «венерину звезду»: дефлорация плода обнажает под стыдливым румянцем бешеную страсть, прав теолог Ламеннэ — яблоко содержит

афродизиак . Сердцевина похожа на пупок, она и есть пупок, вернее, пуповиной будет прелестный

хвостик , оторванный от яблочной ветви.

Продолжим рассуждение сие. Рабби Хаим Витал, ученик мудрейшего Исаака Луриа, утверждал древесное, переполненное соками происхождение Змия Генезы. Гибкий, упругий, мощный корень «яблони познания», он так и пишет «паддок сарим», прорастает огромным фаллосом, «имея много деток на ветках», то есть тестикулов. Ученый Гален, вспоминает рабби, советует девушке проглотить яблочное зернышко, дабы забеременеть. Михаил Пселл аналогичного мнения: ежели девица пожелает родить мальчика, ей надобно съесть фигу, если девочку — яблочное зернышко, и даже предлагает два греческих слова, долженствующих сопровождать концептуальное глотание.

Стоп.

Никакая начитанность не спасет в лабиринте магии, каббалы и геогнозиса, ибо Парацельс сказал: вселенная окружает человека, словно плоть яблока — зернышки. Выходит, про одно только яблоко можно размышлять и писать без конца. Экономия мысли и любовь к правде требуют свести помологическую сферу до крохотной дольки ботаники и агрикультуры. Так же следует поступить с прочими объектами природы и техники. Иначе пропадем в (магических?) сравнениях и ассоциациях.

Щипцы для орехов ни дать ни взять крокодилова пасть, но бывают орехи неподатливые. Такие рекомендуют брать в карман перед купанием в тропической реке.

«Ты мне приснилась обнаженной в моей постели, — строки Бенсерада, французского поэта барокко, — утром я проснулся один. Разве правда сравнится с неправдой! Божественная ложь дает мне вкусить плод, не касаясь цветка».

Стихотворение Бенсерада написано в правилах *gayu scienza* (раздел «любовная страсть») и основано на легкомыслии и верхоглядстве, то есть на элементах воздуха и огня. В глоссарии веселой науки «ответственность» приблизительно трактуется так: возлегая, не оплошать; «точка опоры» — *backside of the moon* — пухлые подвижные сферы; «честность» — сразу показать с кем (с чем) даме предстоит иметь дело. Интерпретация подобных глосс относится к сфере устной традиции. Нас возвышающий обман вырастает из тьмы низких истин.

Что означает «вкусить плод, не касаясь цветка»? Ориентироваться на впечатление от вещи, на эманации вещи (запах жаркого, хруст купюр), ориентироваться на то, что наука серьезная либо отрицает как «фактор субъективный», либо все же учитывает при большом социальном интересе. Апельсин, трактор, тарантул, бюстгальтер. (Неточно: надо говорить бюстенгальтер).

Целое больше составляющих (Аристотель), более того, целое суть крепкая семья и распадается на энное число «родственных целых», но так, чтобы «семейственность» узнавалась. Апельсиновая кожура независима от собственно апельсина, бюстенгальтер независим от собственно дамы, но все они родственны. Каковы отношения тарантула и трактора, мы не знаем. Автономность составляющих — тема бесчисленных рассказов о

приключениях рук, ног, носа и т. д. «Однажды щупалец осьминога...» или «тень его восстала и посмотрела ему в глаза».

Однако эманаций, реминисценций, резонансов недостаточно. Для успеха изучения веселых наук необходима толика эрудиции и терпения, скромная, впрочем. «Много находит тот, кто мало ищет», — гласит герметическая апофтегма. (Мы используем слово «герметический», ибо арабская «алхимия» суть мать научной химии, а потому почти не имеет отношения к великой античной дисциплине).

А посему одна из кардинальных книг *gaia scenza*, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле не очень-то понятна тугодумам. Возьмем, к примеру, отрывок об ученом диспуте Панурга и англичанина Таумаста и поинтересуемся содержимым гульфика, точнее, брагетта Панурга. Там находились: великолепный апельсин, фрагмент бычьего ребра и две палочки соответственно черного и красного дерева. Сие важно, поскольку диспут велся на пифагорейский манер жестами и вещами. Для очень поверхностного понимания надобно знать: апельсин входит в эйдетическую цепь «солнце — герметический алмаз» (то есть озаряющий тьму); фрагмент бычьего ребра считался в средние века сильнейшим афродизиаксом; черная и красная палочки обозначали на языке «двора чудес» отличного, классного вора[1]. Дабы письменно передать проблематику десятиминутного диспута, Таумасту, как известно, понадобилась большая книга.

Почетное место в номенклатуре веселых наук занимала медицина — удивительный для нас факт. Легкомысленная медицина улетучилась лишь к XIX веку. Наши предки охотно пользовались следующими рецептами:

«Ежели кто страдает икотой, плесни, добрый человек, тому за ворот в меру горячительного молока, икота от испуга прыснет и удерет».

«Укради у воробьев конопляного семени и всыпь незаметно в нос насморочной персоны. Проснется та здорова и восславит воробьиного царя».

Сотни советов такого рода напечатаны в популярной при дворе императрицы Елизаветы Петровны книге «Целительное дурачество или пользительный рецепториум Конфузия Медицинского» (С.-Пб., 1750).

Смешные эти советы относятся, очевидно, к области «шоковой терапии». Так, да не так. Почему в первом случае господин Конфузий рекомендует именно молоко? Ведь для этой цели годится и холодная вода, и горячая картошка. Почему во втором случае надобно конопляное семя воровать у воробьев, да еще упоминается «воробьиный царь»? Возможно, в шутовском тоне высказаны действительно полезные наставления, годные и для серьезных людей.

Новая мысль (после века Просвещения) отличается беспощадным дуализмом везде и во всем. Не осталось практически ни одного понятия, которое так или иначе не раскрывало бы своей противоположности. Когда говорят «шутка», за ней прячется «серьезность», когда говорят «здоровье», подразумевается отсутствие «болезни». Поэтому Эрих Фромм однажды спросил, знают ли врачи, что такое здоровье? Такой же вопрос вполне легитимен касательно главных экзистенциальных понятий: за свободой всегда маячат рабство, работа, необходимость, за добром — зло, эгоизм, страдание, за силой — слабость, упрямство, физическая или умственная неполноценность.

Мы проживаем в тоскливом климате, где основными почитаются следующие понятия: работа, забота, «ты мне, я тебе», долг, спешка, серьезность и т. д.; лень, веселье, беззаботность, восторг, наслаждение — нечто досужее, вторичное. В отличие от непрерывной дисциплины и безмерной работы, в свободных удовольствиях надо «знать меру». Постоянно веселиться и наслаждаться могут люди денежные вообще, время от времени — люди денежные в

частности, то есть работающие. Что это такое, если не самое обыкновенное рабство? Мы, правда, не собираемся развивать текст в социальном смысле, поговорим лучше о традиционных обоснованиях веселья и серьезности.

Учение о темпераментах и элементах излагается в новое время без всякого энтузиазма, только рада «информации». Историки медицины, продвинутые благодаря вере в прогресс познания, толкуют мировоззрение прошлых эпох педагогически снисходительно. Темпераменты и «гуморы»: меланхолия, черная желчь, которой нет в природе, планета Сатурн; флегма, вода, неизвестная древним планета Нептун. Пустословие, скучные материи, каталог заблуждений...

И все же, несмотря на теорию относительности и бесконечность теоретической вселенной, мы ходим по твердой земле, плаваем в сверкающей, прозрачной воде, при полете воздух свистит в ушах, мы пребываем в трех стихиях античной космогонии. Проблематичен лишь огонь. Согласно Эмпедоклу и Филолаю, огонь занимает пространство от воздуха до сферы луны, мы заменили его ледяной пустотой. Куда же подевался огонь? Темпераменты суть результаты наших непосредственных контактов с четырьмя космическими элементами: земля — тяготение к фиксации, устроенности, стабильности; вода — стремление к растворению, расплыванию, ленивой мечтательности; воздух — свобода, подвижность, легкомыслие; огонь — блеск, веселье, остроумие, восторг, экстаз. С последними качествами дело обстоит плохо. Стоит только проявиться восторгу и экстазу — ведро ледяной воды наготове: мы напоминаем себе, нам напоминают другие, что эти напряженные эмоции опасны и могут легко привести к душевным расстройством и потере

стабильности. Несмотря на множество галактик и световых лет, тяготение к земле в новую эпоху несравненно интенсивней, нежели когда-либо прежде. Поэтому нет смысла рассуждать о равнодействии темпераментов — нам довлеет черная меланхолия и сосредоточенная серьезность, что, по словам немецкого философа Людвига Клагеса, «ведет к полному разрушению психосоматики». В современной психологической ситуации земля первична, вода вторична, воздух третичен, огонь... огню практически нет места в новую эпоху. Более того, огонь преследуется всячески: вино сейчас практически безалкогольно, из кофе выжимается кофеин, из чая теин и т. д.

Жил в семнадцатом веке знаменитый ученый алхимик, а заодно один из основателей научной химии, Жан Батист Ван Гельмонт. Но речь пойдет о его сыне — герметике и враче Франциске Меркурии Ван Гельмонте (1620–1685), авторе фундаментального труда «О родинках и волосах под мышками». В не менее солидной работе «Medicinae gaudi» (Веселая медицина) Ван Гельмонт-сын рассказывает о немецких и фламандских «игровых» и «зеркальных» госпиталях (Spiel und Spiegelhospitals), устроенных «по методике знаменитого шута Тиля Уленшпигеля».

Два слова об этом герое. Мы знакомы с ним по крайне политизированному роману Шарля де Костера, который превратил «короля шутов» в борца за независимость. Меркурий Ван Гельмонт посвятил Уленшпигелю две главы, попутно высказав любопытные соображения о шутовстве. Глупость была во времена барокко, если так можно выразиться, в большой моде. Тиль Уленшпигель всю веселил народ на улицах Брюгге и Лейдена, представляясь мавром, медведем, горбуном, хромым старухой. Особенно любил играть Феронию — греческую богиню «непоседливой глупости». Ферония судорожна, нелепа и постоянно попадает в дурацкие положения: стирает белье в золе очага, кипятит рыбу в проруби, ложится спать на крыло мельницы и т. п. Вероятно, это было очень забавно, но дело в другом.

Явление Феронии символизирует полную дисгармонию человека с космическими элементами. «По замыслу Творца, — пишет Меркурий Ван Гельмонт, — человек, созданный в центре стихий, должен ходить, плавать, летать и обновляться в огне. Вместо этого нарастает

угрожающая доминация земли. Sal Nitri (меловая земля, известь) оседает в костях, разъедает сухожилия, охлаждает кровь, в какие-нибудь несколько лет обращает юношей и девиц в жалких стариков»[2].

Взгляды автора на соматическую медицину отличаются язвительной резкостью: «Согласно Галену и Авиценну, врач не должен лечить болезнь — на то воля Божья — но споспешествовать животворной силе души. Полюбуйтесь на этих мародеров, дерущих золотые гульдены за свои ядовитые снадобья, на этих свойственников бесов и мясников: клистирами, пилами, вилами, раскаленными крючьями терзают они невинные тела человеческие. Зайдите в анатомические залы университетов поглядеть на филиалы преисподней, потом бегите в церковь и молитесь Господу Нашему Иисусу Христу, дабы поскорей он отправил эту кровавую шайку в пещь огненную»[3].

Далее Меркурий Ван Гельмонт сообщает об одном госпитале в Гамбурге, устроенном в традиции итальянской комедии масок. Больного помещают в палату, где стены, пол, потолок выложены зеркалами. Под музыку, танцующим шагом к нему приближаются врачи с гротескно увеличенными щипцами, сверлами, клистирами, бистури. Главный врач в наряде арлекина несет на плече внушительный термометр, напевая примерно так:

Повернись-ка ты, милоч

Со спины на третий бок

Господин лицензиат,

Влей вина страдальцу в зад...

Испуганный пациент, забыв про болезнь, визжит, царапается, кусается, потом, в ужасе от огромной бутылки и бешеных зеркальных фантазмагорий, замирает, покорный судьбе. Врачи суетятся над его отражениями, имитируют операцию, режут, пилят. В конце концов, больной теряет сознание и приходит в себя уже в обычной палате — его кормят бульоном, восхваляют его мужество и стойкость. Все плохие органы мастерски заменены на здоровые, ибо оперировал сам «султан врачей» — великий Махмуд аль Боабдил Селям Шафран. Правда, теперь он, пациент, превратился в негра, но негры нынче в фаворе. Подносят несчастному зеркало, вымазанное черной краской больной вообще перестает что-либо понимать...

Это простое резюме весьма сложного «лечения», вернее, облегчения активности *corpus animae proxiima* (ближайшего «тела души»). Пациента, сосредоточенного на физических страданиях, пытаются освободить от доминации земли, от связанной с этим элементом черной меланхолии. Меркурий Ван Гельмонт сообщает о самых разных игровых вариациях подобной медицины: иногда рядом с больным ложится обнаженная девушка и вещает глухо-замогильно: «режьте меня вместо этого праведника»; девушку «режут», она обливается «кровью», истошно вопит, и преисполненный сочувствия пациент забывает о себе.

Идея игровых и зеркальных госпиталей соответствует одной из главных метафор барокко: мир — театр. Впрочем, это метафора для нас, но вовсе не для людей той эпохи. Недурное решение нервического дуализма добра и зла, изначально присущего монотеистической догме, своего рода светский гнозис. Царство Христа не от мира сего, мир сей пребывает под властью злых драматургов и режиссеров — ересиархов, монархов, генералов, финансистов, то есть дьяволовых заместителей. Чертова эта компания, по счастью, не видит и не слышит нашего селф, подлинного «я», им доступна лишь материально телесная оболочка, которую

они мечтают истерзать поборами, тяжелой работой, а затем убить на войне. Наш святой долг и религиозная обязанность — не пытаться стальной метлой убрать эту нечисть, что противно учению Христову, но масками и лицедейством обезопаситься от бесконечных притеснений. Болезни суть аналогичное сатанинское воинство, бороться с ними — значит противоречить заповеди Христовой, болезни надлежит маскарадным образом вводить в заблуждение и обманывать.

Надо всегда помнить, рассуждает Меркурий Ван Гельмонт, что тела наши — только ветошь карнавальная, которую получили мы для прикрытия наготы душевной. Ветошь подаренную мы охотно сбросим в должный срок. Только вопиющие глупцы выставляют нежную обнаженность души на потеху и растерзание хищной бесовской своре сильных мира сего, их присных и наушников. Да будут учителями нашими не грязные и вшивые бродячие проповедники, не профессора, сокрушенные кабинетной наукой, но шуты, буффоны и комедианты — так поучает нас преславная легенда о жонглере Богоматери знаменитого клирика Теофила.

Прекрасным примером «состояния с болезнью» автор считает рассказ о поединке Тиля Уленшпигеля с черным рыцарем: «Сперва на ристалище выехал на могучем коне муж необъятного размера, закованный в броню с пяток до макушки, с копьем длинным, как язык злющей бабы. Из других ворот появился Тиль верхом на хромом осле. Седлом ему служила юбка гуляющей девки, шлемом — капустный лист, в руке он держал палку с пучком крапивы на конце. По дороге капустный лист соскользнул к вящей радости осла. Грозной падучей скалой обрушился черный рыцарь и пронзил копьем пустоту — шлем с него свалился и убил бродячую собаку. Уленшпигель отскочил в сторону, потом принялся елозить крапивным пучком по физиономии воителя, легко уворачиваясь от копья, меча и конских копыт. Взбесился, взревел черный рыцарь, конь его перепугался да и понес не весть куда, пока не сбросил грузного всадника в помойную яму»[4].

Такова борьба черной земли с вездесущим огнем квинтэссенции, определяющим четыре темперамента. Любопытно, заключает автор рассказ об этом эпизоде, болезнь не побеждена, что бесполезно, ибо «вылеченная» болезнь породит десяток других, но попросту обманута, одурочена.

По словам Рабле, «на небе и на земле нет ничего, достойного терзаний сердца человеческого».

Оправдание веселой науки, если она вообще нуждается в таковых.

Юбка с разрезом и без

Персонаж романа Густава Майринка заметил, что бесконечные разговоры за чаем и папиросами о Боге и миссии России — национальная болезнь русских. Американцев мы презираем за весьма низкий уровень тематического кругозора, ибо они способны часами беседовать о марках стиральных машин и автомобилей.

Выбор темы — дело непростое. Морж, пришед в гости к устрицам (Льюис Кэррол, «Алиса в Зазеркалье») объявил: «Пора потолковать о вещах серьезных — о кораблях, о старых башмаках, о сургуче, о королях и капусте». Полагаем, женская юбка с разрезом и без разреза — тема не менее важная, нежели перечисленные. По крайней мере, для женщин. Незнакомые мужчины способны долго и стеснительно молчать, пока кто-нибудь не начнет что-нибудь футбольно-политическое. Но если дамы увидят прохожую в юбке с разрезом, скажем, в середину бедра — оживленному щебетанию конца не будет.

Говорить и писать про юбку можно с весьма бесчисленных точек зрения. Лучше всего, если б планета вымерла, и на одинокой веревке осталась бы висеть одинокая юбка. Тогда легче рассуждать о «вещи в себе», феноменологической редукции, шозизме в стиле Роб-Грийе или Клода Мориака. Недурно поразмыслить о юбке в духе «Превосходства женского пола над мужским» Агриппы Неттесгейма. Знаменитый чародей поделился с читателем таким наблюдением: мужчина вынужден лечь или склониться к земле, чтобы нацепить штаны, женщина свободно надевает платье с поднятой головой, что соответствует достоинству человека. Психолог Эрнст Кремер в книге «Морфология тела и характер», не касаясь высокой миссии человека, рассуждает так: нрав и темперамент женщины лучше всего проявляется в манере натягивать юбку.

Иной поворот: всякий читатель Дюма-отца помнит, как после боевого свидания с миледи д'Артаньян ворвался в квартиру Атоса в юбке и сапогах со шпорами — даже супермолчаливый Гримо заорал благим матом.

Так вот. Мы рискнем заявить, несмотря на протест эмансипанток, что брюки на дамах выглядят зачастую столь же комично.

Русский поэт начала двадцатого века Владимир Агнивцев начал свою поэму «Гийом де Рошефор» следующими строками:

Сейчас весь мир подлунный

Звенит от птичьих стай,

И наступил безумный

Веселый месяц май.

Пустивши без уступок

Все стрелы в оборот,

Кивает из под юбок

Смеющийся Эрот.

Агнивцев подсказал нам эротическое, то есть похотливо-крылатое решение вопроса. Поэзия

Агнивцева вообще напоминает изысканно-игривые стансы виконта де Парни и его учеников.

Символист Танкред де Визан, сравнив пояс юбки с экватором, продолжил следующим манером:

Мы ждем Венеру с трепетом и верой

И пусть рассеется в ее лучах

Ночь вашей юбки... и двойною сферой

Нам расцветет божественное «Ах»![5]

Юбка воистину перст судьбы. В «Сказке о котике Шпигеле» Готфрида Келлера старая монахиня-ведьма задумала извести своего врага, колдуна Пинайса. Обернулась она пригожей девицей в лохмотьях, рыдающей у городских ворот. Пинайс участливо подскочил и обомлел: «Юбка у ней была разорвана точно по меридиану обнажая роскошные бело-розово-трепетные прелести данной девицы». Пинайс моментально предложил ей руку и сердце, понятно, на погибель свою.

Однако разорванная юбка это не юбка с разрезом, скажет внимательный читатель. Ладно. Для жадных мужских глаз это очень даже разрез. Прочь фасоны, выкройки, материи! У английского поэта Уоллеса Стивенса есть отличное стихотворение «Семнадцать взглядов на дрозда». Свою поэму давайте назовем, к примеру, «

Три похотливых мужских взгляда на юбку ». Разумеется, не без плагиата, ибо мы созерцаем чужое произведение столь же одобрительно, как герр Пинайс чужое тело.

Первое:

Юбка спит с открытыми глазами,

как заяц,

поэтому юбка незаменимое зеркало.

Второе:

Коль вдруг распухнут губки,

Есть крем для их услуг,

Ну, а для смятой юбки

Имеется утюг.

Третье:

Юля бедрами юлила,

Полыхали над могилой

Груды прачки пожилой.

Скудный поэтический талант не позволил даже с помощью Ганса Арпа и Агнивцева создать нечто похотливо-крылатое. Даже если исправить опечатки (вместо «могилой» следует читать «корытом», вместо «пожилой» — «молодой»), качество текста оставляет желать гораздо лучшего. К черту плагиат. Попробуем сочинять самостоятельно:

«Она лежала. Пьяная. Задранный, цветастая, залитая соусом юбка обнажала нежную ложину, поросшую черными асфоделиями».

Точка.

Во всех подобных пассажах чувствуется один дефект — акцент постоянно скользит от юбки к тому, что юбка призвана скрывать. Однако похоть, согласно нашей тезе, должна быть крылата:

Зевес, распутив лебединые крыла,

Миндальничает с мандорла.

Надо бы объяснить, что такое «мандорла». Мандорла это... это — то. То да не то. Вероятно, мешает неудобный посредник между юбкой и сладостной эпидермой. Вспомним Александра Вертинского:

Никаких панталон.

Это так некрасиво и грубо,

Это слишком толстит,

убивая притом сексапил.

Конечно,

эпиго и

ктеис (греческие термины для женской попы и вагины) fasciniруют мужчин пылких. Таковых Панург, персонаж романа Рабле, называл

эпигонами. Для спокойствия им надлежит, минуя membranum veneris (мембрана Венеры, расположенная меж симпатичных ямочек чуть выше бэксайда) зафиксировать взгляд на

palomas veneris, «голубях Венеры», лопатках в просторечии. Эти понятия эротической анатомии недурно истолкованы Овидием и Валерием Флакком.

Но.

Дабы не отвлекаться от ситуации «юбки вообще», прочтем несколько строк из поэмы Бодлера «Beau Navire», то есть «Дивный корабль»:

Ты плывешь, вздымая волны воздуха
широкой юбкой,
Так роскошная шхуна выходит
в открытое море,
Распустив парус,
В медлительном и энергичном ритме.

Это явление могло случиться только в середине XIX века где-нибудь в Париже, в страшных современных мегаполисах абсурден кринолин. Среди спокойной жизни неторопливых фиакров и тильбюри и цветочных корзин на каждом углу воздух был, вероятно, несколько

акватичен . Далее:

«Отважные ноги резко раздвигают воланы юбки
И провоцируют темные желания
Словно два чародея, что поворачивают
Влажный черный фильтр в глубокой вазе».

Поэт, обеспокоенный ногами героини, сравнивает ли их с двумя рулевыми у штурвала? Похоже, образ куда серьезней. Загадка здесь — употребленный Бодлером термин «фильтр». Это означает пленку или ряску на воде, любовное зелье, вообще колдовской напиток. В inferнальной магии смысл сложнее. Либо это сперма инкуба, антрацитово красящая волосы вагины, либо «черная лунная магнезия» из кратера monte veneris (холм Венеры, клиторис). В ритуале черной мессы на «влажном черном фильтре» готовят «причастие».

Широкая юбка волнует пространство, даже энергичная походка уступает повелительной плавности контрдвижения. Неуместен бег, быстрая ходьба, динамика напоминает сдержанно проявленный танец.

Женская мода вообще, фасоны юбок в частности завоевали место под солнцем в жестокой борьбе с догмой религиозной морали. Известно крайне двусмысленное отношение христианства к женщине. Проницательные глаза клерикалов не доверяли благочестивой скромности опущенных ресниц и строгому покрою невзрачного платья, ожидая в любой

момент округлого взрыва стесненной плоти.

Путь юбки в европейское высшее общество был тернист, так как юбка давала простор талии и бедрам. Грудь, освященную Матерью Божией, в свободное от кормления время надобно держать в жестком корсете, иначе она есть вызов общественному порядку. Даже в минуты насыщения младенца трудно укрыться от агрессора. В романе Ретифа де ла Бретона — французского писателя второй половины XVIII в. — «Совращенный поселянин» признается юре, что отбросил ребенка и сам приник к «источнику благодати».

Платья времен Империи со слишком высоко вздернутым пояском, производили странное если не уродливое впечатление. Но мятеж нарастал. На балу в Тюильри, данном в честь Аустерлица, две дамы в подобных платьях оставили грудь совершенно обнаженной. Сам император поморщился.

Жизнь всякого социума направляет тот или иной ритм. При интенсивной фасцинации этот ритм захватывает несколько поколений. После медлительных и степенных менуэтов и котильонов в бальные залы ворвался вальс. Новый головокружительный танец потребовал свободных длинных платьев с нормальной талией при гибком, дающем дышать корсете.

Нет общечеловеческих тел, а есть тела мужские и женские. Известный рисунок Витрувия, отредактированный Леонардо: мужчина по стойке смирно, руки вытянуты горизонтально, тело делится на четыре довольно равных части — от пяток до колен, от колен до гениталий, далее до груди, далее до темени. Квадрат. При раскинутых руках и ногах мужчина вписывается в окружность с центром в пупке. Развитые плечи, потенциальный порыв. Диссонанс неразрешимости квадратуры круга, покоя и динамики, вынуждает к постоянной экспансии, иначе живот, сутулость и прочее. Женское тело о двух подвижных центрах неопределенного эллипса или овоида напоминает, по мнению Винкельмана, яйцо, поставленное на тупой конец в отличие от обратной мужской позиции. Посему женщина чувствует себя стабильней и устойчивей. Однако Винкельман писал в XVIII в., когда еще не было речи о подвижной

эмерджентности груди и бедер и соответственно игнорировалась динамичная и натуральная женская

двойственность. Если в мужской психосоматике идет постоянная борьба за единый центр, за «недвижный двигатель», за идею единства, женщине это совершенно несвойственно. Закон женской логики следует сформулировать так: одна и та же шляпка одной и той же даме одновременно идет и не идет.

Революция вальса последовала за французской буржуазной революцией. Свобода и равенство — замечательные идеи, их надобно поощрять и расширять. Если джентльменам в стремлении к единству надлежит ходить проглотив аршин, это совсем не касается дам. Когда мужская рука обхватывает талию, тело подается назад, энергичное кружение требует вращения вокруг своей оси, вокруг партнера, работы бедер и резвости ног. В процессе вальса мужчина суть опора и охрана, если он хороший танцор, дама имеет возможность проявиться

во всем своем блеске. Вот переходный момент. Мужчина теряет роль великолепного самца, уступив великолепие даме. Это сказывается, прежде всего, на «оперенье».

Мужской костюм основательно полинял. Вместо расшитых золотом камзолов и фраков, панталон из тафты и бархата тщательной выделки, жабо и манжетов, украшенных множеством драгоценных камней, вместо туфель кордовской кожи с дивной работы пряжками, изумительных тростей редкого дерева, инкрустированных бирюзой и селенитами, на Аламеде, Пикадилли и Елисейских Полях появились серые, коричневые, черные рединготы и сюртуки, фраки в лучшем случае «цвета тела испуганной нимфы» или «наваринского дыма с пламенем» (Л. Толстой, Н. Гоголь), санкюлотские длинные «штаны», то есть брюки со штрипками, боты-ботинки из черт знает чего.

Активная «диффузия сословий» привела к разделению костюма от его носителя. Ранее не возникал вопрос идет костюм или не идет, хорош или плох, поскольку каждое сословие обладало

диапазоном одежды, колоритов, драгоценностей. Но когда Людовик XIV опозорил дворянское достоинство, продавая и раздавая грамоты направо и налево, началось отчуждение костюма от владельца оно, началась эпоха «Мещанина во дворянстве» Мольера.

Удивительно! Впервые в обозримой истории столь акцентировалось понятие

вкуса, столь неоспоримым арбитром стало зеркало. Bourgeois-gentilhommes, буржуа-дворяне, лишенные диапазона костюма, из всех сил стремились одеваться «хорошо». Воротилы банков и бирж краснели, как дети, слушая выговоры своих портных, куаферов, танцмейстеров. Характерен диалог гостей графа Монте-Кристо при появлении каторжника Андреа Кавальканти:

«...Вы придирчивы, Шато-Рено, — возразил Дебрэ, — этот костюм отлично сшит и новехонек.

— Вот этим-то он мне и не нравится. У этого господина такой вид, будто сегодня он впервые оделся».

Что простительно каторжнику, то вовсе непростительно приличным людям. У романистов XIX века министры, генералы в отставке, нувориши, куртизанки сплошь одеты с чужого плеча. Такое, по крайней мере, создается впечатление. Костюм стал важным и автономным фактором социальной жизни.

Если в XVI–XVII вв. было сразу понятно по манерам и костюму, кто перед вами — маркиз, барон, простой дворянин, купец или простолюдин, в XIX веке подобная ясность затуманилась. К разным головным болям добавилась еще одна: проблема идентификации человека с его костюмом. Когда-то индивид благородного происхождения выглядел примерно так: небрежно надвинутая на ухо шляпа с дорогим пером, схваченным бриллиантовой застежкой, эфес шпаги в замысловатых

инталья изумрудов и опалов, на отворотах изящных сапог — кружева Брабанта или Валансьена. Этой одежде резонировали (должны были резонировать) следующие качества души: мужество, наплеватьство на смерть, беззаботность, преклонение перед женщинами благородными, вежливое отчуждение от женщин простых, пренебрежение к буржуа и простолюдинам.

«Это напоминает какие-то бесконечные похороны», — так Шарль Бодлер отозвался о мужских костюмах середины девятнадцатого века. Мрачные сюртуки и рединготы, цилиндр, геометрия, серый и черный цвет... павлины, ара, фламинго вдруг обернулись пингвинами и воробьями. Буржуазная цивилизация, в отличие от природы, решила: самцам следует привлекать самок делами, ежедневной заботой, но не ярким оперением и серенадами. Буржуа не прочь побаловать глаза красками и блесками, но это дело специалистов. Если вы хотите колоритно одеваться, идите в клоуны, в танцоры, в богему.

В эпоху предварительного восстания масс, обожествления Маммоны и диффузии сословий бесполезному дворянству оставались поза, манерность, эпатаж.

Сэр Лотиан Хьюм довольно скептически высказался насчет нового сюртука великого дэнди Джорджа Брэммела, пошитого не менее великим портным Джоном Уэстоном. Состоялась дуэль. Сэр Лотиан имел репутацию одного из лучших в Англии стрелков из пистолета. При одновременных выстрелах у Брэммела пострадал сюртук. «Что он впал в бешенство, это не то слово, — писал его биограф, капитан Джеффри Джесс. — Следующим выстрелом он

пробил голову сэру Лотиану, сохраняя притом непринужденное спокойствие».

Однако мы сильно отвлеклись от нашей замечательной темы. В 1848 году случились два эпохальных события: массовые волнения взбудоражили всю Европу; вышел в свет роман Дюма-сына «Дама с камелиями». Последовательно об этом: техническая революция всерьез начала наступление на живую жизнь, что вместе с практически полной заменой золота ассигнатами привело к страшному обнищанию континента[6]. Золото исчезло как магико-медицинское солнце, зато восстало количественным эквивалентом материальных и художественных ценностей, техника уничтожила богов и богинь повседневной жизни.

Последнее требует пояснений. В прошлом люди, как эманации и прологации богов в стихии земли, дабы не растворяться и не расплыться в хаосе, занимались агрикультурой и разными промыслами под определенным божественным диктатом. Что такое посвящение в ремесло и звание мастера? Магическое соединение жизни неопита с жизнью его «создания» — корзины, копья, виноградники, корабли, кареты. При подобном «соединении» нет надобности разлагать нечто на составные части и досконально «изучать». Понятно, здесь требуется испытательный срок и милость богов, ибо сие — мистерия. Надлежит: торговать и воровать при содействии Меркурия, выращивать злаки и виноград при помощи Деметры и Диониса, рожать детей под охраной Дианы, заниматься ткачеством под наблюдением Арахны. Христианство так или иначе сохранило таинство ремесел, отдав оные под покровительство тех или иных святых — Губерта, Цецилии, Рохаса, Барбары, Жака и т. д. Но традиция забывалась, а с пришествием техники пропала совсем, оставив разрозненные суеверия. Единый Бог отвечал вообще за все, в частности ни за что. В этом смысле можно говорить об атеизме повседневной жизни.

Сие касается любви очень и очень близко. О высоком искусстве любви, посвящении в любовь, о языке любви стали забывать в середине XVIII века. Роман «Дама с камелиями» напомнил о символике цветов и возвестил о рождении проституток — первых представительниц класса независимых женщин.

Камелия, избранный цветок Маргариты Готье, стал символом этой общественной формации. Правда, трагическая и трогательная героиня Дюма-сына или ее реальный прототип — Мари Дюплесси имели к новой формации отношение косвенное. Куртизанки, дамы полусвета, они жили за счет богатых поклонников. Основную массу проституток составляли «бедные женщины в юбках[7]», по выражению Алексиса Токвиля.

До проституток юбки носили крестьянки, цыганки, актрисы, рыночные торговки. Поэтому, когда в парижской опере появилась знаменитая куртизанка Мари Дюплесси в юбке, с букетом красных камелий у пояса, порядочные женщины были потрясены. Камелии — безжизненные, словно восковые, без запаха, белые или ядовито-красные цветы сразу вошли в моду. Довольно быстро обратили внимание на пикантную деталь: пестик этого цветка, то есть женский половой орган, весьма напоминал возбужденный мужской член. Именно поэтому камелии стали именем нарицательным для женщин дурной репутации. В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» генерал Иволгин восклицает: «Посмотрим, старый ли заслуженный воин одолеет интригу, или бесстыдная камелия войдет в благороднейшее семейство!». Мода на камелии требовала длинной широкой юбки с поясом и пышной блузки с манжетами и кружевным воротником. Очень быстро так нарядились художницы, натурщицы, учительницы, суфражистки, революционерки. Долой корсет, да здравствует вальс и свобода личности!

Независимость обусловлена ли продажностью?

Проблема женской продажности сложна в силу этой самой «продажности». Деньги стали универсальным эквивалентом сравнительно недавно, а проституция считается древнейшей профессией. Данное сомнительное утверждение поддерживается в основном порицателями необузданной мужской похоти. Prostitutio означает поденное вознаграждение — только и

всего, проститутки в современном смысле появились не ранее шестнадцатого века. Языческий мир — мы говорим о Египте, Греции, Риме — был совершенно свободен от продажных женщин, поскольку брать деньги за это считалось тяжким оскорблением богинь любви — Изиды, Афродиты, Милитты. Посему понятие «сакральная проституция» — нонсенс, чепуха.

Здесь надо уточнить особенности язычества. Физическая девственность не ставилась ни во что — девушка обретала статус женщины, когда выходила замуж или жертвовала волосы богам, божествам, демонам; генитальная эротика не ставилась ни во что — женщина, замужняя или нет, была вольна отдаваться кому угодно, не вызывая никаких нареканий[8]. Спрашивается: за что платить? Совершенное равенство богов и богинь гарантировало аналогичную ситуацию мужчин и женщин. В середине седьмого века до н. э. греческий поэт Архилох писал:

Мы с тобой волны морские,

живем ветром и солнцем.

Ветер вздымает волну,

разбивает другую о берег.

Я над тобой, Диона,

белым гребнем вздымаюсь,

Падаю, разбиваюсь...

теперь ты надо мной.

Напомним еще раз: мужчины и женщины равны перед богами, отличаясь ориентацией природно противоположной — необходимое условие любой жизни. Мужской принцип — центробежная экспансия, женский — центростремительная компрессия. В мифологии это Гермес, бог фаллического огня, и Гестия — богиня очага. Изначальная дихотомия так или иначе дает о себе знать на всех уровнях и позициях. Согласно Гиппократу, мужчина сух и горяч, женщина влажна и холодна. Нет ни малейших резонансов возвышать один пол над другим и кому-то платить за эротические ласки.

Платить за работу, покупать и продавать, наживать капитал — данные операции, столь обыкновенные сегодня, очень нелегко детерминировать в античном мире. Рабам не платили ничего, свободные граждане работу презирали. При этом царило полное отсутствие количественных эквивалентов, признавались только магико-символические качества: за ржаво-зеленую бронзовую монету могли отдать массивный золотой браслет, за козленка с «дионисийским» пятном на лбу — оливковую рощу Перикл отдал (подарил, заплатил?) гетере Аспазии сапфировое ожерелье за стихотворение. Слово «гетера»[9] никогда не имело ядовитого колорита «куртизанки», который ему любят придавать многие историки. Арнольд Тойнби так выразился о предмете своих занятий: «Прошлое это река, где в зависимости от умения и снаряжения, историк вылавливает рыбу, годную в пищу его современникам».

Нашу действительность, механистическую, суетливую, агрессивную, нечего комментировать. Разве можем мы вообразить общество, которое живет спокойно, беспечно, никуда не торопясь? Общество, где не ищут работу, не получают зарплату, не смотрят на часы, не подменяют высокое искусство наслаждения стандартным «кайфом».

Современники очень любят тезис о неизменности и изменности человеческой природы, дабы оправдать собственные негативные свойства. Это, мягко говоря, неправильно — представители даже одной расы и одной национальности резко меняются от поколения к поколению. Поэтому нет смысла искать «глубочайших корней проституции» — явление сие в историческом аспекте весьма недавнее. Красные фонари и уличные женщины замелькали в европейских городах не ранее шестнадцатого века[10]. Следует расценивать проституцию как занятие профессиональное, поскольку «продажность» — понятие хамелеоническое, целиком зависящее от контекста, интонации, субъективного ангажманса. Да и так ли предосудительна продажа собственного тела? Разве землекоп или грузчик поступают иначе, не говоря о сотне других профессий? А как быть с конформизмом и продажей души за деньги или должности?

Однако появление профессиональной проституции — событие важное в истории нравов. Д

ело в том, что иудеохристианство вообще, инквизиция в частности внесли изрядную путаницу во взаимоотношения полов. Виноват здесь агент грехопадения, Враг, diabolus, демон делимости и распада.

Церковная диктатура не только поделила людей на своих и чужих, праведников и грешников, но и каждого человека расколола соответственно и предписала половине добродетельной угнетать другую, порочную. Женщины лучше мужчин приспособились к беспощадному демону делимости, ибо в магическом смысле женское суть четное, мужское — нечетное.

Монотеистический патриархат — поле битвы инициаторов общих понятий с людьми живыми или мужей добродетельных с мужчинами греховными. Согласно каббалистам, Ягве, изгнав первых людей из рая, бросил вдогонку змея и тот застрял в телах человеческих фаллосом и клиторисом, ибо Адам съел почти целиком запретный плод, а Ева лишь кусочек. На тимпанах готических церквей встречаются барельефы, где голого мужчину душит и жалит собственный, невиданных размеров змей-фаллос. Таковы последствия грехопадения, с которыми необходимо бороться непрерывно. И поскольку женщина создает благоприятный климат упомянутому змею, женщина в крайней степени опасна. От Святой Девы до «золотого кольца в ноздрях свиньи» дистанция велика.

Неудержимый процесс распада личности на много частей, отделение греховной природы от духовно чистых устремлений привели к распылению жизненной энергии, возрастающей неуверенности и раздирающим диссонансам. В XVIII веке свободную мужскую экспансию взяли использовать экономически целесообразно, расточительность и легкомыслие заменились приобретательством и накоплением собственности, что абсолютно чуждо мужскому принципу. Началась буржуазная эпоха и постепенное превращение мужчины в... недоделанную женщину. Мужчина утратил активную самодостаточность, и ценность его бытия сместилась во внешний мир. Он перестал притягивать, он стал притягиваться, из хозяина превратился в слугу.

Блуждание лифчика в запутанной тематике

Французская королева Мария-Антуанетта славилась роскошной грудью, две гипсовые чаши на золотом треножнике до сих пор хранятся в Лувре. Донельза эксцентричная, она явилась на бал в парижскую мэрию обнаженной до пояса, что, вероятно, и послужило поводом к революции. Если бы королева надела лифчик, неизвестный в ту пору, Франция оставалась бы страной монархической.

Это почти не преувеличение. Женская грудь на мужчин действует гипнотически. Когда греческий герой Беллерофон почти взял город на элейской равнине, ворота открылись и

вышли женщины, придерживая, словно предлагая, груди. Смущенный Беллерофон отступил к морю и скрылся — Посейдон, по слухам, был его отцом.

«Один» и «два» — числа-генады, отвечающие за экзистенциальную ориентацию в стихии земли. Определенные указания на сей счет можно получить в «Теологуменах арифмологии» неоплатоника Ямвлиха. «Один»: диктует решительность и целенаправленность, путь категорический и «несмотря ни на что». Уверенность в истине и правдивость противопоставляется релятивизму и лжи. В досадной, изменчивой многоликости бытия «один» стремится к одному центру и одному богу. «Я есмь путь, истина и жизнь», «Единый и его собственность», «Воля к власти»...

Центр должен быть один, бог должен быть один. Остальное — эманации Единого — интеллект, душа, материя. Бог сотворил Адама, но кто сотворил Бога. Кошунство? Да. И все-таки? Яйцо или курица? Космогонический Эрофанес или Эрос-Фанес разбил скорлупу яйца. Хорошо. Но что позволяет это предположить, увидеть очами души? Фанетия — женская божественная субстанция. Только на ее фоне проявляется Эрофанес и не только он, все на свете различимо на материнском фоне, ибо единство на фоне самого себя — это пустота бокала без бокала. Неоплатоники предполагают, что экспансия Первоединого растворяется, распыляется в Ином. В книге «О предположениях» Николай Кузанский рассудил: представим два равнобедренных треугольника, проникающих друг в друга сверху вниз так, что вершины касаются оснований. Основание верхнего треугольника — формирующий свет, нижнего — иное или тьма.

Фигура названа «Парадигмой», следовательно, допускает свободу интерпретаций. Фаллос Гермеса во тьме очага Гестии, мужской акт в женской потенции и т. д. Но вот что любопытно: потенция равна акту, мужское проникновение вызывает адекватное сопротивление. Если во времена Плотина материя считалась «чистой потенцией», то в пятнадцатом веке ситуация изменилась, ибо стала она «оппозицией» и «формирующий свет» встречает ее повсюду. Фаллос Гермеса «наткнулся» на клитор Гестии, на ее тайный мужской принцип — партеногенетического сына, более того, обнаружил в собственном центре свою андрогенетическую дочь. Вывод: «Из двух оппозиций одна стремится быть единством в отношении другой»[11].

«Два» — постоянный противник одного, «два» спокойно признает левое и правое, «и безумца и брамина, украшенного ученостью, и собаку, и того, кто ест собаку», истину и ложь, не отдавая никому преимущества. Свидригайлов из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» мыслит примерно так: привидения порождены болезнью, это правда, но разве нельзя сказать, что болезнь порождена привидениями? Человеку с подобной экзистенциальной ориентацией бесполезно задавать вопросы, требующие однозначного ответа.

Число «один» — идея фикс и упрямая догма: вопрос суть двойственность и сомнение, ответ должен «снимать» вопрос. Делимость означает здесь раздробление, то есть уничтожение. Это число мужское, несгибаемое, принципиальное, мужчина и его боги отличаются нетерпимостью, прямолинейностью, автодиктатом. Когда Лермонтов провозглашает: «Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!», — это безусловная угроза в адрес беспринципной делимости. Число «один» — мужская монотеистическая религия, Ева — результат «дробления» Адама.

Имея в сердце число «один», единственные расценивают мир как свое представление и полигон амбиций. Лук натянут, рука тверда, стрела на тетиве уже знает вражье сердце или кончик вражеского уха. Их любовь — милость победителя. «Бог и мое право» — девиз ордена Подвязки. Мелочь дамского туалета не имеет значения, это обманный оборот, «мое право» единственная реальность. Увы. К старости, когда все завоевано, и тиран на белом слоне въезжает в Каракорум или Коринф или, напротив, раздавленный и забытый, целует дамскую

подвязку и молится Богу, он благословляет сына: дерзай, познавай, покоряй легендарную Северную Индию. Совет неплох в ситуации гелиоцентризма. Но когда sol ivictis (непобедимое солнце) теряется в периферии вселенной и бесконечная ночь говорит — это лишь атом света в мириаде подобных солнц, героический фаллос сникает. Единый рожден быть богом или ничем, его контакты с четными числами катастрофичны. Геракл в тряпках Омфалы, Омфала в львиной шкуре героя.

В «Космогоническом Эросе» (1930) немецкий философ Людвиг Клагес недурно прокомментировал балладу Шиллера «Статуя Изиды в храме Саиса». Некий юноша домогался тайного знания у жрецов Саиса, но, презрев

постепенность, возжаждал высшей мудрости или обнаженной Изиды. Улучив момент, он сорвал покрывало со статуи богини. Конец баллады: мрачный, разбитый, угнетенный, он вскорости умер. Вывод Людвиг Клагеса: пагубна «жажда знания» и ничем не отличается от жадного любопытства. Правильно. И позволительно добавить следующее: мужчина может любить женское божество, как рыцарь — Прекрасную Даму, но ни в коем случае не учиться у нее или вмешиваться в ее мистерии.

Эвристическая гипотеза: женская нагота грозит мужчине духовной и физической гибелью. Скажут: это невероятное преувеличение, в мифах речь идет о богинях, а не о простых женщинах, бабах то есть. Однако наивным дочерям матери земли лунные богини придают гибельный для мужчины напряженный магнетизм, а луна ненавидит мужское начало во всех проявлениях. Мужчина, который не сумел полностью преодолеть лунное притяжение, обречен. Примеров сколько угодно. В ночных ресторанах танцовщицы стриптиза часто бросают лифчики хорошим клиентам, которые целуют и прячут реликвии сии[12].

Но это рядовая чепуха. Читая «Собор парижской Богоматери» Виктора Гюго, иной читатель справедливо удивится: как это ученый алхимик Клод Фролло пал жертвой чувственной страсти к цыганке, уличной плясунье?

В классическом индийском произведении «Двадцать два рассказа демона» излагается казус не менее поразительный. В джунглях жил мудрейший санниази. Иногда он выходил из состояния «самадхи» и катался верхом на тиграх, иногда пропитания ради отщипывал кусочек коры от ближайшего дерева. Услышав, как раджа этой области восхваляет великого аскета, некая куртизанка поспорила с ним, что через неделю санниази станет ее рабом. Для начала она подсунула конфету, пропитанную афродизиакон, под кору, которую время от времени пощипывал санниази, затем «случайно» попала на глаза обнаженная, испуганная, стыдливо прикрывая маленькими ладонями красивые большие груди. Короче говоря, уже через три дня несчастный аскет ползал у ее ног.

Новые астрономы, пораженные бесконечностью великой матери-ночи, предрекают импотенцию, угасание солнцу — фаллической парадигме — впрочем, вселенная все равно засосет нас «черными дырами» — забавная и прозрачная метафора. Пока мечтатели мечтают, деловые монады под сдержанные аплодисменты прогрессистов и негодование гуманистов, познают, покоряют, пожирают лоно (нашей локальной) земли-матери, сетуют на «ограниченность ресурсов», советуют человечеству худеть, размножаться экономично, ибо однажды все мы проснемся с голодным брюхом и лифчик будет не на что надевать.

Женские груди

наглядно обнажают природную двойственность земного бытия. Если раздвоение чувства или мысли на одновременную симпатию и антипатию, правду и ложь неприятно, если общая молитва и богу и дьяволу предосудительна, то раздвоение женской груди... Иногда старуха, задетая прохожим, кричит вслед: чтоб у тебя... отсох, чтоб тебе невесту с одной сиськой... Ужасны инвективы старой ведьмы.

Обладатели фаллоса не умеют считать до двух, поскольку «два» для них составлено из двух единиц при обязательной дистинкции. В самом деле: две руки делятся на правую и левую, один глаз или одно ухо часто функционируют лучше своих «напарников». Но женские груди

качественно равны — каждая из них одинаково красива и функциональна или наоборот, по крайней мере, на мужской взгляд. В схолиастике сие называется *indifferentia aequilibrii* — равновесия побуждений, две лужайки буриданова осла. Вероятно, данный осел был сыт в отличие от ребенка или мужской руки, которые с одинаковой жадностью хватают любую грудь.

Генада «два» дает женскому телу два центра тяжести — груди и кteis. Две груди и соцветия сосков, «двуличная» вульва с клитором и активный бэксайт.

Если дуализм, дилемма, оппозиции неразлучны с мужчиной, то женщине свойственна двойственность естественная, что дает куда лучшую устойчивость и сбалансированность, потому в земной стихии женщина «у себя дома». Она суть медиа меж землей и луной. Подъем и спад грудей зависят от луны, первые регулы аналогичны новолунию, последние — ущербу. Пенис, истолкованный как увеличенный клитор, опосредованно слушается лунных фаз. В полнолунии, в диком лесу неистово-похотливые фавны гонятся за голыми и стыдливими нимфами — на улицах современного города подобное зрелище было бы скандалом.

Возбужденный член неприличен всегда, кроме пиковых случаев, колыхание обнаженной женской груди неуместно, возможно, на собраниях, хотя... вспомним «Свободу на баррикадах» Делакруа.

Благодаря книге И. Я. Бахофена «Материнское право» нам немного известны отношения полов в античном мире. Равенство достигалось весьма просто — каждый следовал своей природной ориентации. Генада «один» диктует мужчинам созерцательный покой или кинезис, но не то и другое вместе. Арнстотель и Александр Великий, философ и воин — возможные мужские ипостаси.

Философ не должен иметь жены и детей, собственность воина — конь и копье. Воину не возбраняется женитьба, но в таком случае надобно оставлять военную добычу женской родне.

Он естественно бездомен, естественно неимущ, его удел — просто быть. Н. С. Гумилев «Возвращение Одиссея»:

Ну, собирайся со мною в дорогу,

Юноша светлый, мой сын Телемах!

Надо служить беспощадному богу,

Богу Тревоги на черных путях.

Это после избиения женихов и в перспективе спокойной супружеской жизни. Но верность Пенелопы, богини ткачества, еще страшной коварства Цирцеи, потому что она нежно и непреодолимо лишит Одиссея героизма, то есть фаллической силы.

Согласно генаде «два», женщина должна

иметь и быть .

Однажды (Бахофен и другие историки не уточняют когда) женщинам надоело возделывать землю и воспитывать детей, они сели на коней и взялись за копыя. Мужчин потянуло к земле, собственности, власти над женщинами и детьми. Протоестественная фиксация.

И началась яростная борьба полов — отцов и матерей, братьев и сестер и т. д. Андрократия или гинеократия. Борьба продолжалась с переменным успехом, пока с помощью буржуазного сословия женщины не одержали решительной победы. Это вовсе не означает тотального приоритета в семье и обществе, но мобильность и целеустремленность женщины и нарастающий дуализм мужского сознания.

Солнце померкло, а луна засияла. Ориентация общества изменилась, и мужчины оказались совершенно неготовы к новой ситуации. Война, как радикальное выяснение рыцарских отношений, охота, как рекогносцировка и рискованный динамизм, смертельно опасные навигации — все это уступило место банкирским конторам и прагматическим разработкам. Но подобные «цветочки» только предвещали настоящий кошмар.

Из-за монотонной механической работы и оседлого пребывания в мегаполисах у большинства мужчин, словно у диких самцов в неволе, полностью расстроилась сперматическая регуляция, что привело к нервическим взрывам

сатирического возбуждения и бессилия, к тривиальному и унижительному сексуальному рабству. Женщины привыкли, что их постоянно «хотят», что природный враг ползает у их ног. «Чем я хуже мужчины?» девятнадцатого века сменилось «я во всех отношениях лучше, умней и талантливей этой похотливой обезьяны». И поскольку поблек мужской эстетический идеал, предполагающий принцип «единого», пленительно красивый герой постепенно исчез даже с экрана. Стандартно-рекламная красота — акциденция современной деловой особи. Мужчины? Пока ученые не изготовили «синтетической спермы», надобно дрессировать «носителей детородного члена», дабы этот орган не причинял слишком много хлопот. Всякая женщина может стать более или менее красивой, ибо «красота» пристала «прекрасному полу», а мужчины... Пусть у «них» волосатые ноги и грудь, жалкие ягодички, дряблый толстый живот, под которым болтаются большие тестикулы и сморщенный маленький пенис (в эрекции он смотрится еще отвратительней), деньги и репутация — вот «их» красота. «Они» весьма

очаровательны в амплу юмористов и клоунов и просто

великолепны в качестве образцовых работников.

Генада «два» не составлена из двух единиц, она не понимает единицы и нечетных чисел. Вот почему типичные мужские дилеммы: либо-либо, перекресток, бог и дьявол, правда и ложь смешны в «равноправии и равнолевию» двух сосков, двух лопаток (голуби Венеры), двух кокетливых ямочек над попой (мембраны Венеры), то есть крайне чувствительных природных

антенн эротической анатомии.

Униженное самолюбие, пьяная похвальба или истерическое покаяние, дрожь мужских пальцев на застежке лифчика, женское «скорей, мне некогда» или «будешь хорошо себя вести, тогда посмотрим» и прочее в этом роде — все это напоминает финал «Сказки про котика Шпигеля» Готфрида Келлера. Когда колдун Пинайс, едва дождавшись конца свадебного пира, влетел в спальню, то, вместо девицы с дивной грудью и попой, нашел он на постели старуху-бегинку. Она исхлестала его розгой и заставила колдовать день и ночь. Котик Шпигель, встречая иногда на улице измученного колдуна, участливо спрашивал: «Все работаете, герр Пинайс, все работаете?...»

Какой смысл читать «Теологумены арифмологии» или «О предположениях», коли авторы жили гораздо намного раньше наших прадедов.

Единство и его эманации.

Но мы-то разорваны на сто кусков.

Виктор Гюго толкует о компрачикосах. Ребенок растет в большой бутылки и принимает форму одной. Ему еще повезло. Интересно, какую форму принимаем мы, как выглядим мы в телескопе, направленном со звезды Беттельгейзе?

Параметры и главные аксиомы нашей жизни впрыскиваются в кровь с детства, и шприц работает неустанно, разумеется, «для нашей пользы». Лет так до десяти еще ничего. Мрачный господин и угрюмая мадам (они почему-то именуются папой и мамой) внедряют в детские мозги ограниченное количество забубенной чепухи, в основном насчет того, что надо мыть руки и не водиться с бандитами, однако ничего не стоит высунуть язык у них за спиной. Дальше какая-то ерунда про бабушку и карточные игры. После десяти плохи дела. Мы случайно встречаем так называемого папу на так называемой маме, находим разорванный лифчик этой женщины, берем на память и случайно забываем в портфеле. Психиатр, школа, университет, царство страшных очкариков и головастых негроидов. Какой-то прыщавый огурец желтыми, как дыня, зубами изрыгает жвачку и перед новой жвачкой изрекает: наша планета — песчинка либо моллюск во вселенском океане световых столетий, мы на этой песчинке — спорадический микро... микрон; необходимо любить государство и «закрывать глаза» на жену ближнего; Хиросима и демографический взрыв; что-то чревато чем-то; харизма антиутопии холокоста; деньги; точка. Каждый несчастный фактор человеческий имеет в памяти горы подобной ахинеи — какие тут компрачикосы!

Фасцинирующая

эпиго прохожей дамы кружит голову, заслоняет хронологию, дни рождения, смерти, даты сравнительно величайших событий. Хорошо бы устроиться на ней и, подняв парусом лифчик, уплыть. Но ведь она не позволит, она ведь не сестра милосердия. Вспоминаем одноименное стихотворение Артюра Рембо, кое-как пересказываем:

« Молодой человек, гордый волею

настойчивостью, идет искать

утешения у своей сестры милосердия

ибо вечная рана его настигла.

О Женщина, куча требухи, сердечная

жалость, ты не сестра милосердия.

Ни черный взгляд, ни живот, где спит

рыжая тень, ни проворные пальцы, ни

великолепие груди не созданы утешать.

О Женщина, слепая, несмотря на
огромные зрачки; на тебе висят груди
а ты висишь на нас, и мы укачиваем
тебя — прелестная и серьезная Страсть.

Твои тяжкие вздохи, твои бесчисленные
ошибки и когда-то пережитые
обиды проступают к нам, словно
экссесс менструальной крови».

Хотят видеть мизогинию в этих драстических строках. Однако сильная поэзия не страдает однозначностью. Здесь холодно изложенный, размытый эпизод: молодой человек идет к женщине, надеясь на ее отзывчивость. Подобная наивность вызывает размышление поэта, пронизанное смелой метафорической образностью. Ты не сестра милосердия, что это значит? Женщина часто выглядит приветливой «бухтой», но горе тому, кто бросит «якорь». Его втянут в тягучий ил, высосут, истощат, посадят на цепь, отдадут злобе и разномастным угрызениям.

Лифчик. Диада, где фатум истины лениво расслаивается.

Болото засасывает, опутывает змеями гибких растений. Но неопределенно многообразие воды в ее поликолоре прозрачности. Земная женщина, источающая черную лунную магнезию, понятно, не сестра милосердия. Однако, пробуждение итифаллицизма стимулирует искателя любви. Сон Генриха фон Офтердингена из одноименного романа Новалиса: «В середине пещеры бил фонтан, который вздымался до скальных сводов и, рассыпаясь бесчисленными искрами, ниспадал в каменный водоем — оттенки расплавленного золота блуждали в таинственном безмолвии пещеры. Радужные колориты воды. Насыщенные прохладной влагой стены источали голубое мерцание. Генрих опустил руку в воду, смочил губы — несказанная свежесть пронизала тело, потом разделся и поплыл. Пламена закатных облаков, неслыханные мысли, невиданные образы прошли через него, волны, словно женские груди, нежно прогибались под ладонью. Растворенная женская субстанция».

И на ней, на этой воде, вероятно, остался колыхаться лифчик такого-то размера, лифчик — агент рации

Ведьмы и растения

Она блуждает в шпажнике и желтоцветах, пробирается через топь, щупая босой, уверенной ногой знакомые кочки. В багровой от заката воде блеснул хвост, серебряный хвост, это не рыба, нет, но еще не главный объект поиска. Неподалеку реполов принялся за свое тю-тю-тю, ориентация уточняется, она склоняется и вытягивает из цепкой грязи причудливый змеиный корень. Отряхивает грязный мокрый подол, стягивает волосы драным платком: замызганная дама выходит на деревенскую дорогу, сторонясь редких прохожих.

Ведьма ли она? Точно не знают, но очень подозревают. Пустили ее помочь повитухе, так потом у младенца вылез глаз на пупке; какой-то пьяный замахнулся на нее — рука так и осталась поднятой и согнутой; вылечила сап у кобылы, дунув в ноздри, а после кобыла пастуха сбросила на острые камни...

Этих странных женщин в разных странах по-разному зовут: ведьма (та, кто знает Ма); бруха (огненная змея); дамона (лунный морок); фелона (спящая в корнях дуба); мелузина (речная обольстительница); меланода (черный кошмар). Перед ними боязливо заискивают, при удобном случае гонят, убивают, труп предпочитают погрузить в болото или в зыбучие пески. Полагают, время от времени они творят доброе дело, но в принципе живут в пространстве злой гибели. Знают они слишком много, а любое излишнее знание внушается князем тьмы. Относится ли подобное утверждение к науке официальной? В известной степени да, хотя последняя хорошо умаслила население своими телевизорами и машинами. Ведьмы, по женской своей сущности, имеют свои интересы. Они любят подслушивать непрерывные сплетни соек, чибисов и щеглов, жалобы иволги на дикую капусту, семейные ссоры папоротников, подслушивать и выводить заключения вполне уникальные. Полученные сведения никогда не записываются, поэтому книги по магии и колдовству — только развлекательное чтение. К примеру, в четвертом акте «Макбета» ведьмы собирают в котел следующие ингредиенты:

Печень нехристя-жиденка,

Прах колдуньи, труп ребенка,

Шлюхой-матерью зарытый

В чистом поле под ракитой,

Потрох тигра, в ступке взбитый,

И цикута на приправу

Нам дадут отвар на славу.

Несмотря на крайнюю небрежность перевода, негативный пафос Шекспира налицо. Ведьмы несомненно дурные женщины, их патронессы — Ма, Кибела, Геката — и того хуже. Однако никто не станет отрицать: природу они чувствуют глубоко и серьезно.

Здесь надобно поразмыслить.

Монотеизм считает человека существом избранным, созданным «по образу и подобию Божьему». Избранным, следовательно, обособленным от остальных креатур. Независимо от веры или неверия в единого Бога, идея полного превосходства человеческого разума над всем остальным со временем утвердилась, теоцентризм сменился антропоцентризмом, только и всего. Человек устроил собственную сферу обитания, то есть цивилизацию, используя природу агрессивно прагматически в качестве исходного материала. После

Декарта вопрос был решен окончательно: Бог, Мировой Дух, Интеллект имеют проводником единственно разум человеческий, природа суть конгломерат полезных и вредных субстанций и стихийных процессов, зачастую непредсказуемых.

В результате экзистенциальный центр переместился в пространство, сугубо интерчеловеческое, и жить в природе и природой человек перестал. Вооруженные специальными познаниями и приборами, зоологи, орнитологи, энтомологи, ботаники рассекают, разделяют, классифицируют исходные данные на тысячи фрагментов, затем синтезируют в общую картину мироздания, единством своим весьма напоминающую решето. Более того: люди проецируют на природу собственную этику и эстетику, равно как социально семейные модели, и весьма потрясающе и досконально объясняют быт кузнечиков и законы джунглей.

Однако у природы нет законов, поскольку живая жизнь лишена абстрактных обобщений. Цикличность, периодичность, равномерность присущи человеческому разуму, но не природе.

Посему человечество делится на коллективы разумные и менее разумные. К последним, понятно, относятся примитивные народы, маги, знахари, ведьмы, словом, все, кто до сих пор коснеет в единой цепи бытия. Они утверждают: постоянная лесная и полевая жизнь располагает к знакомству с чуждыми цивилизованному субъекту формами бытия. Да?

Кто не с нами, тот против нас. Если некто молится белому камню, что порос ржавой бородой, вслушивается в стенания выпи, в скрежет дубовых ветвей, этот некто минимум чужак, неудобный, возможно опасный.

Авторитарная монотеистическая религия так и не сумела уничтожить культ естества и языческие ритуалы, а потому, по обычной своей привычке, разделила магию на белую и черную, добрую и злую. Последняя особенно возбуждает интерес: «Демонологи насчитали более трехсот видов колдовства, связанных с функциональностью черных созвездий, алмей, небесных монолитов, четырех космических стихий. Славная расплата ожидала не только пойманных за изготовлением мазей и эликсиров, но и подозреваемых. Поразительно, с какой готовностью соседи и родственники предоставляли в распоряжение трибунала свидетельства устные и письменные»[13].

За три века активной деятельности доминиканского ордена (1487 г. — булла папы Иннокентия VIII против колдовства, 1787 г. — последний смертный приговор испанской инквизиции) сожгли или предали пыткам около двухсот тысяч ведьм. Колдунов не более тысячи, что любопытно.

Справедливость благодетельной инквизиции сомнительна, ибо резкое проявление мизогинии очевидно. С похвальным усердием демонологи и прокуроры предостерегали верующих мужчин против женских соблазнов и прелестей. Книги Жана Бодена, Ричарда Бакстера, Лодовико Синистрари, Франсуа Креспе изобилуют сравнениями женщин с паучихами, жабами, змеями и т. п. «Женщина нечиста не только в период регул, но и в любой другой период, — писал Жан Боден в „Демонии колдунов“. — Мысли женщины, если таковые имеются вообще, направлены на похоть, разврат и жалкие блага мира сего»[14].

Чары красивой женщины туманят путь в царствие небесное, семейные заботы отрывают от благочестивых мыслей, что и говорить. Женщина в силу понятных причин куда ближе к природе, нежели мужчина, потому инвективы демологов обусловлены агрессией абстрактных идей. Нельзя к тому же забывать следующее: в конце средних веков и даже в эпоху барокко женщины еще не утратили своей натуральной магии, которая давала им полную власть над мужчинами.

Не представляется возможным разграничить натуральную женскую фасцинацию и ведьмовство. Легкое околдование мужчин элементарно и не требует специальных знаний.

Рекомендаций здесь сколько угодно: слегка протереть ватой, смоченной в слабом растворе менструальной крови, его туалетное зеркало; вплести в косу клочок, прядь его волос; чуть-чуть смочить его носовой платок слюной или... Это простейшие средства притяжения, говоря точнее, примитивные катализаторы черной магии.

Но если вы хотите стать ведьмой, необходимо узнать Великую Ма, что очень и очень непросто. * * *

Называется эта удивительная трава (удивительный кустарник) *Hypericum perforatum*. Почему перфоратум и кто его перфорировал, непонятно. Ботанические наименования не часто блистают изысканностью: зверобой обыкновенный продырявленный! Дырявое ведро, дырявые ботинки — куда ни шло, но почему подобного эпитета удостоилось золотистое соцветие о пяти лепестках? Его листочки просвечивают голубоватыми точками, лепесточки — эфирными жилочками. Эта приятная, полезная, волшебная трава зовется по-разному у разных народов, в России сохранилось более десятка названий, из которых «зверобой», бесспорно, самое неудачное. Никаких зверей он не бьет, если корова или овца пресыщаются гиперикумом до болезни, так на то они животные подневольные — рабство отбило у них последние мозги.

Обращение с растением у ведьм, шаманов, колдунов, знахарей, ворожей радикально отличается от «практического использования». Последнее, вообще говоря, означает уничтожение всего живого — морей, почвы, кроликов, белых мышей, кротов и, разумеется, растений. Как и всякий другой объект современного мира, зверобой разъят на составляющие: это полезно, это вредно, корень отбрасываем за никчемностью, стебель завариваем, из листьев масло выжимаем, красители для вин и ликеров изготавливаем и т. п.

Простак, склонному к созерцанию природы, растению приятно наблюдать в роскошном расцвете ее живого окружения, наблюдать и приходиться к разным недоуменным выводам. Почему гиперикума (зверобоя) избегают муравьи, но регулярно навещают бронзовые жуки? Почему в период цветения осы от него уклоняются, но стрекозы вполне охотно качаются на его венчиках? Почему цветы гиперикума боятся чернолуния, но радуются восходу Марса и Венеры? И весьма сложное «почему»: издавна выращивают зверобой вокруг курятников для защиты от лис и ласок — почему запах этой травы отпугивает хищников?

В магии не занимаются причинами и следствиями, вопросами и ответами, только наблюдают и констатируют знание уже полученное. От кого? От дедов и бабок, либо от обитателей иных космических стихий, так называемых элементаров — саламандр, эльфов, силфов, русалок, полудниц, водяных и т. д. Согласно магической традиции, корень растения соответствует ногам (или волосам), стебель — торсу, цветок — голове. Порядок меняется в зависимости от местных обычаев и преданий, но трехчастное деление остается. Следует пояснить: сие относится не к физическому телу, но либо к срединному (общее с физическим сердце и кровообращение), либо к «лунному телу сновидений» (Парацельс). Под влиянием магического воздействия, которое называется «рапт», человек действует бессознательно или попадает в ситуации неожиданные и безвыходные. В зависимости от косвенной или прямой направленности различаются «малые» и «большие» привороты. Хозяин дома, к примеру, не хочет, чтобы Иван Иванович приходил к нему — он прячет корень зверобоя в тряпицу с именем нежелательного посетителя и зарывает под калитку или крыльцо. Это «малый приворот», поскольку адресат особого ущерба не испытывает. Другое дело — нацеленная месть или ненависть, связанная с жестокими увечьями или болезнями — тогда с корнем зверобоя оперируют весьма секретно. В принципе магические операции разделяются на «инбибо» (*inbibo*) и «лускар» (*luscarg*), то есть на мягкие и жесткие — в зависимости от интенсивности и точности направленного замысла.

Зверобой магически резонирует с Венерой и Марсом, потому хорошо его собирать по вторникам и пятницам. Необходимо чем-либо одарить место сбора и нашептать самой траве,

какая помощь требуется. Если трава «несогласна» — признаки хорошо известны ведьмам и лесовикам — следует извиниться за беспокойство и уйти. Подобные «правила хорошего тона» подробно изложены в книгах Л. Русалова[15] и А. Ф. Кибитина[16].

А. Ф. Кибитин поведал несколько любопытных историй касательно зверобоя — эту траву называли еще «лилита». Имеется ли в виду библейская Лилит или славянская богиня луны Лилита — трудно сказать. Итак: отец заставляет дочь выйти за богатого купца, мать плачет и весьма неубедительно утешает:

В чирьях, угреватый,
Борода лопатой,
Но зато богатый
При больших деньгах.

Девица решает сама себе помочь. Необходимо в определенный день и час, в определенном месте попросить землю уступить траву лилиту (зверобой) и предложить замену:

Ты возьми колечко
И мое сердечко,
Матушка земля.

По субтильным, но вполне ясным приметам девица чувствует, что земля согласилась — корень медленно высвобождается и девица напевает:

Травушка лилита,
росами умыт
Живи у меня.
Будешь ты, лилита,
лентами повита
До черного дня.
Травушка лилита,
Сокрой и спаси ты
От дурных вестей,
Как повянут листья,
да поблекнут ленты,

Сгинет лиходей.

А. Ф. Кибитин добавляет: «Я часто разговаривал с молодыми крестьянками, подобными этой девушке, и меня удивляло их полное безразличие к судьбе своих жертв. Они твердили одно: такова девичья воля, так велела трава лилита»[17]. Так-то. Девушки прежде всего повинуются великой матери, как бы она ни прозывалась.

По своему резонансу с Марсом и Венерой зверобой очень эффективен в делах любовных и военных и, в зависимости от замысла оператора, интенсифицирует или ослабляет соответствующие способности. Зверобой обладает также ярко выраженными симпатиями и антипатиями: к примеру, ненавидит всю грибную породу и обожает семейство папоротников. Отвар зверобоя с теми или иными грибами зачастую дает бешеный эффект — совершенно пропадает страх и нервы длительно и агрессивно электризуются. Подобный «коктейль» (зверобой и паутинник простой) пили когда-то викинги-берсеркеры и сравнительно недавно — индейские воины племен ирокезов и онондагов. Возвращаясь к нашей унылой действительности, следует рекомендовать густой отвар зверобоя при отравлениях грибами.

Но это другие, менее интересные истории. * * *

Любопытна строка из стихотворения Жана Кокто о недвижно спящей женщине: «Ты мумия, и твой сон — Египет». У людей сон и реальность, как правило, четко разделяются. Минералы едва участвуют в нашем восприятии, зато драгоценные камни через свое сомнамбулическое пространство связуют нас со звездами.

Растения — иное дело, энергичные, хищные сны растений часто определяют нашу чувственную реальность. Эта пограничная ситуация придает растениям первостепенную роль. Они — стражи порога, защитники, охраняющие нашу хрупкую человеческую структуру от возрастающей агрессии черного космоса, как бы его не называть: бесконечная вселенная, инферно, потустороннее, экологическая коррозия и т. п.

Среди этих стражей «чеснок обыкновенный» (*Allium sativum*) из семейства лилейных (*Liliaceae*) занимает одну из командных должностей. Он остается вегетативным божеством северных народностей — нивхов, юкагиров, айнов, где и поныне существует обычай: охотник наугад берет один плод из груды чеснока — при нечетном числе долек охота обещает удачу.

Мы не оговорились — в магии чеснок, приятель апельсина и грецкого ореха, считается плодом. Легенду на эту тему приводит Кампанелла в своей «Натуральной магии» (1620 г.): «Король апельсинов, обозлясь на строптивного сынка, задумал женить его на лимоне (лимонне, лимонихе?). Посмотрел жених на невесту и заворчал: лучше весь век бобылем останусь, чем прикоснусь к этой кислятине. Услышала его слова Геката, покровительница лимонов, и забросила бунтаря в соленое озеро, где апельсин превратился в чеснок». Кампанелла акцентирует сугубо мужскую природу чеснока и его соответствие солнцу, алмазу, петуху, дубу. О родстве апельсина и чеснока упоминается в старинной и знаменитой книге по магии «Петушиная курица Гермодена» (XV в.): «В роще завелись злобные тарантулы, — жалуется апельсин, — которые высасывают нас. О премудрый чеснок, помоги, ведь ты наш близкий родственник».

Чеснок, действительно, беспощадный враг пауков и змей. Укус медянки, сребровицы и даже гадюки нейтрализуется приложением разрезанной дольки дикого чеснока.

Когда мы говорим о медицинской растительной магии, необходимо иметь в виду: речь идет преимущественно о дикорастущих злаках. Так называемые культурные растения теряют и

продолжают терять, из-за химических удобрений и прочих страшных нововведений, свою симпатическую силу и открытость к соединению. Эту силу и открытость, равным образом, продолжают терять человеческая эпидерма и слизистые оболочки, постоянно контактирующие с углекислым газом, асфальтовыми испарениями и т. п.[18] Простой пример: чеснок, как известно, устраняет действие магнита. Однако у «культурного» чеснока это получается в десятки раз менее эффективно.

Вернемся к соответствию чеснока и апельсина, что разумеется вызовет недоумение натуралистов. Когда в восемнадцатом веке Карл Линней классифицировал вегетацию на семейства, виды и подвиды, он более заботился об удобствах ботаников, нежели растений. Но семейства растений беспокойней и скандальней даже семейств человеческих, и слова Писания «враги человеку домашние его» еще лучше относятся к растениям. Чеснок, лук, лилии полевые терпеть не могут друг друга. Чеснок охотно дружит с морковью, земляникой, клубникой, очень доволен обществом жаб и лягушек.

Магия никогда ничего не объясняет, только принимает к сведению. Такие слова, как «планеты», «планетарные» менее всего касаются небесных тел: неведомые, но хорошо выраженные связи, в данном случае, растений, располагаются по солнечному, лунному, сатурническому уровню бытия. Чеснок фаллоцентричен и функционирует на солнечном уровне, алмаз, помещенный в чеснок, недели через две обретает розовый оттенок и увеличивается, затем, на глазах, возвращает прежний вид, как утверждают Плиний Старший и Абрамелин[19].

Эротически чеснок очень неплох для мужчин и совсем без надобности для женщин. На эту тему бытовала масса присказок, приговорок, прибауток. Фольклорист И. Л. Болдырев цитирует с десятков таковых:

Чеснок, сынок, валит с ног,

Даже старый уд твердеет, жесток...

...далее следует полное неприличие. Про женский пол несколько спокойней:

Девки красные, не ешьте чеснока,

Заболит живот, зачесется рука,

А потом, заметя гола мужика,

Захоронится в застреху чердака.[20]

В старину злющие бабы, желая вызвать у недругов своих мучительную, постоянную эрекцию, намешивали им в еду или в питье настой чеснока на бычьей крови. Само собой понятно, если чеснок вызывает турбуленции в сфере эротики, отсюда недалеко до потусторонних пространств. Здесь он необходимый защитник и доблестный воитель. Даже культурный чеснок, разбросанный на полу за мебелью, отпугивает настойчивых домовых. Дикий чеснок на многое способен. Суть его действия — «в нейтрализации притяжения беспокойной крови» (Элифас Леви). Примечание: кровь — не только содержимое наших сосудов, кровь — «душа мира», оживляющая вселенную. Любой страх, любое желание, любое околдование основано

на притяжении крови. Наши сны, образы нашей фантазии, наши неотвязчивые предположения суть эманации взволнованной крови. И вот беда: пока в сердце не взойдет потаенное внутреннее солнце, мы обречены барахтаться на этих волнах, измотанные непрерывными прельщениями и отвращениями.

Поэтому весьма важна роль нейтрализующих реагентов вообще и чеснока в частности. Имея в кармане дольку чеснока, можно гораздо спокойней дефилировать по ночным улицам или идти на сомнительное свидание, особенно если на этой дольке вырезаны подходящие случаю знаки, например, греческая буква Υ. Равным образом чеснок желателен при встречах с женщинами, завлекающими в сети, или вообще с людьми подозрительными. Надо понять правильно: он не спасает, но помогает сохранить хладнокровие.

Чеснок часто и не без оснований фигурирует в литературе или фильмах о вампирах. Тема слишком обширна, потому скажем несколько слов. Ни в коем разе нельзя назвать вампирами сангофилов — худосочных любителей чужой крови. Вампиры — это очень серьезно. Чтобы стать вампиром, необходима жестокая инициация, необходимо научиться переходить порог смерти туда и обратно — тогда кровь обретает бессмертие. И если чеснок бессилен против таких мастеров как Влад или Мориц фон Штауфенберг, то вполне защищает от вампиров неопытных или сомнамбулических. * * *

Похоронные процессии в языческие времена: участники, сплошь голые, бросали на могильный холм ветки калины. Почему голые? Похороны суть напоминание: голыми родились, голыми и пойдём в лоно матери-земли. Почему калина? В северных деревнях она именовалась «цветом живых и мертвых» на пограничье иного мира. В «Литовских легендах и сказках», собранных французским поэтом литовского происхождения Оскаром Милошем, попадаются такого рода тексты:

«Дочке было шестьдесят, матушке — восемьдесят. Дочка матушке и говорит: надоело тебя кормить, объедала окаянная, внуки да правнуки твои голодом сидят, а тебе хоть что, по гроб собралась, салом обжираться. Ладно, кивнула матушка, пойду с калиной посоветуюсь. Залезла в самую темь калиновых кустов, долго причитала, шепталась с ветвями. Калина дала ей клюку, матушка в дорогу собралась: прощай дочка, увидимся, не сомневайся. Повела клюка матушку за собой, бодро постукивая по мшелым камням. Скатились обе в лохматую ложину к болотистой водянице. Славно, славно, бормотала матушка, вот на бережку платье новехонькое, а вот и бусы, спасибо святому Игнатию. Сбросила рваные тряпки совместно с морщинистой кожей да седыми клоками. Новое платье надела, на воду поглядела, оттуда кивает ей озорная рыжая девка, губы яркие, прямо ягоды калиновые. Погоди доченька, усмехнулась матушка, теперь у нас другой разговор пойдет».

В немецкой (XVI в.) анонимной книжке о жизни растений несколько страниц повествуют о кровопролитной битве мужского и женского начал на уровне вегетации. Именуется сие «Потасовка чертополоха с калиной». Когда колючки чертополоха пронзили кожу калиновых ягод, под действием сока стебли чертополоха мгновенно иссушились, хотя, надо заметить, чертополох — серьезный боец.

На калиновые радения[21] собираются не только ведьмы, но и порядочно всякого бабьего народу. Это сугубо женская мистерия. Только побывав на радении, можно потом собрать сильную ягоду, пригодную в сочетаниях с крапивой и беладонной для приготовления: фармакопей от расстройства регул; от лютых резей в желудке; от нежелательной беременности; от бессонницы либо для малого летарга дня на три, четыре. Но более всего калиновые фильтры эффективны в борьбе с мужчиной. В равных долях смешиваются калиновые и волчьи ягоды, молочай осинового и корень простого папоротника. Розово-дымчатый отвар действует успокоительно или убийственно на агрессию нервную, мускульную, фаллическую.

Фольклор отлично отражает ситуацию. В сборнике «Народные песни, частушки, присловья» (Москва, 1955 г.) читаем такую историю:

На завалинке Ерема
размечтался, глядя в даль.
Грусть-тоска снедает душу,
и не радует медаль.

Черноглазая Матрена
и лукавит и манит,
Пред калиновою веткой
девка вряд ли устоит.

Отрубил Ерема ветку
от калинова куста
И послал гонца к Матрене
в виде черного кота.

И разлегся на постели,
ох и жарко нынче лето,
Глядь, пришла к нему калина
и отрезала... вот это,

А потом пришла Матрена —
ты хотел меня любить.

Да ты что, Матрена Львовна,

будем лучше водку пить.

Хороводы на деревне,
ветки заново цветут,
И готовится Ерема
к поступлению в институт.

Мужчина, желающий ускорить обольщение девушки с помощью женской же союзницы, достоин разве что учения в институте — такова, похоже, мораль текста сего.

На цыпочках и на ощупь

Что хорошо социуму, плохо индивиду и наоборот. Кто не с нами, тот против... Если враг не сдается... Ибо из двух оппозиций, по мнению Николая Кузанского, одна стремится стать единством относительно другой. Почему «враги человеку домашние его»? Главное потому, что мешают оному достигнуть царствия небесного своей ежедневной белибердой.

Одно из толкований символа креста: горизонталь суть пребывание «внешнего человека», вертикаль — «внутреннего человека» (индивида, тайного «я» по Майстеру

Экхарту). Их пересечение непременно ли ведет на Голгофу, к жизни дон Кихота, в сумасшедший дом? Ежели вспомнить сказанное в связи с окружностью, меж горизонталью и вертикалью всегда остается крохотный зазор, минимум, невозможный для преодоления. Пользуясь романтическими доводами в защиту индивида, мы не добьемся ничего. Человек не в силах себя отделить от окружающего — дело в неразрешимом понятии грани, границы. Он раздвоен природно. Индивид либо фантом абстрактного мышления, либо цель неустанного поиска. Французский философ Шарль де Бовиль писал в книге «О мудрецах»: «После грехопадения человек не может вернуться к нерушимой первичной простоте. Он должен через противоположность, что раскинулась над ним, найти истинное единство своей сущности, то единство, которое не исключает различие, но ставит его и поощряет. В простом бытии нет силы, оно плодотворно, когда раздваивается в самом себе и таким образом восстанавливается в своем единстве»[22].

Единство вне собственного фона, вне множественности — понятие трансцендентальное, «метафизическая точка» Лейбница. Иначе получится белая ворона, монарх без монархии, оратор без аудитории, словом, нечто оригинальное, нелепое, смешное, трагическое. Единство, внедренное в двойственность, приводит к полному растворению любой идеологии, потому что, согласно аксиоме Лейбница, в любой системе таится ее собственное отрицание.

У Германа Гессе есть любопытная статья «Братья Карамазовы и закат Европы»: «Что происходит в романе? Смердяков не убийца, Иван не нигилист, убийство оправдано, старец Зосима падает в ноги Дмитрию ради будущего великого страдания его...» Касаясь легенды о

великом инквизиторе, Гессе понимает сцену так: инквизитор говорит Христу: по одному слову моему толпа станет подбрасывать хворост в костер, на котором я тебя сожгу. В результате добро, моральный закон, религиозная идея — все летит к черту. Что же остается, спрашивает Гессе? Закат Европы, Шпенглер, джунгли, бескрайние сарматские степи...

В середине девятнадцатого века под именами анархизма и нигилизма, в сущности, скрывалась ненависть к диктатуре единого. Далее: сомнение в легитимности десяти заповедей, рассуждение Макса Шелера о ресубликации, пассажи Людвиг Клагеса про убийственное влияние духа на душу — недоверие и разочарование в примате «единства» людей, воспитанных в почтении к этому примату.

Блуждающий центр, подвижный акцент. Подлунная природа и мы сами основаны на законе первичной двойственности, что выражено очень резко в докторе Джекиле и мистере Хайде, в концепции человек-зверь, но может скрываться до неразличимости в действиях убежденного фанатика. По мнению Базарова, порядочный химик лучше любого поэта. Эпатажное высказывание для того времени, не более того. Просто в его, базаровской гамме предлагается другая тоника.

В своей ученой поэме «О природе вещей» римский поэт Лукреций проявил так называемый материализм, за что его весьма ценят. Богов он при этом не отрицает, хотя полагает существами отрешенными, которые сами себя создают из комбинаций легких атомов и легких пустот и уж понятно никак не вмешиваются в дела человеческие. Лукреций интересен совершенным отрицанием платонического «единого». Относительный порядок в четырех космических стихиях поддерживает первичная двойственность Венеры и Эроса: мать и сын, мать и отец, любовники, сестра и брат, словом, обожествленное могущество двойственности. Любая ссора между ними ведет к локальным или масштабным катаклизмам.

Здесь сокрыто обоснование магического воззрения, ибо тщетность однозначных объяснений открывает двойную жизнь вне платонического диктата обязательного единства. Методика оскорблений: если нас обзовут подонками, змеями и скорпионами, следует скромно ответить: сии суперлативы объясняют нас не до конца, всегда есть нечто, ускользающее от пытливой мысли оскорбителя. Это равным образом относится к психологу, писателю, портретисту. Каждый из таких специалистов может задать себе вопрос: не является ли моя исчерпывающая характеристика данного лица, скорее, автопортретом, нежели чем-нибудь другим? Так ли уж правилен однозначный вердикт? В романе «Бесы» Ф. М. Достоевского разбойник Федька Каторжный говорит: «Он (Петр Степанович Верховенский) как человека сочинит, так с ним и живет». Все мы склонны к подобным «сочинениям», а потому живем с фантомами, схемами, моделями, избегая реальной двойственности бытия. * * *

Наблюдение и спокойное созерцание желательно при вхождении в эротико-магические пространства. А что еще желательно? Знание «науки страсти нежной, которую воспел Навон»; знание минералогии в ее альтернативных вариантах, этнографии в духе Парацельса и делла Порта. Очень полезны путешествия сэра Джона Мандевиля, отчеты искателей Гипербореи, Лемурии, Гондваны, ибо вряд ли нас может интересовать прагматическая военно-торговая география земного шара. Иное дело — «страна пресвитера Иоанна», Антихтониус, архипелаг Перия, острова Синдбада-морехода, карты Летучего Голландца...

Однако во всех подобных географиях необходимы фиксированные точки, буссоли, астролябии и прочее. Девиз магической географии «mobile in mobilis» — подвижный в подвижной среде. Для современной физики процесс наблюдения влияет на объект наблюдения. Что же сказать о пространствах, где наблюдение не просто влияет, но изменяет пейзаж и трудно сообразить, что с нами-то делается.

К примеру, одиннадцать братьев, обращенных колдуньей в лебедей, несут сестрицу Элизу на крыльях. Впереди — замок феи Фата-морганы: «Под ним качались пальмовые леса и

роскошные цветы величиной с мельничные колеса... И вот горы, леса и замок рухнули, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей. Элиза взгляделась пристальней и увидела, что это просто морской туман, поднимавшийся над водой»[23].

Когда мы слышим «мираж», «фата-моргана», наша реакция на эту новую «реальность» стандартна. Сказки, легенды, выдумки. Имя Андерсена гарантирует грустное или веселое мечтательное вовлечение, ибо мы двойственны и в нас живет мальчик или девочка. Если аналогичное поведает какой-нибудь средневековый автор, тоже неплохо: мы знаем от историков, что, начиная с Геродота и Страбона и до «века Просвещения», достоверность не считалась особой добродетелью. Почитаем рассказ о церквях и кораблях из «Императорских досугов» Гервазия Тильберийского (XIII в.): «Уже в наши времена на глазах у множества народа случилось чудо, подтверждающее существование моря наверху. Когда в Великой Британии люди в праздничный день, отстояв торжественную мессу, стали покидать переполненную церковь, вдруг из-за плывущих низко облаков все погрузилось в полумрак и сверху показался корабельный якорь, зацепившийся за окруженное оградой каменное надгробие, так что якорный канат повис и болтался в воздухе. Люди пришли в изумление и стали обсуждать это на все лады, как вдруг увидели, что веревка натянулась, будто кто-то пытается вытянуть якорь. Несмотря на многочисленные рывки, она не поддалась, и тогда в густом и тяжелом от влаги воздухе раздались голоса матросов, которые пытались вытянуть якорь. Прошло немного времени, и стало понятно, что они отчаялись и послали одного из своих, который, как того и следовало ожидать, зацепился ногами за якорный канат и, перебирая руками, спустился вниз. Когда он уже почти высвободил якорь, стоящие вокруг ухватились за него и принялись его трогать. Но подобно тому, как это случается в море во время кораблекрушения, матрос стал захлебываться от слишком влажного и тяжелого воздуха и испустил дух. Прошел целый час, матросы наверху, решив, что их сотоварищ утонул, перерубили канат и, бросив якорь, отправились в плаванье. В память об этом происшествии, по мудрому совету, из якоря сделали железные части церковных дверей, представленные всеобщему обозрению»[24].

Любопытен весьма редкий религиозно-магический резонанс. Церковь часто сравнивается с кораблем, плывущим в царствие небесное по «верхним водам», упомянутым в Библии. Якорь, что использован для отделки церковных дверей, соединяет «это» и «другое» пространство. Но не только. Магические объекты суть катализаторы перемен и трансформаций. На эту тему хорошо сказал Р. М. Рильке в стихотворении «Архаический торс Аполлона»[25]:

...на этом торсе любая точка

видит тебя.

Ты должен изменить твою жизнь.

Если убрать обожаемое немцами повелительное наклонение (stirb und werde — умри и стань — Гете; du sollst — ты должен — Рильке) останется нормальная магическая перспектива. Не только произведение искусства, но и любой объект способен активизировать восприятие и устранить цензуру здравого смысла. Всякие редкости, драгоценные камни и кристаллы, дорогие зеркала и металлы гораздо менее эффективны в магии, нежели простые минералы и сорная трава. Упомянутая сказка «Дикие лебеди» тому пример. Фея Фата-моргана советует

Элизе сплести из крапивы длинные рубашки ради расколдования ее одиннадцати братьев, обращенных в лебедей.

Крапива отвечает принципу языческого бытия — ее много, она неприхотлива, растет в изобилии, что говорит о силе и могуществе. Молодая крапива вкусна и полезна; у старой крапивы длинные волокна словно у льна, крапивное полотно прочно и красиво; смесь поваренной соли и крапивного корня дает превосходную желтую краску; свежая крапива под подушкой отгоняет ночные кошмары; крапивный огонь устраняет самое злое колдовство.

Любая магия предполагает живое среди живого, подвижное в подвижном. Ничего мертвого и механического, никакого деления на «органическое» и «неорганическое». Следует отметить чрезвычайную роль эпидермы — в коже скрыты все органы чувств, которые могут развиваться хорошо или плохо — отсюда специальные мази и фильтры, способные изменять либо восстанавливать слух, зрение и т. д.

Но это земная магия. Она утоляет желания, помогает в любви и честолюбивых помыслах, обессиливает врагов, лечит болезни. Игнорируя причинно-следственные связи, классификацию живых существ на виды, подвиды и отряды, она видит, слышит и угадывает ассоциации, резонансы, реминисценции, эманации, соответствия.

Продолжим свой крапивный эпос. Жжение крапивы очень напоминает руке жжение горячей яблоневого ветки, именно яблоневого, а не березовой либо сосновой. Лизнув заледенелую бронзовую монету, мы почувствуем... крапивное пламя. Значит яблоня, крапива, бронза имеют нечто общее. Запомним это «нечто», откроем какую-нибудь книгу магических рецептов, скажем, «Петушиную курицу Гермодена» (XV в.), и прочтем: «Натри свежей крапивой бронзовую монету, положи последнюю в кислое зеленое яблоко, поддержи на горячих углях. Монета сия защитит от огня и любого оружия».

Весьма познавателен другой сборник под названием «Конституция папы Гонория Великого» (скорее всего, апокриф XVI в.). Здесь перечислены семьдесят два имени Бога, здесь начертаны магические характеры, описаны творятся с непременным упоминанием Иисуса Христа, святой Троицы и апостолов, хотя рекомендации зачастую направлены в сторону красной и черной магии. Такой пример: «Найди череп человека, вложи в отверстия старые черные бобы, положи череп в укромное место огорода ликом в небо, поливай три раза в день в течении девяти дней отменной водкой...». Длинный и сложный рецепт помогает стать невидимым в зеркале. Или: «Отыщи на старом кладбище гроб подревней, вытащи гвозди. Поищи привычную дорожку врага, и вбей гвозди в следы его, и прочти такую молитву...». Еще пример: «Если желаешь, чтобы ненавидящие тебя супруги прекратили свои брачные утехы, купи новый нож, начертай острием близ двери спальни слова *consummatum est*, затем вонзи нож в дверь, дабы лезвие сломалось». Исполнение подобных рецептов опасно ответным ударом не столько со стороны враждебных персон, а более от потревоженных стихий. Оператор здесь рискует куда сильнее, нежели в тривиальных человеческих инфайтингах.

Искатель секретов и нестандартных решений завязает в стихии земли, откуда выбраться трудно. Пусть он станет мистагогом, авторитетом, королем, первым в двойственности «я и люди», какой прок? Так или иначе его сволокут с вершины, трона, пьедестала, убьют, сделают клоуном[26].

В плане индивидуального развития лучше тысячу раз изобретать велосипед, чем повиноваться диктатуре авторитетов, которые наподобие компрачиков долбят неопита своими идеями, дабы придать ему желанную форму. Надо непременно учесть афоризм Майстера Экхарта: «Дабы раскрыть внутреннюю субстанциальную форму, необходимо избавиться от всех внешних форм». Должно забывать, а не собирать. Накопляя информацию, отыскивая все новых учителей, осваивая специальности, мы рассеиваем сугубо необходимую энергию внимания.

Как мы упоминали, иудео-христианская концепция души синкретична и крайне расплывчата. Вот, к примеру, сказка Оскара Уайльда «Рыбак и его душа». Молодой рыбак поймал сетью морскую царевну и влюбился. Сия русалка или, точнее, nereida не прочь ответить взаимностью при условии, что рыбак избавится от души. И тут начинаются проблемы: священник в ужасе от подобного святотатства, купцы, смеясь, отказываются от никчемного товара. Делать нечего, надо просить ведьму. После долгих уговоров, после посещения шабаша ведьма дает рыбаку нож и повелевает в полнолуние отрезать тень у самых пальцев ног, ибо «тень суть тело души». Очень неохотно душа покидает рыбака, свершает дальние странствия, но раз в год рассказывает ему путевые впечатления.

Взаимосвязи тела, сердца и души совершенно непонятны. Душа предлагает рыбаку преступно похищенные богатство и мудрость, но тот счастлив в морских глубинах со своей возлюбленной. Конец трагичен: душа обещает ему показать танцовщиц (nereida, увы, не может танцевать), входит в тело, в результате все умирают. Измена ли рыбака тому причиной, или преступность страждущей души?

Античный взгляд полностью отличен от иудео-христианского.

Схема пространства четырех стихий разработана Аристотелем, он же предложил четырехстихийный состав каждого объекта и понятие о душе как теле энтелехии. Космос четырех элементов регулируется пятым — эфиром или квинтэссенцией. Микрокосм — будь-то камень, растение, зверь, человек имеет свою квинтэссенцию. Тем не менее, в каждой сущности превалирует один элемент, определяющий ее темперамент и стиль поведения. Достаточно эффективная квинтэссенция способна преодолеть однозначность темперамента, аннигилировать тягость меланхолии-земли, инерцию флегмы-воды, летучесть сангвинического воздуха, бешенство холерического огня. Подобная трактовка темпераментов, принятая в античной медицине, учитывает, прежде всего, фундаментальность и весомость земли и зависимость от нее других элементов.

Знаменитый античник девятнадцатого века И. Я. Бахофен считает главным событием греческой космогонии — восстание огня, воздуха, воды против диктатуры матери земли. Среди множества огненных семян, рассыпанных в ее лоне, нашлись мятежники, желающие независимости. В результате Уран или насыщенный светом воздух противопоставился земле и ночи в виде ясного дня. Перипетии мифа кровавы и трагичны, ибо гигантомахия началась с самого начала. Кронос, послушный сын Геи, победил мятежного Урана и отрезал у него фаллос. Это первый эпизод извечной борьбы носителя пениса — сына и раба матери — с фаллическим оппозиционером. От фаллоса Урана или небесного сперматического эйдоса, поглощенного космическими стихиями, родились иные боги и богини, в частности Эрос и Афродита. Последние особенно для нас интересны, поскольку пребывают на границе стихии воды и земли и дают возможность сублимации.

Всадники (римское военное сословие), рыцари, кавалеры, поэты и трубадуры мифологически связаны с великим и героическим племенем кентавров, рожденным, как мы упоминали, от любви Иксиона к богине воздуха Гере. Последняя придала облаку свое обнаженное очертание. Миф активно акцентирует роль иллюзии и миража в любовном событии или, согласно нашей тезе, реальностей воды и воздуха.

Божественность этих людей и этих лошадей. Те, кто умеет укрощать свои страсти словно диких жеребцов; те, кто живет *in bello non in pace* (для войны, не для мира); те кто радуется препятствиям и достигает цели быстро и точно — все они в определенном смысле кентавры. «Согласно Пифагору, — сообщает неоплатоник Сириан, — кентавры распались на людей и лошадей, nereиды и тритоны — на людей и рыб, киноцефалы — на людей и собак». Подобно разделенному андрогину, что ищет недостающую половину, всадник ищет лошадь, охотник — собаку, пловец — море и т. д. Смелым мыслителем был Пифагор. Его последователи полагают: в божественных соитиях с деревьями, озерами, скалами, людьми, львами,

драконами проявилась небесная форма, единая цепь бытия. Отсюда чувство родства с каким-нибудь растением или зверем. Так в романе Кретьена де Труа «Ивен — рыцарь Льва» (XII в.) герой в битве или на турнире идентифицируется с данным зверем без особого усилия воображения.

Обитателям аквателлурической сферы присущи легкость, порыв, беззаботность, им нет надобности в земных опорах и ценностях. Поэтому люди такого типа бескорыстны, доблестны, честны — иначе им не выжить в режиме плавания или полета, где необходима четкая концентрация. Сребролюбие, скупость, трусость, лживость рассеивают «я» в земном социуме. Аскеза также не представляет труда — эти «амфибии» сотканы из другой материи, им довольно минимума земной пищи.

Людей такого типа следует назвать аристократами, поскольку им присуще стремление к стихиям более высоким формально — к воде, воздуху, огню. В такой перспективе ундины и эльфы благородней гномов и хтонов.

При наличии вертикали, «верха» и «низа», сословному расслоению подвержены все природные данности — металлы и минералы благородны или вульгарны, равно как растения или звери. Со времени Плиния Старшего думали, что орхидеям, розам и лилиям надобны, в основном, влага и солнце и гораздо менее — земля, в отличие от сорняков. Далее: разве можно сравнить единорогов, львов, леопардов с тварями ползучими да свиньями!

Вертикальная иерархия с ее разными уровнями благородства санкционирована неоплатониками, затем монотеистами: самый верх — серафимы, херувимы, троны, потом архангелы, ангелы, потом качественный разрыв — святые — «земные ангелы, небесные человеки». Последние призваны заполнить разрыв, но, равно как многоугольник при умножении числа сторон никогда не станет окружностью, праведник при всей святости и чудесах никогда не станет ангелом.

Небесная иерархия трансцендентна, и ее нельзя просто скопировать в земной жизни, иначе пойдут революции и прочие недоразумения. Коснемся эпопеи Александра Дюма о трех мушкетерах. В книге «Двадцать лет спустя» Атос, этот идеальный дворянин, вдохновляет своего сына Рауля на беззаветное служение монархии: «Принцип — все, суверен ничего не значит». И что же? Когда Людовик XIV совершает низкий поступок, Атос отрекается от верности короне.

Небесный порядок на земле нелеп. Социум: ловкий и умелый лидер с помощью своей номенклатуры захватывает власть. Никто не говорит, что это плохо. Это естественно и не нуждается в религиозных оправданиях. Однако от номенклатуры до аристократии, в греческом смысле очень далеко. Рыцари придворные либо орденские лишены главного — свободы. Они обязаны присягать на верность королю или церкви, что резко меняет дело. Они могут блистать силой и храбростью, но... в рамках социального устава. Им с детства рекомендуют славную смерть за родину и суверена, что недостойно свободного человека — он микрокосм, а не сателлит.

Жизнь большинства людей зависит от духа времени, общественного уклада, от начальников, семьи, настроений окружающих и т. п. Они постоянно в долгу перед кем-то или чем-то. В результате образуется воображаемое персональное пространство, заполненное предвзятыми идеями, комплексами, мнительностью, страхом потери правильных тропинок. Мысль о полнейшей абсурдности такой ситуации вспыхивает редко и тут же гаснет.

Между тем, в классической книге о дон Кихоте сказано: «...обязательства, налагаемые благодеяниями и милостями, представляют собою путы, стесняющие свободу человеческого духа». И чуть выше: «Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с нею не могут сравниться никакие сокровища: ни те, что таятся в

недрах земли, ни те, что сокрыты на дне морском. Ради свободы, так же точно, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком». Это легко сказать, но невероятно трудно свершить.

Прежде всего.

Прежде всего, необходимо, чтобы на человеческую композицию постоянно влиял «магнит» не от мира сего, иначе говоря, квинтэссенция. Соберем разбросанные выше термины: «наша Диана», «субтильное тело души», «белая магнезия», «радикальная влага», «Hortense». Все они означают те или иные качества в женском начале мужчины. Но «прекрасная дама» рыцаря и есть это самое начало, побудительница его инициации и цель поиска, главное, чем отличается рыцарь от других представителей марсиального искусства — воинов, дворян, кондотьеров, самураев. Первичная двойственность Афродита — Эрос акцентирована Эросом для женщин и Афродитой для мужчин. Тайная женщина или прекрасная дама сдерживает и направляет стихийную мужскую экспансию.

Это не идеал и не архетип, но Мелузина и Фата-моргана, мать, жена и сестра земного рыцаря, Матильда «Генриха фон Офтердингена», солнце мужского микрокосма. Матильда сначала приходит в сон Генриха, затем, в земной стихии, становится его женой. Роман остался неоконченным. По словам Людвига Тика, друга Новалиса, согласно плану автора, Матильда умирает, и далее Генрих ищет ее в странствиях и метаморфозах.

Мистическое чувство к прекрасной даме несравнимо ни с какой любовью. Бальзак, Стендаль, Ортега-и-Гассет, Дени де Ружмон оставили умные и замечательные книги о любви, но это все не то.

Еще раз откроем самый знаменитый рыцарский роман — «Дон Кихот» Сервантеса. Чем значительней произведение, тем больше трактовок оно допускает. Почему бы не прочитать его серьезно? Дон Кихоту присущи все необходимые качества странствующего рыцаря: доблесть, отвага, доброта, бескорыстие. Однако он весьма легкомысленно относится к двум главным моментам — выбору прекрасной дамы и посвящению. Эвокация прекрасной дамы и встреча с ней в пространстве Фата-морганы или, по нашему выражению, на границе акватической и земной вселенной — процесс длительный и мучительный. Дон Кихот поступает совсем просто. Он вспоминает о миловидной деревенской девушке, в которую был когда-то влюблен, и назначает оную прекрасной дамой. Далее типичная «кристаллизация» по Стендалю.

Перечитаем знаменитое место из книги «О любви»: оголенная ветка, брошенная в соляные копи близ Зальцбурга, через некоторое время обрастает чудными кристаллами. Аналогичное, по мнению Стендаля, случается в любви — реальная женщина расцветивается воображением влюбленного. Так для дон Кихота крестьянка Альдонса Лоренсо превратилась в Дульсинею Тобосскую. О пародийном посвящении в рыцари, свершенным хозяином постоялого двора, и говорить нечего. Поэтому, в частности, рыцарь Полной Луны (бакалавр Самсон Карраско) победил героя и заставил возвратиться в подлунный мир, в родное село.

Эта история вызывает в памяти строки Томаса Элиота об очарованных пловцах:

Но человеческий голос пробуждает нас,

И мы тонем.

Поскольку без помощи Афродиты — Эроса нельзя сделать ничего... существенного.

Двойные любовные сближения

Галлюцинации, миражи, фата-моргана; алкогольное и наркотическое опьянение; дрим-лэнд и загробные страны — все это иррациональные, зыбкие, множественные пространства стихии воды за кордоном здравомыслящей ойкумены.

Расы и этносы, повинувшись воле своих богов, жили согласно законам и установлениям, обретенным за долгие века — ныне это называется поверьями, фольклором, народной мудростью и т. д.

После вторжения того или иного монотеоса и отмены этнических божеств началось постепенное угасание понятия этнос, ибо легенды, обряды, ремесла утратили магический этногенез. И после того как просветители и энциклопедисты провозгласили общее человечество и единого бога — вселенский часовой механизм — расы и этносы продолжают регрессировать, равно как...

Церкви, браки и семейство

Мира старого злодейств

О...

в «Бесах» Ф. М. Достоевского.

Вернее.

Мы «для проформы» обязаны с ними считаться, но это лишняя головная боль. Сейчас группа, связанная общим интересом, образуется так: собираются пять-шесть человек и говорят: сверим наши часы. Точность, синхронность, согласованность. Перефразируя Орвелла: все часы ходят одинаково, но некоторые часы точнее остальных. Владелец самых точных часов — лидер группы, других заслуг у него нет. Главные часы задают ритм — попробуйте сбиться, и все пропало. Асинхронность, аморальность, асоциальность, собственно, и определяют индивида. Негативные определения, увы, холоден, неприютен так называемый внутренний мир, центробежная сила выталкивает нас и принуждает к идентификации... с чем угодно.

Ввязываемся в толпу вокруг автокатастрофы, затем нас информируют о пропаже нашего бумажника, затем звонит мобильник — горит, мол, наша квартира. Яростная агрессия асинхронности. Где наше «я»? А черт его знает. Попадая в режим асинхронности, паники, мы великолепно чувствуем отличие покинутости от коллективного тепла. Проклинать социум и механизацию лучше все же в комфортабельной квартире, нежели в ледяных пустынях Лабрадора. Покинутость, одиночество, призыв к помощи течет в нашей крови, и мы прижимаемся к социуму ради душевного и телесного тепла.

Материя души, плазматическая, измученная, реактивная, хочет, чтобы ее организовали

практические системы и авторитеты. «Субтильное тело» представляется сказкой в манере «Рыбака и его души» Оскара Уайльда. Сказки не читают, умирая от жажды в пустыне, замерзая в морозных сумерках. Надо жить в комфорте, в тепле, при деньгах. Тогда, пригубив шартрез, рассматривая кольца на ухоженных пальцах, голосом пусть менее волшебным, чем у Оскара Уайльда, вкрадчиво и скептически рассказывать дамам о поэзии генной инженерии, искусственном оплодотворении, клонировании и т. д. Вот именно и т. д. Даже Уайльд вряд ли извлек что-либо изысканное из этой нудной чепухи.

Агенты деструкции, предоставленные себе, делают свое дело медленно и незаметно, при внешней агрессии скорость деструкции резко возрастает. Когда подверженное гибели уничтожается, земная субстанция (проститутка, гнилое дерево, ржавая монета) обретает возможность проявления скрытого средоточия — это означает в герметике окружностью без центра, в греческой мифологии термином «фанетия». Данная окружность, данная фанетия может выявить из центра своего сокровенный сперматический эйдос — тогда вполне вероятно ферментация, то есть вспышки и озарения качественно расширенного восприятия, выход за пределы разумно обусловленного чертежа бытия. В повести Лавкрафта это поиск реальности неведомого Кадата, в примечательном рассказе Александра Грина «Фанданго» это...

«Фанданго» заслуживает особого внимания.

Энергическая ось повествования — мелодия испанского танца — соединяет две строфы знаменитого стихотворения Гейне в парафразе Александра Грина:

На севере диком, над морем

Стоит одиноко сосна.

И дремлет, и снегом сыпучим

Засыпана, стонет она.

Ей снится: в равнине,

В стране вечной весны,

Зеленая пальма... Отныне

Нет снов иных у сосны...

Стихотворение интерпретировано в смысле конкретного и беспощадного столкновения *abundatio* и *privatio*.

Голодный, холодный, нищий Петербург 1921 года. Царство лишенности. Мерзлое одиночество интеллигентного героя среди «шмыгальцев», ошалелых от беготни за хлебом и дровами граждан всех мастей — от профессоров до воров[27]. Александр Грин осторожно, предчувствиями, диссонансами вводит пространство *abundatio*. Явление цыган в белесом, морозном тумане:

«Завидев цыган, невольно старался я уловить след той неведомой старинной тропы, которой идут они мимо автомобилей и газовых фонарей... Что им история? эпохи? сполохи? переполохи?.. Всегда они были вразрез всякому настроению, всегда пересекали его».

И еще любопытное уточнение. Герой сидит в нищенской комнатенке и ждет хозяина — художника: «В то время, как я сидел, я испытал — может быть, миллионной дробью мгновения, — что одновременно во мне и вне меня мелькнуло пространство, в которое смотрел я перед собой. Отчасти это напоминало движение воздуха. Оно сопровождалось немедленным беспокойным чувством перемещения зрительного центра, — так, задумавшись, я, наконец, определил изменения настроения. Центр исчез. Я встал, потирая лоб и осматриваясь кругом с желанием понять, что случилось. Я почувствовал ничем не выражаемую определенность видимого, причем центр, чувство зрительного равновесия вышло за пределы, став скрытым».

Изнервленное, истощенное восприятие героя пробила, надо полагать, победительная мелодия фанданго. И поскольку микрокосм совершенно иррационально связан с внешним миром, чуждое пространство роскоши юга хлынуло в царство лишенности, используя вполне гуманный повод — безвозмездную доставку испанской делегацией крупы и сахара в голодный Петербург. Но крокодиловой пасти непрерывной нужды это на один зуб. Граждане ждали дальнейших существенных подарков. И вдруг из вспоротых тюков посыпались гитары, мандолины, звездопады шелков, цветов, экзотических перьев. Вопиющее издевательство над пустым брюхом и рваным башмаком. Деляги и спекулянты, отмеченные добротной буржуазной всеядностью, прикинули, вероятно, как поменять гитары на спички и павлиньи перья на маргарин. Ведь в новое время, согласно Эриху Фромму, главное не ценности, но процесс обмена этих ценностей. В принципе же, если нет «того», то «сверх того» кажется оскорблением жертвам дефицита. И напрасно. *Abundatio* и *privatio*, изобилие и лишенность — экзистенциалы, меж которыми нет связи и нет резонанса. Чуждые, враждебные пространства. Только начальник испанской делегации, мистагог и «шутник», способен перебросить радужный мост. И даже его умения мало. Необходимы оперативные медиаторы: странного прозрачного минерала конус, исходящий эффективным зеленым лучом, и картина солнечной залы на стене убогого петербургского жилища. Диффузия, точнее, схватка двух пространств изображается так: «Рассмотрев дверь, я не узнал этой части стены. Она поднялась выше, имея вид арки с запертыми железными воротами, сквозь верхний ажур которых я видел глубокий свод. Больше я не слышал ни стука, ни голоса. Теперь, куда я ни оглядывался, везде наметились разительные перемены. С потолка спускалась бронзовая массивная люстра. Часть стены, выходящей на улицу, была как бы уничтожена светом, и я видел в раскрывшемся пространстве перспективу высоких деревьев, за которыми сиял морской залив. Направо от меня возник мраморный балкон с цветами вокруг решетки, из-под него вышел матадор с обнаженной шпагой и бросился сквозь пол, вниз, за убегающим быком...».

Вполне наглядно и сюрреалистично. Героя случайно зацепили крылья фанданго-фламинго, и без помощи мастера авантюра могла бы кончиться плачевно. Последний пассаж — мажорное *conjunctio oppositorum*, единство оппозиций:

В равнине над морем зыбучим,

Снегом и зноем полна,

Во сне и в движенье текучем

Склоняется пальма-сосна.

Подобное возможно только под влиянием квинтэссенции.

Экспансия магического пространства «Фанданго» на какой-то момент ломает контракцию голода, холода, лишения.

Любое пространство лабиринтально. Можно случайно найти выход, но без руководителя или соответствующих знаний потерять разум проще простого.

Экспансия либо контракция лабиринта.

Александр Грин дал вариант экспансии солнечного бытия. Знаменитый рассказ Эдгара По «Колодец и маятник» излагает жесточайшую контракцию земной жизни, которая сжимает получше боа-констриктора. Степени этой контракции: осужденный инквизицией узник заключен в камеру более или менее кубическую с колодцем посередине, из колодца выползают крысы, масса крыс; в зеленоватой фосфоресценции на потолке проступает фигура времени, вместо косы — тяжелый и острый маятник, его размах расширяется и притом опускается на связанного узника. Но это цветочки. Стены камеры раскаляются, сближаются, вжимая несчастного в кошмарный колодец...

Фрейдисты считают рассказ сей хорошей иллюстрацией «комплекса зубастой вагины». Это страшная земная вагина, ибо раскаленные стены размалеваны в inferнальном стиле. Куда роскошней смерть в Океаносе. Тиски антарктических льдов, куда попал капитан Немо, светились дивно и радужно в лучах прожектора «Наутилуса».

Земная жизнь — спираль о двух центрах: рождение, детство, юность — экспликация сперматического эйдоса из глубин женского средоточия; зрелость, старость, умирание — импликация, свертывание, тщетное сопротивление нарастающей неподвижности.

Однако жизнь убить нельзя: сперматический эйдос, сжатый и спрессованный до предела, никогда не заледенеет в абсолютной неподвижности и так или иначе начнет новый цикл, «*Finis corruptionis et principium generationis*» (Конец гниения и начало генерации).

В золоте достигнуто единство эйдоса и его материи — отсюда проявленность центральной точки в окружности. Но до этой идеальной гармонии нам далеко. Мы имеем дело с двойной спиралью, где центробежные и центростремительные силы действуют постоянно. Допустим, нас весьма интересуют какая-либо цель, будь-то драгоценности, доходное место, женщина. Прямой путь преодоления или путь летящей стрелы опасен, ибо каждое препятствие провоцирует интенсивность желания и отдаст искателя своенравию цели. Теряя автономность, теряют индивидуальность. Осмотрительность советует нам спиральное достижение цели, причем энергия экспликации не должна превышать потенции импульса, или, по шотландской пословице, протягивая руку, не забывай — ее необходимо вернуть. Однако энергия гравитации повелительна и магнетична — холодный расчет эффективен лишь при известном расположении темперамента. Только умное сердце, понятое как недвижимый двигатель тела (*motor immobile*), способно к свободной импликации и экспликации...

Пора сделать несколько критических замечаний касательно тенденции данного текста. Платоническая традиция предполагает трансцендентальное первоединое или принцип организации организма и его доступные интеллекту эманации. Остается непонятным, зачем этому первоединому или абсолюту вообще распространяться в имманентный мир? Вопрос совершенно иррелевантен. Для гностиков физическая вселенная суть творение злых архонтов, для Якоба Беме — результат падения Адама.

Адам, будучи ангелом, не решился взять ни сторону Бога, ни сторону дьявола, потому завис меж небом и землей, постепенно опускаясь в земной рай. Здесь он заснул и началась дихотомия — разделение андрогинного целого на мужчину и женщину, полуденного света на

день и ночь, единого светила на солнце и луну, единого огня на свет и тепло. Далее ускоренное падение, распад во множественное «иное».

Можно ли считать историю Адама парадигмой человеческой индивидуальности вообще? Только в плане падения и распада. Рассказ об Адаме — один из вариантов драмы человеческого бытия, Адам — творение Божие и полностью зависит от воли Творца. Упование иудео-христиан — подъем по заповеданной тропе либо с помощью мистической практики, либо усилиями аскезы и добродетели. Это не годится для человека, желающего стать свободным индивидом.

Данный текст суть интерпретация стоико-неоплатонической гипотезы Посидония, Порфирия, Синезия и размышление над известным символом дерева корнями вверх. Эти корни живут и насыщаются в космической стихии огня — не забудем, такой огонь содержит воздух, воду и землю. Премудрые каббалисты уподобляют корни сии волосам на голове человеческой — последние, словно антенны, притягивают небесную пневму.

Языческая магия не знает трансцендентности, «первоединое» индивида — огненный эйдос, который через воздух и воду превращается в сперму, образуя субтильное тело души, а затем, в стихии земли, тело физическое.

Символы «двойной спирали» и «дерева корнями вверх» приближают нас к понятию свободного индивида или микрокосма, понятию совершенно антинаучному. После Коперника, Галилея, Декарта микрокосмические иллюзии постепенно рассеялись, человек стал пылинкой во вселенной, жертвой любых уничижительных метафор. Послушаем Паскаля: «Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я. Я в ужасном и полнейшем неведении. Я не знаю, что такое мое тело, что такое мои чувства, что такое моя душа, что такое та часть моего существа, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всем и о самой себе и все-таки знает себя не более, чем все остальное. Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной, которые заключают меня в себе, я чувствую себя привязанным к одному уголку этого обширного мира, не зная, почему я помещен именно в этом, а не в другом месте... Вот мое положение; оно полно ничтожности, слабости, мрака».

Изменилось ли что-нибудь за три с половиной столетия после появления «Мыслей»? Да. К вопиющей заброшенности прибавилась адова скука механизированного людского хаоса. После восстания масс мы живем в психологическом климате, напоминающем панораму новой астрономии: бесцельность, безразличие, пустота, где родственные по той или иной мотивации субъекты собираются как звезды в созвездие, предпочитая ошипанную синицу абсурдным журавлям. Ведь еще за полвека до Паскаля английский поэт Джон Донн писал: «Для новой философии все неясно... Элемент огня исчез... Солнце потеряно, и земля... И никто не знает, где их искать».

«Анатомия мира» Джона Донна и «Мысли» Блэза Паскаля — сильные свидетельства в пользу радикальной раздвоенности: дух и душа, мысль и чувство. Реакция Паскаля на обычную гипотезу среди других совершенно неадекватна, эта реакция вызвана тяжкими религиозными сомнениями, страстной увлеченностью «новой философией» и, соответственно, расколом собственной индивидуальности. Понятно, в эпоху торжества социума всякий боится быть самим собой, здесь необходима политика, актерство, демагогия. Эту чрезвычайно важную роль играет персона. Обратимся еще раз к двойной спирали, которая разрешает естественное раздвоение личности. Если одно начало («я») раскручивается слишком уж свободно, другое (персона) центростремительно сдерживает его ради устойчивости композиции.

Но этот универсальный символ достоин трактовки более серьезной. Двойную спираль дает повторенная в зеркале спиралевидная линия: один завиток разворачивается слева направо (по часовой стрелке), другой справа налево — соответственно мужское и женское движение.

Таким образом, единство раздваивается, не ослабевая в потенции своей, что следует из стихотворения Джона Донна «Запрет на печаль»:

Наши две души суть одно.

Когда я ухожу, это не разлука, нет,

Это сколь угодно гибкая растяжимость —

так листик золота

Раскатывается до минимальной

тонкости.

Наши две души суть одно — близнецы,

подобные циркулю.

Я подвижен, ты фиксирована,

казалось бы, и все же,

Наклоняясь, следишь за моей эволюцией,

И направляешь меня к моему началу.

Среди прочих, допустима и такая интерпретация: утвержденное в центре субтильное тело натуральным своим притяжением, женским центростремительным движением сдерживает мужской порыв в иное, во множественность. Когда начало и конец совпадают, образуется нейтральное поле, свободное от пороков и добродетелей, глупости и мудрости мира сего. Вспомним у Александра Блока:

Не доносятся жизни проклятья

В этот сад, обнесенный стеной.

Однако животная душа и здравый смысл побеждают вновь и вновь. Наступает время неуверенности, беспокойства, страха. Герой «Соловьинного сада» сетует, что забыл о пути каменистом, забыл осла, верного своего товарища. Но если преодолеть данный искус и полюбить собственное субтильное тело, оно выделит «радикальную влагу», названную в герметике «влажгой нашей Дианы», «молоком девы», «гумми мудрых мастеров», «hyle». Драгоценная и многофункциональная влага «обволакивает» гибкой своей упругостью земное тело и душу, оберегая от «жизни проклятий», что дает искателю возможность безопасно пребывать в двух мирах.

Скажут: либо это слишком аллегорическое описание какого-то алхимического процесса, либо «художественная» трактовка обыкновенной эротической интроверсии. Справедливо. Затейлив герметический лабиринт и мало сулит надежды на успех. Но следует повторить слова Альберта Великого касательно камня философов: «Если эта вещь существует, я хочу

знать, каким образом она существует, если нет, я хочу знать, каким образом она не существует».

Герметика не разделяет природу на органическую и неорганическую. К морским млекопитающим относятся не только киты, но и кораллы, которые питают детенышей коралловым молоком. Металлы и минералы размножаются наподобие зверей и растений. Жизнь и смерть не враждебны, добро и зло не враждебны. Герметика признает лишь одну оппозицию: мужское и женское. Эта оппозиция возникла в результате распада первичного и натурального целого. В проявленности андрогина мужчиной или женщиной, другой полюс сократился до минимума в земном теле и земной душе, однако стал доминировать в теле субтильном. Обособление двух начал связано с прогрессивной элизией в земную стихию, где преобладают границы, схемы, четкие контуры.

Согласно герметическому воззрению, монада композиционно сложна (к примеру «иероглифическая монада» Джона Ди) и может распадаться на части, но никогда из этих частей не составить целого. Проще говоря, осколки не собрать в целую чашку, поскольку при падении исчезла квинтэссенция или индивидуальный принцип организации чашки. Но так как мы не имеем представления о внутренней жизни подобных объектов, вернемся к людям. Мы знаем из Платона: две половины разъятого андрогина страстно ищут друг друга, что и называется любовью. Но это сомнительно в высшей степени, ибо нельзя в мире иного, во множественности найти что-либо «свое». Распад андрогина и обособление полов связан с перемещением в земную стихию, где преобладают границы, четкие контуры, детерминация. Кентавры здесь разделяются на людей и лошадей, русалки и тритоны — на людей и рыб, драконы — на птиц и змей, андрогини — на мужчин и женщин.

Дисгармония ущербных композиций заставляет искать удовлетворения и полноты во внешнем мире, но увы: постоянно чего-нибудь не хватает, душа хочет одного, тело — другого; более того — разные эмоции, разные органы тела воюют за власть и пытаются навязать свою волю соседям. Отсюда комплекс «потерянного рая». Даже если некто «богато одарен» и возвышается над толпой, его всегда могут стащить и прикончить. Почему? Способности, таланты, красивые наружности блуждают сами по себе вне индивидуальной квинтэссенции, которая умиротворяет тело и устраняет вздорные глупости величия и оригинальности.

Но если удастся встретить свою эманацию в стихии воды, есть шанс оказаться в пространстве плавучих материков и тяжелых облаков, подобных островам и кораблям. Америго Веспуччи назвал это пространство «новым светом». На гравюре конца шестнадцатого века, названной «Триумф Америго Веспуччи», мореплаватель наблюдает пограничье двух стихий, где обычные звери весьма спокойно уживаются с представителями мифической фауны. Это аллегория — странный термин прекращает любые вопросы касательно происхождения, образа жизни и привычек мифических монстров. С давних времен появилась привычка объяснять мифы эвгемерически, как вычурное и аллегорическое повествование о жизни и подвигах великих людей. В такой же манере читают басни и сказки — птицы, камни и деревья рассуждают «по-человечьи» ради моральных и прочих поучений. Так диктует антропоцентрическая гордыня. В сущности, лев так же мало олицетворяет «храбрость вообще», как заяц — «трусость вообще». Но это хотя бы знакомые звери, иное дело химеры, единороги, саламандры, не входящие в классификацию Линнея или Бюффона. Аллегорией, эмблемой, символом называют все непонятное, нонсенсы детерминизма. Отсюда плотный занавес над архитектурой, геральдикой, герметикой. В конце пятнадцатого века архидьякон Клод Фролло, указывая на печатную книгу, затем на собор, дальновидно заявил: это убьет то[28].

Нереиды, тритоны, единороги, грифоны — обитатели иных космических стихий. Поскольку мы живем на земле, для нас реально только измеряемое и конкретное. Увиденное, услышанное требует проверки осязанием, обонянием, вкусом. Если увиденное и услышанное

не прошли такого теста, они считаются либо виртуально реальными, либо галлюцинациями. Добросовестный детерминизм тщательно обыскивает чужаков. Так натуралисты, историки, географы просеивают книги, изданные до девятнадцатого века, отделяя «зерна от плевел», истинно научные пассажи от вымыслов. К примеру, в известной «Истории северных стран» (1555 г.) епископ Олаус Магнус рассуждает о выделке тюленьих шкур и о морском змее в тысячу футов одинаково деловым тоном. Поведав особенности кузнечного ремесла в Лапландии, автор переходит к погоде и сообщает: во время страшного урагана дом одного норвежца перенесло в Исландию, так что хозяин по пробуждении долго почесывал затылок при виде незнакомых окрестностей.

Границы акватической и хтонической стихии непредсказуемы и уходят от дефиниций. Пока земля в сознании европейских ученых еще не сконцентрировалась в шар (окончательное решение по этому вопросу было принято лишь в восемнадцатом веке), планета (плоская поверхность) во многих пунктах смыкалась с «гидровселенной». Джон Рескин («Афина в небе») недурно заключил: греческие мифы рождены в созерцании эротического инфайтинга туч и облаков. В пространстве Океаноса тучи и облака плотностью не уступают земле, но куда более растяжимы и пластичны. Когда Гера придала облаку свою форму, Иксион овладел ею, будучи совершенно уверен в присутствии богини.

Многоцветные, гибкие льды и облака присущи акватической стихии. Одиссею и Синдбаду, Эйрику Рыжему и Фробишеру случалось встречать человеко-драконо-звероподобные льдистые облака, облачные айсберги, внезапные фонтаны, застывающие батальными сценами. Французский альтернативный географ Фердинан Дени собрал в своей антологии «Чудеса океана» (1845 г.) много диковинных историй, взятых из старых судовых журналов. Вот сообщение конца восемнадцатого века: «16 плювиала, VI год эры свободы. Широта и долгота такие-то. Томимые голодом и жаждой, мы бросили якорь близ большого острова розово-белого цвета. Никогда прежде мы не встречали подобной земли: пористая и гладкая, она слегка прогибалась под ногами. Вокруг — ни куста, ни дерева для костра, ни единого ручья, ради утоления жажды, только мягкая трава золотистого оттенка. Под светлым земляным покровом кое-где просвечивали голубые минеральные жилы. Вдали вздымались два округлых холма с вершинами ярко озаренными пурпурным солнцем, удивительно похожие на женские груди.

Вдруг спустилась тьма и поднялся резкий ветер. Небо заслонили огромные белые крылья, их перья сверкали изумрудной молнией. Ужас одолел нас, мы в панике бросились на землю и скатились по гладкому белому склону, забыв шлюпку, вплавь добрались до корабля. Небо разрывали молнии, тьма застила море. На следующее утро мы увидели вдали две ледяные горы — они напоминали „Леду и лебедя“ со старинной гравюры».

Близость этого «отчета» текстам Эдгара По или рассказам Синдбада-морехода очевидна. Очевидно и другое: если мы согласны с космогонией четырех элементов в их автономии и взаимозависимости, необходимо отнестись к выводам и постулатам рационального метода весьма критически. Вера в субтильную материальность души и в субтильные органы чувств исключает жесткую схему позитивистского мышления.

Поэтому.

Мифические персонажи и события — вне хронологии, настоящее, прошлое, будущее здесь иррелевантны. Любовь Леды и лебедя, борьба Геракла и Антея, троянская война богов свершаются на другом уровне бытия, до нас доходят лишь земные эманации, которые каждое поколение толкует согласно «духу времени». Однако магический поиск требует немалой отваги. Непредсказуемое и хаотическое столкновение тонких и грубых элементов ведет к жестоким психофизическим травмам, ибо раскрываются немислимые формации, гротескные плоды совокуплений деревьев, кораллов, черепашек, драконов, недоступные никакой классификации. Рацио и рутинная предназначенность самца и самки кричат о безумии, но в

нервических турбуленциях слышится пульс нового желания:

Я хочу идти к безумию и его солнцам

Его белым лунным солнцам,

что рождают иное море.

Театр. Из вашего корсажа вылезает жаба

и разъедает угол декорации.

Харибда. Сцилла. Далекий, близкий, гулкий лай

Заполнен румяными от крови собаками.

Мифические частности иной раз задевают почти конкретно земную жизнь. Сцилла — монстр о шести собачьих мордах, всепоглощающий водоворот Харибды напоминает Мальстрем. Но вряд ли Эмиль Верхарн имел это в виду.

Двойную спираль по горизонтали надобно дополнить таковой по вертикали. Тогда в крестовидной фигуре означится точка пересечения субтильной и физической души. Двойная спираль — экспликация возможностей центра окружности, Рене Генон справедливо ее идентифицирует с китайской инь-ян. Отсюда следует необходимость гармонизации первичной раздвоенности всякого бытия. Когда бытие сжимается однозначностью, одноцельностью, одноплановостью, результат плачевен — либо экспансия, либо контракция, только вулкан или только бездна концентрического поглощения.

В географии Жюль Верна северный полюс — вулкан, южный — гибельная воронка. Весьма похоже на «Манускрипт, найденный в бутылке» Эдгара По, где корабль, увлеченный южным течением, мчится в категорическую смерть: «О ужас ужасов! — лед внезапно открывается справа и слева, и мы с головокружительной быстротой начинаем вращаться гигантскими концентрическими кругами по краям исполинского ледяного амфитеатра, стены которого вверху поглощены мраком и пространством».

Широты и климаты вполне ассоциируются с композицией и психофизической ситуацией человека: детство — свежий бодрящий север; субтропики юности, затем экватор, расцвет, затем растворение, гибель в безмерности южного океана. Идея любви как путешествия по женскому телу, обретающему планетарные размеры, была весьма популярна в лирике барокко. Сент-Аман:

Мадам, ваши недоступные губы

далеко в Гиперборее.

Айсберги вашей груди розовеют

в северном сиянии,

Ваши пальцы ласкают цветы Гренландии,

след вашей ноги

На земле Ван Димена.

И неужели мыс Доброй Надежды

на границе девственного леса

Называется мысом Бурь?

Галиматья с точки зрения новой географии. Этимологически, правда, все в порядке. Слово «география» вполне легитимно переводить как «описание Геи, матери-земли», а потому поэт имеет право на собственные эротико-географические пристрастия в трактовке пейзажа своей возлюбленной. Метафоры и гиперболы изысканно одушевляют ходовое женское выражение «тебе нужно только мое тело». Но эти риторические фигуры, равно как аллегория, привлечены из науки филологии, а здесь очевиден пантеистический порыв. Вряд ли географ, склоняясь над бумагой с циркулем и линейкой, испытывает нечто эротическое. Гиперборея — миф, скажет он, женская грудь не по моей специальности, хотя ума не приложу, каким боком она похожа на айсберги; мыс Доброй Надежды, открытый Васко да Гама, назван так в чаянье добраться до Индии, а почему автор поместил его на опушке леса, надо узнать у психоаналитика. Для географа незыблем постулат измеримости и шаровидности земли. Он, географ, может меняться, механическое вращение планеты и после его смерти таковым останется. В отличие от него, поэт знает либо чувствует двойную спираль: когда желание пробуждается, желанная цель также пробуждается — это аксиома натуральной магии: нет субъекта и объекта, но только взаимодействие двух субъектов.

«Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста начинается так: «То, что вверху, то и внизу, дабы свершить чудо единого». Верх и низ, левое и правое только зеркальные отражения неведомого единого. Вторая половина двойной спирали зеркальное отражение первой, равно как север и юг, восток и запад, солнце и луна, мужчина и женщина. Это называется «герметической аналогией». Посему искатель — эротический натуралист — хочет найти свою аналогию в Даме Натуре.

В жанре «блэзон» (воспевание женского тела) ассоциации с божествами стихий неизбежны. Гофмансвальдау назвал Эроса «лоцманом», уверенно ведущим корабль во Флориду. Цель вояжа:

Мое сердце не желает ни золота, ни жемчугов,

Меня вдохновляет обнаженная Флорида...

Зори, закаты, девственный лес, приближение к острову, рифы равнодушия, безразличные губы и вялые соски — непритягательные магниты... подобными образами изобилует прециозная лирика. Продолжение процитированного фрагмента Сент-Амана:

Заря моего желания рассеивает

Ночь твоего целомудрия...

Весьма любопытен вояж по женскому телу, предпринятый Джоном Донном в элегии XVIII. Предварительные рассуждения: напрасно мы ищем Купидона в планетных сферах и фирмаменте идей и добродетелей. Бог любви пребывает в инферно вместе с Плутоном, его, Купидона, климат — огонь и золото, жертвы ему возлагают не на алтарь, а скрывают в колодцах и пещерах. Хотя мы наблюдаем эволюции светил небесных, мы любим землю и, восхищаясь трепетной душой дамы, жаждем ее центра. Волнистые кудри — лес, где встречаются засады, змеи, коварные сети. Если брови изысканны, лоб гладок и приятен, это добрый знак для отплытия:

The Nose (like to the first meridian) runs

No twixt an East and West,

but twixt two suns.

Нос, подобно первому меридиану,

расположен

не посреди востока и запада,

но посреди двух солнц.

Курс на юг. Пухлые губы — не ленивые Канары, но, скорее, острова Амброзии. Мы бросаем якорь поцелуя. Неужели это блаженное возвращение домой? Она вещает, словно мудрый Дельфийский Оракул, однако необходима осторожность: да, ее зубы — перлы, но возможно ее язык — ядовитая, хищная рыба ремора, которая любит отдыхать на жемчужных отмелях. Нас влечет южное течение: миновали подбородок, горло — надменный перешеек, и вошли в Геллеспонт (нынешние Дарданеллы):

...between

The Sestos and Abydos of her breast...

...между Сестос и Абидос ее груди...

Сложный и многоплановый образ.

Сестос и Абидос — античные поселения на противоположных берегах Геллеспонта, место трагедии двух влюбленных — Геро и Леандра. Последний утонул, торопясь на свидание с Геро — жрицей храма Афродиты. Джон Донн уточняет: «ее груди — не сдвоенные влюбленные, а двух любовей гнезда». Можно лишь гадать о многозначности этих коннотаций.

Далее мы плывем в сторону «ее Индии» мимо ее роскошного «атлантического пупка» (her Atlantick Navell), огибая мыс Доброй Надежды. Прилив увлекает к берегу покрытому густым лесом. Здесь опасно, здесь случилось много кораблекрушений под зловещим созвездием Скорпиона. Цель вояжа еще не достигнута. Ее центр, вероятно, анус, очищенный клистиром, полагает отважный поэт. Поцелуй в губы «трансплантирован» в эту область, реализована двойная спираль герметической анатомии. Но путешествие не заканчивается. Тропик Козерога — «ее царственные колени», далее безбрежный океан.

Медуза Cianeа Floris

Одушевление тела — процесс медлительный и сложный, зависящий от качества и фактуры четырех элементов. Душа (вегетативная, животная, рациональная) — *anima vegetabilis, animalis, rationalis* формирует личность вплоть до совершеннолетия, добываясь каждый раз иных результатов.

Широк диапазон обжор и пьяниц — от потребителей неважно чего до капризных и своеобразных гурманов; убийцы, насильники, «звери в человеческом облике» резко рознятся манерами и повадкой; идеологи и лидеры выбирают дорогу стада, сообразуясь с наивностью либо изысканностью своих инфернально-парадизических миражей.

Подобное разнообразие обусловлено родовой, клановой, коллективной душой. Это общие наименования антропо-фауно-флоральных средоточий матери земли.

И если психологи охотно рассуждают о «подсознательном» и «коллективном бессознательном», то разговоры о «сверхсознательном» они чаще всего предоставляют вести священникам и мистикам. Вверх идут одинокие тропинки. Только индивиды, то есть люди, одаренные «субтильным телом души» (*anima celestis*) способны подняться над рациональным сознанием.

Anima, душа — женская субстанция, соответственно «субтильное тело души» — женского пола. Это представляет немалые трудности для мужчины и недурные шансы для женщины. У женщины субтильное и физическое тело могут почти совпадать. Что значит почти? Гравюра *Anima Mercury* (XVII в.). Обнаженная женская фигура вписана в два эллипса, правая нога чуть выдается, левая — чуть согнута. Внешний эллипс проходит над головой и внизу касается пальцев правой ноги, внутренний задевает темя и пятку левой ноги. Оба эллипса скоординированы относительно омфалоса и ктеис, которые образуют центры двойной спирали и при хорошем взаимодействии дают силу, гибкость и плавность. Здесь движение и неподвижность приближаются к совпадению. Отсюда потенциальная гармония женского тела.

Знаменитый рисунок Витрувия, дополненный Леонардо да Винчи, «Мужчина в эквilibре». Динамика и покой выражены двумя позициями — в круге и квадрате. Фиксированная квадратом фигура имеет центром фаллос, фигура в движении — солнечное сплетение. Воплощенное противоречие, невозможное сочетание духа (круг) и материи (квадрат). Если для женщины гармония естественна, для мужчины это — решение квадратуры круга, героическое достижение. Женщина — его звезда и цель сублимации.

Но какой мужчина согласится признать женщину высшим существом?

Отношение иудео-христианства к женщине отличается нервической неопределенностью. В «Экклезиасте», правда, сказано однозначно: «Я смотрю на мир глазами своей души и нахожу женщину горше смерти. Она есть охотничий синок. Ее сердце — клетка, ее руки — цепи».

Знаменитый швейцарский мифолог И. Я. Бахофен в «Материнском праве» так подытожил мнения античных авторов от Аристофана до Симплиция: «Исторические циклы отмечены кровавой метой беспощадной борьбы полов, где женщина побеждает всегда. Великие герои погибали из-за женщин... Триумф христианства суть победа женщины над мужчиной, материи над духом, рабства над свободой. Женщины счастливы созерцать крест, где распят мужчина — извечный враг... Современный патриархат сугубо номинален».

В этих резких словах доля правды чувствуется безусловно. Финал фильма Луиса Бунюэля «Смутный объект желания»: умный пожилой сеньер плетется за наглой девкой, на минуту задерживается — на скамейке сидит женщина и ловко зашивает что-то. Сеньер ассоциирует сие со своей жалкой ситуацией.

Она — иголка,

он — нитка.

Ибо

она — «владычица крови».

Сколько мужчин, презирая свое рабство, вновь и вновь твердят: что в ней особенного? Жалкое существо из плоти и крови, анатомически сходное с другими млекопитающими, умственно сходное с бурундуком. Но вот она раздевается, дыхание перехватывает, сердце замирает...

«До грехопадения, — писал в „Исповеди“ святой Августин, — мужчина делал со своим пенисом, что хотел, а теперь пенис делает с ним, что хочет». Закон ли это, роковая ли предопределенность?

Любопытна беседа французского этнографа Сент-Ива Венсана со старым индейцем:

«Вассавити и я грелись на солнышке у речки, где плескались две девушки. Я хотел навести Вассавити на интересующую тему, хотя порой отвлекался на купальщиц. Индеец заметил и усмехнулся:

— Суета мира сего, как говорят ваши священники.

— Разве ты, Вассавити, в молодости не заглядывался на женщин?

— Случалось, когда я был слепым кротом вроде тебя. Не обижайся, — он хлопнул по моей ладони, — белые люди все таковы. Даже к старости редко кто из них созревает. Одна, — он кивнул на девушек, — серая медведица, другая — паучиха...

— Это сравнение?

— Не понимаю, какое тут сравнение. Вчера или сегодня или завтра для тебя облако остается облаком, камень — камнем, женщина — женщиной. На деле все меняется, только открытые глаза спокойны»[29].

Индийский собеседник Венсана уточнил наше непонимание магических принципов. Для нас «все течет» Гераклита — изменение, старение, исчезновение вещей и людей

формально неизменных. Иначе говоря, мы признаем материальную переменную, но не трансформацию.

Женская ориентация — покой, постоянство, сопротивление разрушительному времени, удержание достигнутого, улучшение достигнутого. Женщина старается укротить и приручить

мужское своеволие, направить экспансивную энергию на полезные цели,

цивилизовать дикого самца. Для этого мать-природа сотворила магию обнаженного женского тела.

Магия — система всеобщих, совершенно непонятных связей. В принципе ничего нельзя досконально растолковать, всякое объяснение есть псевдо-объяснение, утоляющее на время голод вопросительного знака. В отличие от ученого исследователя, маг не спрашивает «почему это так», а просто констатирует: «это так».

Женское тело воздействует магически, это так. Можно лишь проследить процесс и результат подобного воздействия. Женская прельстительность уничтожает настоящий момент, предлагая режим ожидания, надежды, будущей удачи или неудачи. Если мужчина сразу не овладевает женщиной своего эротического внимания, он безусловно изменяет своему

первобытному началу, теряет собственный ритм, уступает плавной женской монотонности. Начинается длительная и губительная

фиксация на внешнем объекте. «В фехтовании это означает смерть», — говорит буддизм дзэн. В магии это называется «погружением в лунное сияние».

Солнце рождает день, луна рождает ночь, планеты — их совместные дети и посредники: страшно подумать о последствиях одинокого столкновения двух светил. Солнце лишь способствует нашему произрастанию, мы — дети земли, подлунного мира. Когда говорят о «солнечном фаллосе» и «сынах солнца», имеют в виду героев, мифических в основном. Лишь гипотетическая автономия неба разрешает мысль о мужской автономии и доминации. Патриархат был религиозно обоснован приматом неба над землей и сперматического эйдоса над материей — отсюда монотеос, отец, монарх, лидер, активный субъект среди пассивно-страдательных объектов. Отсюда

теория о духовном мужском «истинном» и женском, материально — увертливом «неистинном». Но для свершения своего авторитарного действия мужскому субъекту необходимы сила и бескомпромиссность, господство интеллектуальной интуиции над дуальным «разумом вычисляющим». Допуская возможность проигрыша, торжества материальной субстанции, он теряет уверенность настоящей секунды и попадает в пагубный режим либо-либо. Начинаются колебания, страх перед фатумом, орел или решка, ожидаемый результат раздваивается на успех и неудачу, мгновенное решение заменяется соображением «взвешенным», то есть политико-прагматическим. Воин уступает место негодянту. Наползает царство расчета: рации более не повинуются интеллекту и безвозвратно распадается в материи.

Мужчины буржуазной эпохи — «сыны земли», носители лунного пениса или «лунуса». Они суть дети по отношению к женщине любого возраста; пенис — только стимулятор жизненности вагины. Женщина

потенциально обладает пенисом, ибо женская магия знает, как развить клитор до соответствующих размеров и придать ему детородное качество. Поэтому с точки зрения магии в мужчинах «нет необходимости» — многие женщины, не умея объяснить, чувствуют это «нутром». Мужчина, правда, чрезвычайно полезен, если его

цивилизовать ; подобно огню, он «хороший слуга, но плохой хозяин».

Погружение в лунное сияние.

Лунатики, маниакалы, клептоманы, дипсоманы напряженно ощущают полнолуние. В центре серебристого круга, имеющие глаза, различают черное пятно, от которого исходит ядовитое

мареву. Оно окисляет металлы, тупит лезвия, вселяет беспричинный страх, порождает головокружения и прочее. Это ядовитое мареву активизирует акул и летучих мышей, заставляет паучих интенсивней плести паутину (в гримуарах по магии считается, что паутину плетут только паучихи).

От «полнолуния» обнаженного женского тела исходят эманации

черной магнезии, которые дурманят мужские мозги и вызывают томительную эрекцию. Но это еще полбеды. Повышенно чувственные субъекты имеют шансы умереть от разрыва сердца или заполучить смертельную болезнь под названием «сатириазис», когда мозги разрываются от сладострастных, почти осязаемых образов, а постоянное возбуждение доводит до безумия.

Лунное мареву и черная магнезия создают специфически женскую сферу монотонной фиксации. Отсюда магические

архетипы женских работ — шитья, ткачества, прядения, вышивания. Гипнотическая фасцинация женским телом вполне сравнима с поведением паука в режиме паутины. После спаривания, противиться коему он не в силах, паук в бесполезных попытках бегства застывает безвольной жертвой паучихи. Такова судьба самца в лунном сиянии матриархального пространства.

Мойры прядут судьбы людей и даже богов («Теогония» Гесиода), в гомеровской «пещере нимф» на каменных станках нимфы «прядут» человеческие тела, Пенелопа, Цирцея, Арахна равно искусны в ткачестве и эротических обольщениях. Резвый челнок, проворная игла, узор внезапно обрывается и продолжается в ином пейзаже и настроении: роскошная Антиопа превращается в козу, что нисколько не смущает влюбленного бога; Дафна прорастает лавром; охотника Актеона при виде обнаженной Дианы пронзает неистовая боль трансформации... и вот он — олень, затравленный собственными собаками.

Лунное мареву над островом Цирцеи, монотонная тишина. Александр Блок так излагает ситуацию в своей «Цирцее» (вольный перевод из Шарля Леконта):

Год миновал. Мы пьем
среди твоих владений,
Цирцея! — долгий плен.
Мы слушаем полет
размерных повторений,
Не зная перемен.

Мужчина здесь перестает быть мужчиной в смысле экспансивной свободы выбора. Его in excelsis и жажда сублимации совершенно устранены, Цирцея втискивает его в сомнительное счастье звериного бытия. Положим, она выявляет его

тотемическую суть... кабана, зайца, паука, но ведь человеческая

форма давала ослепительный шанс. Более того, в дрессуре и прирученности он теряет даже дикую волю звериного самца:

Здесь львы укрощены —
над ними благовонный
Волос простерся шелк.
И тигр у ног твоих —
послушный и влюбленный,
И леопард, и волк.

Если это парадиз, то парадиз зоопарка. Цирцея, равно как Деметра, богиня цивилизации. Яростные, строптивые агрессоры теряют в магических фильтрах Цирцеи присущие им атрибуты и застывают сомнамбулическим соцветием:

Для зорких рысьих глаз
и для пантеры пестрой
Здесь сон и забытье.
Над ними в сладкой мгле
струит свой запах острый
Любовное питье.

Магнетическая притягательность женского тела, монотонная однозначность желания.

В книге «Открытие Гвианы» (1598 г.) сэра Уолтера Рэйли — фаворит королевы, конкистадор, писатель — повествует об Амазонке, Ориноко, об индейском племени юкка, где господствуют женщины. Повелительница племени восприняла как должное, что далекой страной Англией правит королева, но крайне удивилась, узнав о преимуществах мужчин. Как же так, ведь они хуже зверей! Среди них случаются искусные рыболовы и охотники, но у них нет разума, они жестоки и безмерно похотливы, их необходимо кастрировать, дабы приручить. Вопросы касательно размножения повелительница племени сначала не поняла, затем объяснила: когда пробуждается желание, клитор вырастает фаллосом, если же потеряет его травой «малингу», вырастает огромным фаллосом. От соединения женщин рождаются только девочки, мальчики появляются от случайных связей с «лесными мужчинами» или после спаривания со змеями и дикими зверями.

Сэр Уолтер Рэйли не комментирует этого, а только добавляет, что часто видел кастрированных мужчин, занятых тяжелой работой.

Сообщения о племенах «амазонок» часто встречаются в книгах путешественников и этнографов. Эрих Нойманн, оригинальный последователь К. Г. Юнга, считает сие реликтами когда-то всеобщего матриархата[30]. Однако любопытно следующее: европейская патриархальная цивилизация так никогда и не смогла однозначно решить «женский вопрос». Андрократическому иудео-христианству пришлось перевернуть порядок вещей, дабы

растолковать творение Евы из Адамова ребра. Разумеется, теологи объясняют это параболически, символически, метафорически, но суть не меняется: ради своего утверждения, патриархальная религия пошла против природы. Неубедительность библейской истории породила массу недоумений и возражений каббалистов и магов — от рабби Симеона бен Йохая до Агриппы Неттесгейма и Роберта Фладда.

Каббалист Хаим Витал, ученик великого Исаака Луриа, в книге «Древо познания» (1579 г.) изложил дело следующим образом: Адам был сотворен вместе с полевыми зверьми и затем перенесен в парадиз как первое связующее звено меж землей и небом; Еву создал Господь из субтильной райской земли, граничащей с «верхними водами». Рабби Авраам Абулафия сказал; Ева — душа Адама, ангел — душа Евы. Далее повествование каббалиста напоминает известный афоризм Ницше из «Человеческого слишком человеческого»: «Сотворив женщину, Бог показал свое мастерство: глядя на мужчину, легко представить, какие трудности пришлось преодолеть на этом пути».

Итак, согласно Хаиму Виталу, женщина — высшее творение Господа — равно причастна небесной иерархии и хтонической природе, женщина центральна во вселенской гармонии. Почему же впоследствии подверглась она инвективам и подлым наговорам? Откуда столько обвинений: «скверна», «погибель», «золотое кольцо в ноздрях свиньи»? Зависть, злоба, тщеславие, непобедимое вожделение, — полагают Агриппа Неттесгейм и Хаим Витал. В «Древе познания» драма грехопадения трактуется так: Адам прельстился обещаниями «змия» касательно запретного плода. Осторожная и хитрая Ева только сделала вид, что вкусила от оногo, Адам съел целиком, причем кусок застрял в горле (адамово яблоко). После изгнания из парадиза начались всякие напасти: Адам покрылся шерстью, тестикулы чудовищно распухли, penis восстал до размеров необычайных и увенчался черным когтем. Ева пострадала значительно менее, ибо только вдохнула запах плода. Адам тщетно гонялся за ней, потом за дикой ослицей, потом принялся кататься по земле, пытаясь оторвать сатанинский подарок, наконец, измученный, уснул. Сострадательная Ева отрезала его член, оставив «десятую долю» — при этом, по преданию, сатана взвыл от боли. Отрезанный член прыгнул на Еву, вонзился в лоно ее — впоследствии родился Каин — и остался в ней клитором. Адам проснулся в обычном мужском образе, однако Еве пришлось долго отучать его от беспрерывной похоти.

«Вырос на мне ангел сатаны, избивает меня кулаками», — писал святой Амвросий. И святой Бонифаций: «Восстал из моего тела змий и потребовал поклонения». Число подобных жалоб внушительно.

Палящим огнем, проклятьем пениса наградил Господь мужчину за непослушанье.

Penis не признает религиозных, социальных или родственных табу, реагируя на женскую субстанцию вообще, будь-то монахиня, мать, сестра, дочь, кто угодно. Жестокое потрясение, страх, тяжкая работа лишь на время его укрощают, кастрация, импотенция лишь стягивают, словно пружину, его бешеное рвение, которое просто меняет формы проявления, в момент смерти он исторгает сперму — добычу ламий или мандрагор.

Согласно Платону, голова и penis взаимосвязаны, сперма суть мозг вытекающий. Правда это физиологически или нет, однако функциональность вычисляющего разума вполне аналогична сексуальной. Мужские глаза а

нализируют женщину, чтобы ей

овладеть, , рацию с той же целью

анализирует природу.

Людвиг Клагес в знаменитом сочинении «Дух — ненавистник души» полагает: этот «дух»,

эманация абсолютного Ничто монотеизма, трансцендентный, абстрактный, прежде всего, убийственно аналитичен. В другой книге, «Космогонический Эрос», он противопоставляет «фаллос небесный» земному пенису: «Тайный огонь эйдоса превратился в злую сперму пениса — символа дикой похоти. Таким образом, любовь мужчины и женщины перешла в смертельную ненависть, где один пол использует другой в целях сугубо эгоистических».

Характер и темперамент каждой женщины отражает ту или иную космическую стихию — землю или воду, воздух или огонь. В этом смысле женщины соответствуют элементам, населяющим стихии — хтонам, ундидам-нереидам, сильфидам, саламандрам.

«Женщины земли», послушные Гее, Деметре, Кибеле, нацелены на зачатие, роды, воспитание потомства. Мужчины — «мелиораторы», сельские работники, полезный инвентарь. Во времена кровавых культов великих матерей, мужчины жертвовали на алтарь богини свои гениталии, их разрубленные тела удобряли почву. Геродот упоминает, что во Фракии беременные женщины нередко убивали мужей и съедали их гениталии.

Женщина земли отличается деловитой пошлостью, основательностью, сугубой меркантильностью, ленивые зрачки мерцают и суживаются только в предчувствии материальных благ для нее и детей. Ее эминентные формы, влажный магнетизм ее женского средоточия властно притягивают мужской пенис, потом отбрасывают за ненадобностью. Она — живая аллегория геоцентризма. В «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского недурно сказано на эту тему: «Тут, брат, этакое перинное начало лежит, — эх! да и не одно перинное! Тут втягивает, тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трехрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, — ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!»

В прокрустово ложе ее моральной установки втиснуться невозможно: она обзывает мужчин «кобелями» и в то же время презирает «импотентов», ее характеризуют безличные ласкательные словечки — миловидная, хорошенькая, смазливая...

Она понятия не имеет о красоте, поскольку в этом не нуждается ее самодовлеющая целесообразность. Да, мужчина ее инструмент, но ведь и она — только инструмент «хтонида», великих богинь плодородия: за ними блуждают в протоисторических туманах тени древних, древних старух, повелевающих жестко детерминированной судьбой.

Динамика и горизонт воды устраняют жестокую целеустремленность и «назначение», предлагая женщине разнообразие выбора. Образуется специфическая женская гармония, обусловленная плавностью и текучестью линий, тайный или явный «танец» разлагает монотонность ходьбы, вздымает руки над угрюмой ежедневностью работы. Поэтому Фридрих Шиллер заключил:

Любая земная Венера,
сопричастная небу,
Рождается в темной глубине
виноцветного моря.

Красота отрицает устойчивое и детерминированное бытие, прошлое и будущее, уверенность в завтрашнем дне и прочее такое, красоте присуща свобода индивидуальности. Отсюда ее

невозможность в современную эпоху, чьи бесконечные схемы, законы и стандарты порождены тяжелой земной стихией.

Фаллос Ураноса упал в море, так рассказывает Гесиод в «Теогонии». В розово-перламутрово-радужном кипении пены восстала удивительная девушка и вышла на песок острова Кипр. Под ее стопами раскрывались цветы, Эрос и Химерос — гении любви — сопровождали ее. Она внесла в жизнь богов и людей девичьи смехи и перешептыванья, обманы и дивные наслаждения.

Афродита Анадиомена — счастливая возлюбленная, всегда открытая любви,
она — преизбыточное богатство,
она, одаривая, ничего не теряет.

Хотя волшебство страсти — ее творение, ее дар, богиня, в принципе своем, не любящая, но возлюбленная; она не захватывает в плен, подобно Эросу, но побуждает к наслаждению. Царство ее беспредельно — от сексуальной страсти до экстастики вечной Красоты. Все достойное обожания, восхищения, будь то изысканные линии тела, искусство беседы или жеста, все это называется по-гречески «эпафродитос».

Покорным ей мужчинам приносит богиня счастье — поэтому про удачный бросок игральных костей говорят: «милость Афродиты». С женщинами ситуация куда сложнее. При малейшем непослушании богиня вырывает их из спокойной и скромной жизни и отдает в объятия красивых чужеземцев. Так Медея стала жертвой любви к Язону и совершила ужасающие преступления. Потому в драме Эврипида «Медея» хор женщин заклинает:

О повелительница, не посылай нам
от золотой тетивы
стрелы бешеных желаний,
оставь нам в удел скромность и покой.

Женщину земли формирует дух времени, местный колорит, косметика, мода, словом, внешние влияния подгоняют и шлифуют ее в том или ином стандарте. Подобная женщина в высокой степени не свободна и не индивидуальна. Иное дело присутствие Афродиты Анадиомены. Богиня пробуждает в душе активную и автономную жизнь, это в античной эстетике именуется «энтелехией», а в средневековой *forma formata*, «формой формирующей». В значительной степени независимо от окружения, композиция души и тела таинственно меняется, превращая женщину в существо дивное и неповторимое.

Блуждания Александра Блока вокруг земной, акватической, аэрической женственности примечательны.

Превратила все в шутку сначала
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв,
Вдруг припомнила все — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Героиню не определяет ни имя, ни субстантив, ни местоимение, она проявляется лишь в действии, она

предикативна . Ее турбулентность вызвана сопротивлением мужчины, которого она желает присвоить и растворить в своих эманациях как свою очевидную собственность, что и понятно: напряженная женская потенция рождает мужское движение, пробуждает мужской огонь. И когда этот огонь отклоняется, когда заключение звучит так:

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое, —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое? —

...наступает отчуждение и враждебность. Какое еще «свое» дело? Допустимы только наши дела, предписанные старинными законами природы. И если женская земная субстанция функционирует по принципу «иметь», ее мужской компонент, ее «динамис» обязан покориться. Деньги, власть, имущество. Очень похвальна дикая драка за самку, за собственность, за родину, сие называется мужеством и патриотизмом. В «Сказке о рыбаке и рыбке» представлена позиция героя между субстанцией земной и акватической. В дошедшей до нас версии Лукиана не рыба, но морская дева — nereida — попадает в невод старика. Она предлагает ему любовь и свободную жизнь в Океаносе, и ради утешения старухи предлагает исполнение трех желаний. Увы. Бешеное «иметь» неутолимо. И хотя старик боится и ненавидит старуху, еще больший страх остается от привкуса свободы и

неустроенного будущего.

После ухода раздраженной мадам, герой грустно вопрошает: «Неужели и жизнь отшумела?» Вопрос онтологический, ибо если «иметь» общепонятно, «быть» — индивидуально загадочно. Смутные тропинки блуждают среди обманчивых ответов. Как это без всего «быть»? Если трудно угадать значение этого слова, легко предположить, что оно исключает: смерть, зависимость, авторитет, собственность, спровоцированную деятельность. Если мужской огонь отклоняется, в нем проступает «акватическая женщина» или *humiditas radicalis*:

День поблек, изящный и невинный

Вечер заглянул сквозь кружева.

И над книгою старинной

Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,

Заструилась вдоль перил...

В голубых сетях растений

Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера,

Принимала комната шаги

Голубого кавалера

И слуги.

Услыхала об убийстве —

Покачнулась, умерла.

Уронила матовые кисти

В зеркала.

Любопытно: своевольная комната

принимает шаги — могла ведь и не принять. Акватическая атмосфера одушевляет все в совершенной неопределенности всего: явь распадается в сновидении, зеркала неумолимо втягивают и не отдают отражения, фантомальная, гипотетическая

она струится вдоль перил, причем непонятно, речь идет о героине стихотворения или упомянутой книги. Голубой кавалер, слуга, старинная книга, убийство — понятия вполне четкие в земной ситуации — расплываются здесь подводными флоралиями. Акватическая материя в текучей своей экзистенции ничего не удерживает и не фиксирует, ее двойственность дает мужчине и женщине возможность независимого друг от друга бытия.

Русское слово «влюбленность» снежное чувство, легкая фасцинация — напоминает amar труверов, minne миннезингеров.

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные
сны облаков.

Темный рыцарь в тяжелой кольчуге
шептал о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал
из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.

Непомерность ждала в синевах
отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала
отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты,
оторваться от светлой мечты.

«Подними эту розу», — шепнула —
и ветер донес
Тишину улетающих лат,
бездыханный ответ.

«В синем утреннем небе найдешь

Купину расцветающих роз», —
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел,
и она полетела вослед.

Хронология, социальность, работы, обязанности — все это распадается в ослабленной хватке земли. Камни башни, металл кольчуги, томление королевы розовеют в интенсивной весне рейнской воды. Подними эту розу, то есть, преодолей крутизну башни, возьми меня — трудно достижимую ценность. На языке «blaison» (лексикон любви в средние века) роза — символ ктеис, взбудораженной внутренним жаром. Надобно преодолеть стыдливость девушки и оросить ее «бутон». Но фаллический порыв рыцаря слишком энергичен для примитивного обладания — он стремится увлечь королеву в пространство качественно иное.

Допустимо ли так интерпретировать романтическое стихотворение?

«Влюбленность» написана в южной Германии одновременно с пейзажно философским этюдом «Девушка розовой калитки и муравьиный царь». Там попадает такая строка: «Верно, и сердце мое — раскрывающийся розовый бутон». Для Александра Блока «Купина расцветающих роз» ассоциируется с небесным розарием Данте и «вечной женственностью» в трактовке Владимира Соловьева. Знаменитый каббалист рабби Абулафия считал расцветающий розовый куст символом «щекины» — субстанции Бога.

Полагая достоверным органический круговорот космических стихий, нет смысла разделять «идею» и «материю», «низкое» и «высокое», «плотское» и «духовное». «Я целую твой анус как драгоценную реликвию»[31] нормальное, так сказать, сферическое желание. Только теоретически либо насильственно можно изолировать цветок от стебля, стебель от корня, корень от земли. Роза, напоенная дождем, своими лепестками творит собственный воздушный ареал, раскрываясь ради огня, который испепеляет ее, но... «пепел роз земных суть почва роз небесных» (Новалис).

Для платонически ориентированного Александра Блока оппозиция «земное — небесное» актуальна всегда:

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь —
мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

Роковая дилемма «здесь» и «там». Увы. Иронией и презрением нельзя отделаться от «эссенции блинов и перин» и злобной агрессии толпы. Земля нас кормит и поит и взамен питается нашей плотью и кровью.

Согласно Николаю Кузанскому, «из двух оппозиций одна всегда стремится быть единством по отношению к другой», то есть подчинить эту другую, ассимилировать ее. Оппозиции «жизнь — смерть» резко отличают язычество от монотеизма. Язычество не видит в смерти ни малейшей трагедии, смерть — катализатор трансформации, переход в иную модификацию бытия.

Для монотеистов жизнь, по крайней мере «эта жизнь», явление весьма случайное. Творцу вдруг вздумалось молвить «да будет свет» и сотворить мир из ничего. Затем Сын Божий, которому не понравилась юдоль земная, выдвинул вполне платоническую идею «царствия небесного». Новое небо, трансцендентное и теоретическое, стало объектом сугубо духовного созерцания.

Сверхсущий монотеос довольно быстро обрел атрибуты и акциденции и затем распался на множество «единств» — от Творца и Богочеловека до абсолютного «я» Фихте и обыкновенного, столь же теоретического, «эго». Трансцендентность Творца отразилась на земле изоляцией «я» от всего остального, ограничением, фиксацией. С каждым столетием новой эпохи смерть выигрывает у жизни, человек ныне опутан цифровыми кодами, стандартами, правами и обязанностями словно Гулливер нитками лилипутов. Земля — основная материя творения по книге Бытия — стала трамплином для святых и трясинной для обыкновенных людей и, поскольку земля легко отдается измеримости, покою и фиксации, стала она более реальной, нежели другие элементы. Рыба в воде, бабочка в томном прозрачном мареве доступны лишь субъективному созерцанию — для изучения объективного надо их поймать, убить, пригвоздить.

Аналитическое познание, основанное на фиксации и равнодольности, суть синоним смерти. Подобное познание конструирует общие модели, разделяя природу на мертвое и «пока еще живое». Уже лет триста модель человека функционирует в модели вселенной, причем ученые обещают гибель и этого псевдобытия, прогнозируя космические и техногенные катастрофы.

Ученые, как и большинство наших современников, люди истинно верующие. Они безоговорочно верят в смерть. Что есть вера? Вера в нечто делает это нечто сердцевиной верующего. Вне колебаний и сомнений. Люди новой эпохи могут сомневаться в Боге, богах, будущей жизни, вообще в чем угодно, однако в смерть они верят свято.

Характерно иудео-христианское мнение о человеке: персть земная, прах земной, из земли ты вышел, в землю уйдешь, раб Божий и т. п. Этой материи, этой земле, этой персти земной присуще беспредельное *privatio*, то есть лишенность, нужда. Посему рациональное познание аналогично охоте и войне.

Святая вера в смерть или, напротив, святая вера в жизнь радикально отличает монотеизм от язычества, медицину от спагирии, химию от алхимии, науку от магии. Прочтем фрагмент из книги современного швейцарского традиционалиста Титуса Буркхарта «Алхимия»:

Извлечение благородных металлов из смешанной породы с помощью элементов растворяющих и очищающих — например, ртути и сурьмы в соединении с огнем — невозможно без преодоления мрачных и хаотичных сил природы; реализация «внутреннего серебра» или «внутреннего золота» — в их чистоте и нетленной озаренности — невозможна без преодоления иррациональных и темных тенденций души.

Следующий отрывок из автобиографии жителя Сенегала доказывает, что в некоторых африканских племенах выплавка золота и поныне расценивается как искусство сакральное.

«...По знаку моего отца подручные привели в действие два кожаных меха справа и слева от горна и соединенных с ним глиняными трубками... Отец длинными клещами схватил котел и поставил на огонь. В мастерской замерло всякое движение: пока золото плавится, а затем охлаждается, нельзя поблизости работать с медью или алюминием, дабы частицы этих

низких металлов не попали в котел. Только сталь не мешает делу. Но те, кто хлопотали близ нее, закончили работу и подошли к подручным моего отца. Слишком стесненный, отец их отстранил простым жестом: он не сказал ни слова, никто ничего не говорил, даже колдун. Слышалось только посвистывание мехов и легкое шипение золотой массы. Но если отец и не произносил слов, я знал, что они рождаются, шевелят его губы, когда, склоняясь над котлом, он перемешивал уголь и золото концом палки, которая сразу воспламенялась и приходилось ее менять.

От каких же слов шевелились его губы? Не знаю, не знаю точно, ничего мне не сообщалось. Но что другое, если не эвокации? Не заклинал ли он духов огня и золота, огня и ветра, ветра, свистящего в трубках, огня, рожденного из ветра... не заклинал ли он свадьбу золота и огня, не призывал ли духов на помощь? Да, там плясали они, и без них ничего бы не было...

И не удивительно ли, что маленькая черная змея подползла и свернулась вокруг одного из мехов. Она отнюдь не часто являлась в гости к отцу, но всегда присутствовала при плавке золота...

Тот, кто плавит золото, должен предварительно тщательно вымыться и, конечно, воздерживаться на все время работы от сексуальной близости...»

Голландец Бенжамен ван Леув в «Путешествии этнографа по центральной Африке» (1963 г.) относит подобные операции к «магии освобождения пленника или пленницы». Эта магия вдохновляет кузнецов, ювелиров, скульпторов, строителей пирог и больших весельных судов. Мастер долго выбирает дерево, проводит с ним ночь в задушевной беседе, пытается выяснить, желает ли оно плавать, а утром либо уходит, либо принимается строить лодку.

Бенжамен ван Леув распределил по группам более сотни магических обращений и действий с материей: «контакт с предками»; «обретение силы»; «оказание помощи»; «просьбы об участии в празднествах деревьев, зверей, минералов»; «просьбы о содействии». По словам этнографа, «это жалкая попытка классификации магически ориентированной жизни туземных народов». «Однажды, — вспоминает ван Леув, — я вышел поутру на берег озера Ньяса и удивился, не заметив привычной береговой скалы. Она пошла к дедушке на похороны, объявил мой проводник, к новолунию вернется». В конце книги автор передает странную сцену уже на океанском побережье: «Мистер О'Флаэрти из нашей группы, купаясь, обжегся о большую медузу дивной красоты; в отместку он вытащил медузу багром на песок и забросал камнями. Наши негры взвыли, бросились на песок и принялись раздирать ногтями грудь и лицо. Потом вскочили и, знаками приглашая нас, побежали за утесы. Мы машинально последовали за ними. Через минуту небо над заливом заволокла густая сеть блестящих волокон багряных, желтых, фиолетовых оттенков. Настала тишина, замолкли даже обезьяны и драчливые попугаи мабутсу. Вскоре небо прояснилось. В заливе не осталось ни одной рыбацкой лодки — они погрузились в воду. Перепуганные местные жители ничего толком объяснить не смогли.

Через несколько лет я прочел нечто аналогичное у Плиния Старшего. Он назвал чудовищную медузу *сіанеа флоріс* и добавил, что это одна из модификаций богини Афродиты».

Два эпизода, упомянутых голландским этнографом, как и любые натурально магические события, относятся скорее к сфере полюса жизни, нежели смерти. Книги этнографов и путешественников полны описаниями подобных случаев, ибо туземные народы, пока их не съела цивилизация, живут в атмосфере *abundatio materia*, сказочно плодотворной материальной природы.

Из двух оппозиций новая эпоха выбрала смерть как самодовлеющее и несомненное единство, более того: жизнь, по ее мнению, при неисчислимости благоприятных факторов, обусловлена гниением, разложением, случайным возникновением органического из

фундаментально неорганического. Жизнь — явление исключительное, потому-то ученые никак не разыщут аналогий во вселенной. Войны, болезни, похороны заставляют приходить к максиме: «живем один раз» — выводы отсюда совершенно необъятны.

Что мы имеем? Преходящую жизнь, затем черное небытие либо зловещие туманы аутсайда, затем весьма проблематичную тропу бессмертия души и воскрешения плоти. Небогато.

Однако в стопроцентной несомненности небытия присутствует трещинка, изъян. Иначе нельзя объяснить стойкость платоновых пещер, вечных возвращений, фонтанов жизни, эзотерических путеводителей. Здравомыслящие граждане любят почитать об этом, но вообще полагают, что трещинка ползет не по монолиту небытия, но в головах бездельников и фантазеров.

Материю характеризует пассивность, потенциальность, лишенность (*privatio*). Но при всем том всякому виду материи присуща собственная спецификация лишенности: слепые глаза хотят видеть, дерево хочет пить, огонь хочет пожирать дерево. Только материя человеческого мозга уникальна и всепожирающа, как небытие. И поскольку человек новой эпохи сделался сателлитом смерти, его бесят «жесткие рамки» отпущенного срока, который надобно распределить рационально, как заключенный распределяет кусок хлеба.

Horloge! dieu sinistre, effrayant, impassible...

Часовой механизм! Бог зловещий,
устрашающий, бесстрастный...

Далее в знаменитом стихотворении Шарля Бодлера проступает следующий образ: «Три тысячи шестьсот раз в час... Раздается писк секунды, злобного насекомого: „Помни!“... Теперь говорит: „Я уже Когда-то...».

Я высасываю твою жизнь своим ненасытным хоботком».

В подобном климате слово «жизнь» иррелевантно. Выжить, существовать, бороться за существование. Поэтому здесь промышляют взаимным вампиризмом и убийством, разделяют, распределяют на полезное и бесполезное, ломают и строят, анализируют и синтезируют. Но любой субъект, который познает людей и природу экспериментальной вивисекцией, сам становится объектом аналогичного познания.

Из магического мировоззрения следует исключить христиански интерпретированную «черную магию», только внешне напоминающую колдовские ритуалы древности. Изощренностью, точностью, ориентацией на смерть черная магия вполне похожа на современную науку. Но несмотря на несомненную гениальность, ученым далеко до мастеров позднего средневековья. Достаточно почитать «Анналы инквизиции 1400–1450», изданные в 1860 году доминиканцем Луи де Шандором, перешедшим в масоны. Гуманное негодование составителя против инквизиции не мешает ужасаться делам поклонников Зла: деревни и города, опустошенные неслыханной болезнью; ливень тарантулов и ядовитых змей с голубого неба; бургомистр, вспыхивающий словно внезапный факел; группа солдат, уходящая в гранитную скалу раз и навсегда; поселок в тысячу душ, который ложится спать и более не просыпается. Все это записано в донесениях и судебных отчетах в графе «О других предосудительных

событиях».

Транзитность жизни и триумф смерти четко означили тенденции натурфилософии и научной активности после средних веков. Медики, фармацевты, химики либо в сложных микстах растительных и животных соков с кислотами и солями, либо в неустойчивых соединениях золота и серебра, либо в сульфатах и окислах вульгарных металлов стремились отыскать фильтры и эликсиры долголетия. В эпоху Ренессанса витальную магию и мистическую алхимию медленно и верно вытеснили арабские научные концепции, основанные на расчетах меры, количества и веса добытой насильственно, а потому мертвой материи. Далее Декарт, Роберт Бойль, Ньютон, современное естествознание.

Ты вышел из земли, в землю уйдешь, но прежде постарайся извлечь из матери материи все и еще больше.

Повернем ход нашего размышления, припомним тезу Майстера Экхарта из «Книги о справедливости»: в глубине материи — *forma substantialis latens*, скрытая субстанциальная форма. Это эйдолон, *spermatos* или фермент — мужское начало, которое необходимо пробудить к действию. Так под

влиянием скульптора в мраморе зреет статуя, так резчик

освобождает деревянную ложку из дерева[32]. *Spermatos* или фермент связует космические элементы тайным огнем, потому-то

выявленный артефакт столь энергично суггестивен. Когда фермент активизируется, материя (мрамор, дерево, глина, лист бумаги)

беременеет и с помощью художника, играющего роль повивальной бабки или реставратора, разрешается статуей, амфорой, стихотворением.

В данном случае, за материей вообще не признается атрибутики «лишенности» и «пассивности», созерцатель, скульптор, герметик относятся к ней как субъект к субъекту. К примеру для поэта Оскара Милоша «чистая страница — дева, которая читает мысли».

Согласно Майстеру Экхарту, для раскрытия скрытой субстанциальной формы, или *spermatos*, материи необходимо избавиться (материю необходимо извлечь) от всех внешних форм. Художник, оператор или авторитет могут только очень и очень деликатно способствовать подобному процессу. Статуе, фонтану, неопиту самим надо преодолеть тягость матери земли и подняться в подвижную среду воды, воздуха и огня или, иначе говоря, в область сомнамбулизма, фантазмов, миражей и галлюцинаций.

Но кто он, кто видит и слышит миражи и галлюцинации, когда земная плоть отступает? Какой Рэндольф Картер[33] спускается на семьсот ступеней в глубину дримлэнда? Астральный, эфирный, лунный? Лучше сказать: существо, которое идентифицирует данности восприятия как свои. И куда же направляется это «существо»? На поиски субтильного тела собственной души, в зыбкую реальность Океаноса, в метафоры барокко: «море — наша жизнь», «магнит — звезда Прекрасного». Подобное существо вполне материально в материальности сновидений и фантазмов. «Необходимо огню спуститься в форме воды, чтобы очистить материю...» — примечание знаменитого алхимика Гаспара д'Эспанье. Согласно Аристотелю, материя на одном уровне суть форма на другом. Космическая стихия воды активней земли, там нет смерти как неподвижности и стагнации.

Мы приближаемся к понятию «живой воды» сказок, *hyle*, *materia prima*. Вспомним сон Генриха фон Офтердингена: погружение в женскую субстанцию, что приняла

форму воды. Далее очертание женского лица в голубой лилии. Раймонд Луллий писал: *florem*

pare per liquidum aethere — цветок рождается из текучего эфира.

В акватической среде разумное вычисление бесполезно, здесь ведет только интуиция Красоты. Восприятие распадается и дробится, образы, прикосновения, звуки, запахи блуждают порознь, собираясь в нечто организованное и вновь рассыпаясь. Как распознать в субстанции *anima mundi* субтильное тело собственной души? Прекрасное притягивает мужское начало мужчины и мужской компонент женщины, но этого мало. Надо, чтобы «я» обрело

там плоть и кровь. Артюре Рембо, «Being Beauteous»:

Снег. Прекрасная Она. В свистящей и
гулкой музыке смерти ее дивное тело
вздрагивает словно спектр, малиновые
и черные раны вспыхивают в гордой
плоти. Вокруг Видения рождаются и
танцуют живые колориты. Сцена,
помост. Хриплый свист, рваная музыка
преследуют нашу мать Красоту. Далеко
за нами. Она отступает, она вздымается.
О! наши кости в новой плоти любви.

«Мысль это сон чувства, бледное, чахлое чувство», — сказал Новалис в резкой оппозиции к Декарту («Ученики в Саисе»). Интенсивность чувства исключает рефлексю. Растроченная потенция чувства ведет к рефлексии. Удовлетворенное желание начинает «объективно» анализировать: едок выбирает самые вкусные кусочки, любовник — самые нежные сантиметры женской эпидермы. Рацио, озабоченное здоровьем и конфигурацией тела, напоминает об умеренности и воздержании.

Для Новалиса чувство и разум отличаются лишь степенью напряженности.

Трещина меж эмоциональностью и разумом разрослась особенно эффективно в новую эпоху: голова — сердце, память обычная — память сердца, расчет и порыв, любовь духовная — любовь телесная и т. д. Эти оппозиции сугубо рациональны, ибо непостижимость совпадения противоположностей — принцип рационального мышления.

Однако *anima rationalis* средневековой философии и *res cogitans* (вещь мыслящая) Декарта далеко не синонимы. Декарт в сущности признает только мысль: «Моя философия рассматривает только величины, фигуры и движение». Душа для него — понятие неточное и весьма неудобное, поскольку чувства (аффекты) мешают работе оператора (*res cogitans*) над материалом (*res extensa*). Эта *res extensa* (вещь протяженная) суть что угодно — человеческое тело, гранитная глыба, птица, соломинка. Одушевленность и неодушевленность, движение и неподвижность — модусы «вещей протяженных», которые функционируют по всеобщим законам. Так истолкованная материальность мира никакого

отношения не имеет к *materia* или *hyle* античности или средневековья, так истолкованный «дух» полностью чужд «интеллекту» в понимании, скажем, Николая Ку-занского. Поэтому его «Парадигма», где *ratio*

должно имплицироваться в интеллект, совершенно иррелевантна новой эпохе. Индивидуальную *anima rationalis* вытеснили универсальные законы разума.

Однако ситуация индивида зависит от этой последней. Либо рациональная душа уничтожается социально-универсальным разумом, либо восходит в область «фантазии» — это, в данном случае, термин неоплатонизма. Сириан и Синезий называют так и «генаду активной перцепции» (чувство чувств, ощущение ощущений, *aisthesis aistheseon*), и *akvaticeskoe hyle*, где живет «тело фантазии» или субтильное тело души — к нему стремится наше активное начало (внутренний Эрос, бог секретных советов).

Если человек не верит в

серьезность неоплатонической «фантазии» и считает одинокий поиск очень сомнительным, очень опасным, он уходит в «иное», хорошо или плохо устраиваясь среди людей, и отрекается от метахтонического пути «я». Это падение — талантливое или нет, темпераментное или нет, греческий

катабазис, натуральная инволюция в небытие или туманное потустороннее. Встречаются субъекты, которые томятся по небесной душе и, тем не менее, медлительно распадаются в собственной обреченности. Таковы герои Эдгара По.

Итак, фантазия — климат напряженной сублимации внутреннего Эроса и активной эстезии. В отличие от фантазии, воображение пассивно, рецептивно, реактивно, репродуктивно. Нам не дано определить границу субъективного восприятия и «объективной» реальности. Но вполне вероятно следующее: чем пассивней восприятие, тем жесточе вещи и события вампиризируют нас, обращая в сомнамбул. «Падение дома Эшеров» — апофеоз агрессивных вещей, атмосферы, пейзажей: гнетущие низкие тучи, хмурые стены неприветного дома, зигзаг едва заметной трещины через весь фасад до зловещего озера, белесые стволы гнилых деревьев...

Смертельное лунное околдование кровавой Милитты и черной Гекаты, падение в гибельное лоно исступленного женского кошмара. Женщины Эдгара По — Лигейя, Морелла, Элеонора, наконец, Мэделайн Эшер, сестра несчастного Родерика, — женщины бледные, медлительные, с черными длинными волосами, с черными загадочными глазами, всезнающие и надменные. Мэделайн. Ее брат Родерик — ужасающая бледность кожи, тонкие почти невесомые шелковистые волосы — ее брат Родерик угасает, тает, истлевает. Родерик — жертва разъедающего воображения. Ибо как иначе объяснить тяготение родового рока, неведомой болезни, чьи симптомы отражают мертвенность пейзажа. В сиянии кроваво-красной луны бездонное тусклое озеро поглощает останки дома Эшеров.

Воображение: материя чрезвычайно хищная, пористая, впитывающая все — сны, случайные разговоры, теории, мнения и, подобно некоторым видам тропической паутины, пожирающая своего «изготовителя».

Воображение: адская смесь дурных предчувствий, боязливых надежд, псевдоинтуиций, сладострастных силуэтов, идей фикс, компенсаций, ожиданий, ужасов, искаженных копий знакомых либо прохожих — это пронизано социально акцентированными гипотезами касательно жизни и смерти, коллективных ценностей, религии, морали, эстетики.

Здесь исключена индивидуальность как единство или стремление к таковому. Родерика Эшера нет, несмотря на его оригинальность, таланты и прочее. Старинный род Эшеров, сестра, дом, белесые деревья, зловещее озеро... это и есть Родерик, неразличимый в

могильном тумане.

Если воображение превалирует, личность растворяется совершенно. Человек проявляется лишь при концентрации воображения вокруг профессии, семьи, игры, любви. Эта концентрация обусловлена «интересом». Когда интерес пропадает, концентрация ослабевает, человек рассеивается в хаосе воображения. Интерес — разновидность тягости, притягательности хтонической бездны, интерес возбуждается

провокативом, а всякий провокатив — женская прелесть, деньги, власть, наркотики — действует тем эффективней, чем слабей целое, индивидуальность.

Земля во всех модификациях — от стерильных пустынь до роскошной вегетации тропиков, основа и мать всех царств природы. Ей принадлежит львиная доля менделеевской таблицы, где вода и воздух занимают сущую чепуху, огонь вообще на присутствует. Однако представить землю без трех остальных стихий нельзя. При этом данные стихии не порождены землей и ее производными не являются. Легитимно предположить: в режиме воды иные три стихии пребывают иначе, нежели в режиме земли. Сие справедливо касательно воздуха и огня.

Земля. Если мы в перспективе новой астрономии полетим, скажем, в другую галактику, ничего качественно не изменится — разве только химический анализ другой планеты обогатит менделеевскую таблицу.

Эмоциональная, умственная, телесная деятельность, пусть даже максимально динамичная, базируется на земной атрибутике: всегда необходима основа, ось, опора, стабильность, начало и конец. Но главный атрибут земной жизни — тягость, притяжение. Когда во сне наше «я» распадается в сомнамбулических перифериях, земное притяжение пробуждает нас и собирает привычной композицией. Слава богу, вздыхаем мы после кошмара, черт бы подрап эту ежедневную бодягу, говорим мы, вырванные из блаженного сновидения.

Земная жизнь, изуродованная механицизмом, с каждым годом обретает дополнительные качества невыносимости. В климате дефицита, скудости, лишенности (*privatio*) — ибо какую пищу телу и душе дает непрерывная ре-продукция и ре-трансляция? — воображение превратилось чуть не в единственный источник компенсации. Стимулируя воображение разнообразными допингами, люди все чаще отправляются в рискованное «каботажное плавание», однако притяжение берега, прилив снова втягивают на землю «пловцов». Спровоцированные сновидения, наркотические либо алкогольные галлюцинозы вызывают нервное недомогание и социальные преследования, но, по словам Шарля Бодлера, «куда угодно, только подальше от этого мира».

Несчастные случаи, безумие, провалы памяти, параноидальная потеря ориентации приближают нас к стихии воды.

Начнем изучение географии магического мира с «Пьяного корабля» Артюра Рембо. Несчастный случай — гибель команды от рук краснокожих — отдал корабль во власть Океаноса. Чувственный диапазон корабля — наконец-то он принадлежит себе и говорит от первого лица — расширяется беспредельно. В доминации воды земля, воздух и огонь интенсивно непредсказуемы. Полуострова отделяются от проблематичных материков, знакомых названий почти нет — упоминается только Мальстрем и «невероятные Флориды». Земные реалии представлены скупо: заброшенные бухты в жуткой вегетации, бегемоты, ревушие в течке, Левиафан, гниющий в сетях, остовы огромных змей, съеденных муравьями. Но даже эти драстические виденья — только мимолетные эпизоды в буйстве чудовищных водоворотов, судорожных бездн, в грохоте волн, пронзенном криками стремительных белых птиц. Потенция земли ничтожна сравнительно с бешеной энергией Океаноса, где «в циркуляции неведомых соков, в золоте и синеве пробуждаются певучие фосфоресценции».

Восторг, ликование, экзальтация, «молочно-звездное мерцание поэмы моря...» Восторг нисколько не темнеет от вида «задумчивого утопленника», от метафорических эпатажей вроде «лишайников солнца» и «соплей лазури». Все это пустяки сравнительно с неистовой напряженностью акватического бытия: «в ослепительном расцвете дня, расплосованные синевой делиры и медлительные ритмы ферментируют терпкими багрянцами любви».

Грандиозная ферментация небесной огненной спермы.

Если мысль, по словам Новалиса, суть бледное вялое чувство, то «Пьяный корабль» — апофеоз чувства (sensation).

Но.

Для чего субъект поэмы обрел «свободу от всех экипажей» и людской суматохи? Чтобы стать игрушкой стихий? Хаос сумасшедшей разрушительной воды превращает корабль в нечто аналогичное. Роскошь морских пейзажей не утоляет ностальгий, сожалений, надрывов. Вторжение хаоса, говорит герметика.

Якорь и штурвал надо срывать окончательно, тоска по земле совершенно нелепа.

«Ибо, — по мнению Рабле, — все сокровища, над коими раскинулся небесный свод и которые таит в себе земля, в каком бы измерении ее не взять: в высоту, в глубину, в ширину или же в длину, не стоят того, чтобы из-за них волновалось наше сердце, приходили в смятение наши чувства и разум».

Свобода напрасна без томления по квинтэссенции, по Изиде или Афродите, дающим подвижно-неподвижную циркуляцию четверем космическим элементам. Артюр Рембо:

L'etoile a pleure rose...

Сердце твоих ушей розовеет

от звездной слезы...

Бесконечность змейно белеет

от твоей шеи до омфалоса...

Море багряно пенится близ

твоих румяных сосков...

И Человек истекает черной кровью

у твоего царственного бедра.

Деликатное приближение к божественной неопределенности Афродиты Анадиомены — матери небесно-лабиринтального круга.

Опасно молить божество о помощи, еще опасней посредством магии искусства втягивать

эманации богов и богинь в полотно или камень.

Мы упоминали о принципе искусства античности и средних веков: художнику надобно

почувствовать сперматический эйдос божества в той или иной материи, затем на манер повивальной бабки способствовать разрешению материи от бремени. Если творческий порыв, движимый любопытством, эротизмом, честолюбием, вызовет земную эманацию бога или богини, это грозит катастрофой. Любят цитировать миф о Пигмалионе, но пренебрегают его окончанием — скульптор погиб жестокой смертью, задушенный во сне собственной креатурой.

Пьяные женщины и прочее

Ситуация четырех космических стихий дает возможность считать средоточием земной жизни свободу сколь угодно субличного огня, средоточием смерти — концентрацию беззвездной ночи до сколь угодно неподвижной кристаллизации черного льда. Эти крайние оппозиции способны разрешить только сверхъестественное вмешательство — такой вывод следует из мифа о кадуцее.

Две змеи безобразно и беспощадно боролись на дороге, пока Аполлон не бросил на них золотой жезл, вокруг коего они мирно переплелись.

Но.

Над новой эпохой тяжелой тучей нависли слова Хайдеггера: «Отсутствие Бога означает, что никакой Бог не ориентирует видимо и ясно людей и вещи на себя и не направляет, исходя из такой ориентации, историю мира и пребывание человека в этой истории. Но еще худшее означает отсутствие Бога. Не только боги и Бог исчезли, но и божественное сияние погасло в истории мира».

Крайние оппозиции — жизнь и смерть, движение и неподвижность, изобилие и лишенность несводимы к единству, меж ними вероятны только усталые перемирия и компромиссы, ибо закон мира сего *in bello non in pace*, война, скрытая или явная без всякого «мирного урегулирования».

О безумие большого города, вечером

Жалкие деревья у черной стены,

В серебряной маске сверкает глазами Зло,

Свет магнитным бичом гонит

цементную ночь;

Расползается гул вечерних колоколов,

Шлюха в ледяных судорогах рождает

мертвого ребенка,

Хлещет лбы одержимых бешеным Божий гнев.

Пурпурная проказа. Голод разъедает

зеленые глаза.

О ужасный хохот золота...

Стихотворение называется «К тем, кто молчит» и, очевидно, имеет в виду мертвых, немых, потрясенных технизированным кошмаром новых городов. Но, тем не менее, со времен Данте поэт остается, в известной степени, экскурсантом — Георга Тракля может ошеломлять современное положение дел, однако его поэтическое усилие направлено на преодоление своих социально человеческих эмоций. Сверкание, смех, гнев, пурпур, золото — вторжение огненной стихии в пустыню мрака и смерти. Поэзия Георга Тракля отличается напряженностью подобных столкновений. Сущность человека он понимает так:

О распадная структура человека,

Соединенная из холодного металла,

Ночи, ужаса потонувших лесов

И раскаленной ярости зверя...

Поэзия энергичной суггестии. Человек здесь собран из намеренных компонентов, поскольку металл не всегда холоден, подводные леса не всегда ужасны, зверь не всегда яростен. Только ночь осталась без эпитетов.

Слишком романтично, слишком эффектно для нынешней вялотекущей крови. Подобная структура человека встречается разве что на киноэкране, где обездоленному зрителю, лишенному шикарных красавиц, чемоданов с деньгами, смертельного риска, впрыскивают очередную инъекцию адреналина.

Смерть неустанно прогрессирует. Давить и сжигать непокорную кровь бунтарей танками и напалмом — вчерашний день. Надлежит привести человеческую массу к общему знаменателю и гасить огонь в крови на биологическом уровне. Посему из напитков изымают алкоголь, кофеин и теин, из табака никотин, а продукты снабжают «наполнителями» и консервантами, дабы устранить вкус и питательность. Это прямое следствие гуманного и позитивистского низведения разнообразия людей и этносов на уровень «всеобщего человека», столь же теоретического, как «растение», «зверь», «камень».

Проверим ход наших рассуждений. Материя, материальный, материализм, что сие ныне означает? Электроны, нейтроны, протоны, нейроны, химеры бесконечности. Материя, множество значений. Материя современной микрофизики имеет мало общего с материей позитивистов девятнадцатого века, ничего общего с материей схолиастов и совершенно чужда материи Аристотеля и неоплатоников. Космогония четырех элементов здесь также не причем.

Земля — круглая пылинка на периферии одной из бесчисленных галактик — никакой «великой матерью» быть не может. Эту роль ныне играет вселенская ночь с ее ледяным вакуумом, капризами гравитации, веществом и антивеществом. Подобный «частный случай фантастического» или «научная картина мироздания» получили признание из-за привычного представления о тесной связи науки и техники. Последняя, однако, создана руками практиков

и ремесленников при минимальном математическом аппарате.

Вряд ли одинокие и гениальные позитивисты, начиная с Галилея и Декарта, смогли столь лихо перевернуть мозги человеческие, чтобы люди забыли великую мать. Скорее, виноваты здесь именно техники и ремесленники — «выходцы из народных масс». У портного, вероятно, дрожали руки, когда он примерял лиф да платье на корпус дамы, лесорубу поначалу жалко было убивать беззащитное дерево, кузнецу было не по себе от криков раскаленного металла. Затем портной решил: вожделение мешает работе, все это недурно в постели, а сейчас надо бесстрастным сантиметром зафиксировать плечи, грудь, бедра, иначе какое к черту платье. Аналогичное возможно приходило в голову лесорубу и кузнецу. Далее процесс дифференциации взялся и за самого мастера: ночью я супруг, утром — отец, днем — работник, вечером — компанейский друг...

Он забывал землю-мать, небо-отца, ибо ремеслом можно заниматься сиротой, бобылем и где угодно. Ремесленник, цеховой работник, фабричный рабочий.

Такова одна из причин уничтожения этноса и его превращения в народ, население, массу.

Каждый этнос порожден

своей великой матерью. У греков — Гея, у египтян — Изида, у кельтов — Гвенда, у германцев — Фрейя и т. д. Это определяет специфику жизненного пространства, почву, минералы, металлы, фауну и флору. Если верна мифо-религиозная гипотеза о человеке — медиаторе меж небом и землей, то необходимо признать наличие небесного отца. В противном случае легитимно «одноразовое» явление человека и древнее сравнение «люди — листья» со всеми его коннотациями и ассоциациями устраняет сперматический эйдос, огненную пневму и прочие понятия такого рода.

Мать-земля способна обойтись собственными фаллическими компонентами для зачатия и пролонгации жизни. Но поскольку она принципиально репродуктивна, ее фаллические силы сравнительно быстро истощаются и, в конце концов, производят лишь слабые копии изначальных видов.

Немыслимо представить землю вне остальных элементов, коих она притягивает активно или менее активно. Это притяжение ослаблено у кочевников, усилено у племен оседлых. Но любой этнос, кочевой или оседлый, основан на магико-эротико-героическом освоении пространства замкнутого или свободного, любой этнос игнорирует смерть как предел бытия.

Далее. Каждая мать-земля, северная или южная, западная или восточная,

хочет небо-отца в разной интенсивности. Земля вольно дышит, раскидывается, солнечное небо приближается, жадно пьет реки и озера, облака бледнеют, розовеют, густеют, молнии, громы, бешеный ливень, плодотворный дождь. В криках, шипении, клекоте, уханьи, хрипах, напевных шелестах смыкаются земля и небо, любовная полифония расплывается, распадается в родные языки растений, зверей, людей. Этнос отлично знает первозданную вторичность самца — сперма возникает от грудного молока. Только потом, после инициации огнем

он отделяется от

нее и становится мужчиной, то есть героем.

Когда выбирают место для поселения, ищут центр будущего очага,

итифаллический камень (символ Гермеса у греков, Стрибога у славян). Затем хранительницы огня окружают центр каменным кругом. На первом огне сжигают волосы от дедовой бороды,

вносят в комнату веник, на дворе оставляют метлу. На новоселье перед веником ставят вино, перед метлой молоко, на седьмой день после новоселья справляют свадьбу веника и метлы. Магия веток, прутьев, колосьев, травы, волос преимущественна в оседлом этносе.

Уход ремесленников еще не столь страшен для крайне живучего оседлого этноса, даже иностранное завоевание не столь трагично: жестокость и насилие — атрибуты не ведающей морали матери-земли. Истинное бедствие — приход чуждых богов, чуждой религии. Такие боги всегда патриархальны и всегда стремятся заменить родину каким-нибудь «отечеством». И поскольку мужчина вопросительный знак суть, адепты и жрецы этих богов тут же начинают строить «новый мир». Зачем магии растений, Мокош, Морене, матушке Среде, зачем стране репы, свеклы, калины и рябины иностранный бог с его финиками, смоквами, грецкими орехами? Более того: зачем материнскому этносу вещать о трансцендентном божестве, наказании за грехи, спасении души? Трансцендентность — изоляция неба от земли, выделения «царствия небесного» в особую умозрительную область, доступную только видениям святых.

В проблематике язычества над небом земли, воды, воздуха и огня раскинуто небо луны и еще дальше — таинственное небо солнца. Многоцветие солнечных лучей пронизывает все сферы и рождает в крови пурпурный фермент (греческий «ios»). Отсюда «интуиция сердца», что различает резонансы и магические соответствия вещей и понятий иногда совсем несхожих. Следующие, например, данности образуют магические контакты и ориентиры: халцедон, скорпион, сасафрасс, лунный ущерб, мрачное предчувствие, печень волка, морской конек, соучастник, стрела на тетиве. Данности, по видимости разрозненные, объединяет

квинтэссенциальная линия. Это, вероятно, разумел Новалис в известном фрагменте: «Любая линия есть мировая ось». Подобную линию центров и границ определенной магической активности и находит «интуиция сердца».

Солнце далеко, но достижимо. В каждом этносе океан, землю и небо соединяют срединные божества. Они внушают экстаз, они познаются экстазом и пробуждают в крови

пурпурный фермент. В мистерии Диониса

радикальное опьянение лечит и освобождает.

Наша кровь пропитана инстинктами, страстями и суевериями, одним словом, наивным язычеством. Монотеистические религии призваны все это искоренить.

До природы им дела нет. Природа — охотничье уголье хищной научной мысли.

Язычество соединяет камни и металлы, растения, зверей и людей, небо и землю силой космогонического Эроса. Магия это зротика, магия — знание притяжений и отталкиваний: аметист любит звезду Беттельгейзе, белый коралл страшится «Волос Вероники». Богами санкционированы любые человеческие действия, развлечения, преступления. Однако надобно быть достойными богов. Вора судят за неловкость, убийцу — за трусость или жестокость, ибо они позорят своих небесных покровителей. Но единственный бог, с которым греческий полис так и не сумел поладить, — Дионис, творец виноградной лозы.

Дионис, прежде всего, бог женщин, свободных от материнства, семьи и домашнего очага. Он — мистериальное божество

пьяных женщин.

Первое представление о дионисийских женщинах в греческой поэзии — стремительное бегство от законодателя Ликурга[34]. В ужасе бросают они сакральные тирсы и сосуды и

помышляют лишь о спасении. Отчаянье и страх вполне обоснованы — сам Дионис бежит неудержимо и бросается в морскую глубину. Содержание мифа культово интерпретируется на празднестве агрионий: жрец яростно преследует женщин и каждую настигнутую ударяет мечом[35].

Так входит смерть в пространство «расточителя восторгов» и «донатора богатств». Дионис — страдающий и умирающий бог — в славе своего молодого величия должен погибнуть от агрессии могущественных врагов. И в Дельфах была его могила. И его спутницы, зачарованные вечной весной, погибают насильственной смертью.

Миф знает о трагизме судьбы, культ его выражает. Это не случайная и не злая судьба. Из дикого, напряженного безумия вырастает безжалостная необходимость. Дионис не только фасцирует, но и ужасает, и сам становится жертвой ужаса. Зловещая, творящая безумие истина проступает не только в его агрессии, но и в его страданиях. В знаменитом мифе о его гибели он — Загреос, «великий охотник», сам превращается в затравленного зверя. Его — кровожадного, раздирающего, самого разрывают на куски. За преследованиями, страданиями, смертью его спутниц встает тень их собственных чудовищных злодеяний. Рассказ о беспощадном нападении на женщин в праздник агрионий сразу напоминает неутолимую жажду крови дочерей Миниаса. Они игнорировали зов Диониса, прилежно занимались домашней работой и поджидали возвращения супругов. И тогда обрушился на них дивный, божественный кошмар и бросили они жребий касательно своих маленьких сыновей. Жребий указал на сына Левкиппы, и три дочери Миниаса жадно его пожрали. Неукротимая жестокость женщин, до той поры добродетельных и верных материнскому долгу, послана за пренебрежение к божественному призыву. Но подобного объяснения, как верно заметил Велькер[36], недостаточно. Взрывы безумия свойственны дионисизму, равно как фасцинация любви, восторга и кровожадности. Бог наполняет молоком груди менад, менады кормят детенышей диких зверей, но вполне способны разорвать их ногтями и зубами.

Дионису не воздали почестей в Аргосе. Результат: женщины впали в делириум и пожрали собственных детей[37]. В данном случае тоже логично предположить божественное возмездие. Бог, наказуя столь кошмарно, обнажает ужас своего бытия. Жестокость, бешенство, ярость порой обращаются против него самого. По Ноннию[38] Аура, возлюбленная Диониса, убила и съела собственного ребенка.

Жестокость вопиет из культа и мифа. Очевидно: беспредельное, где кипит хмель жизни, угрожает опьянением, распадом, уничтожением. Мы распознаем в страдании, преследовании, уничтожении спутниц Диониса и самого бога — судьбу порожденную их собственной жестокостью. Много воспоминаний сохранилось об их кровавых подвигах. Прокна с помощью своей сестры Филомелы зарезала собственного сынка и предложила супругу на обед: за трапезу сию их преследовали топорами и мечами[39]. Этот день регулярно отмечался оргиастическим дионисийским празднеством.

Миф о гибели Пентея: родная мать разорвала сына в клочья. В «Ленах» Теокрита три сестры убили и разрезали слишком любопытного юнца (одна из сестер — его мать).

Дионисийские женщины занимаются не только детьми человеческими. С Дионисом ворвался дух первобытной вселенной и обусловил дикое счастье в чащобах. Мы упоминали, как эти женщины кормили грудью оленят и волчат. Это не только сладостный хмель необузданной нежности, это тропа в гибельный делириум.

Согласно поэтам и художникам бешеные менады сжимают и разрывают диких зверей, разбрасывают окровавленное мясо. У Эврипида («Вакханки») нападают менады на стадо рогатого скота, отрывая несчастным животным ноги и головы. Однако предпочтительные жертвы — дикие звери, сколько бы поначалу за ними не ухаживали[40]. У Эврипида[41] Орест

и Пилад, в чьи руки попала Гермиона, сравниваются с беспощадными вакханками. Даже волки и медведи — объекты их кровожадного менадического счастья. Так волшебство безбрежного материнства сменяется безудержным охотничьим фанатизмом. Но ведь они только подражают своему божественному властелину. Дионис и сам охотник. В «Эвменидах» Эсхила сказано: «Как зайца, затравил он несчастного Пентея». «Мудрым странником в травах и деревьях» называет его Агава («Вакханки») и хор отвечает: «Да, бог — охотник». Там же сравниваются менады с охотничьими собаками. Но они охотницы, прежде всего.

Но какова охота! Убить, растерзать, в эвфории пожирать сырое мясо! «В сакральной оленьей шкуре преследует он диких козлов, радостно предчувствуя кровавое мясо», — возглашает хор («Вакханки»), имея в виду Диониса. Подобно своему властелину, набрасываются менады на истекающую кровью дичь[42]. Это даже не охота, но активность хищников. Так проступает мрачная сторона демиурга-фасциатора.

Его страсть к метаморфозам комментируется весьма часто. «Врывается быком, многоглавым драконом, львом огнедышащим...» («Вакханки»). В борьбе с гигантами — лев. Дочерям Миниоса поначалу явился прекрасной девицей, потом быком, львом, пантерой. В поэме Нонния жалуется индеец Дериад на бесполезность сражения с Дионисом: бог ускользает в образах быка, медведя, кабана, льва, пантеры, змеи, исчезает в деревьях, огне, воде...

Но гораздо серьезней подобной множественности главная противоречивость его бытия. Плутарх повествует об Антонии, который, как «новый Дионис», роскошный и радостный въехал в Александрию: многие восторженно встретили его, но для большинства был он и остался «бешеным хищным зверем»[43]. Впрочем, звери, сопровождающие Диониса, звери, в коих любит он превращаться, отличаются резкой видовой оппозицией. Одни — козел, бык, осел — символизируют эротическую силу и плодовитость, другие — пантера, лев, рысь — кровавую страсть уничтожения.

В легендах, особенно легендах позднего происхождения, в бесчисленных произведениях искусства пантера — излюбленный зверь Диониса. «Пантера напоминает вакханку изяществом и легкостью движений и потому приятна для глаз бога»[44]. К тому же пантера, согласно поверью, обожает вино. Неукротимой яростью пантера напоминает Диониса. Лев также избранный зверь Диониса, если вспомнить его борьбу с титанами. В седьмом гомерическом гимне, где поведано о пленении Диониса, внезапный прыжок на палубу льва вызвал панический ужас у морских разбойников. Дочерям Миниоса Дионис сам предстал в образе льва.

Пантера, леопард, рысь — по римской литературе еще и тигр — соответствуют сущности и функциональности менад. Пантера почти всегда сопровождает Диониса. Из всего семейства фелинов, так или иначе преданного Дионису, пантера самая гибкая и фасциативная и к тому же самая дикая и кровожадная. Молниеносное проворство, совершенная элегантность движений, направленных на убийство, симбиоз красоты и смертельной угрозы — все это напоминает одержимых спутниц Диониса. Отрешенная очарованность глаз, бешеная радость губительного прыжка, растерзание и пожирание трепетной плоти. Пантеры, леопарды и рыси кровожадней других хищников, ибо уничтожают гораздо более, нежели для пропитания необходимо. И самая кровожадная из всех — кормящая пантера — как тут не вспомнить о менадах.

Другие боги, понятно, тоже не однозначны, но противоречие Диониса куда радикальней. Дионис: властелин очарованного мира, вечно восхваляемый даритель вина, избавитель от забот и печалей, расточитель наслаждений и восторгов, экстатический танцор и любовник. Но этот лучезарно-восторженный бог страшней всех остальных богов. Никто не внушает ужаса столь беспредельного — разве только монстры вечной тьмы.

В своем весьма ученом сочинении[45] Вильгельм Дильтей проводит аналогию меж дионисийскими женщинами и призраками потустороннего мира. По его мнению, «сакральное

безумие менад» похоже на «мимическое представление процессии загробных обитателей». Это взгляд односторонний, однако нельзя не признать: менады в пароксизме кровавого безумия впадают в ледяное безмолвие. Царство мертвых беззвучно — недаром римляне называли богов черных глубин *tacitas*, молчаливыми.

Мы живем на женской планете, где мужские роли весьма незначительны. Мужчины — всегда дети, сколь бы не тешились они патриархатом, гениальностью, игрой в науку и власть. Олдос Хаксли в «Гении и богине» отлично передал

ее всепонимающий, иронический взгляд на

него — великого физика, нобелевского лауреата, в сущности, беспощного младенца, погибающего вдали от ее сосков.

Общество и семья живут благодаря женщинам. Их помощники и защитники — только «братья матери», по определению К. Г. Юнга. Остракизм по отношению к «женщинам пьяным» исходит, прежде всего, от нормального женского коллектива. Хосе Ортега-и-Гассет сказал в «Трех картинах о вине»: «Наше время — административная эпоха, в которой мы, вместо разговора о Дионисе, говорим об алкоголизме». Добавим: эта эпоха превратила менад, жриц Диониса, в алкоголичек. Размеренный, прагматический социум, ради собственной безопасности, всегда будет преследовать искательниц раскаленных секунд.

Люди нормального коллектива... нечто собирательное, хорошо или плохо смонтированные детали социального механизма, нечто противоположное этносу.

Читаем у Пьера де Ронсара в «Гимне демонам»:

Quand l'Éternel bastit

le grand palais du Monde...

Когда Творец воздвиг свое

грандиозное мироздание,

Он населил водные бездны рыбами,

Людьми — землю,

воздух — демонами,

Ангелами — небеса.

Не должно быть

Пустоты во вселенной.

Пусть в каждой стихии

Живут ей присущие креатуры...

Демоны пребывают под луной. Их огненно-воздушные тела могут принимать обличья...

Кентавров, змей, птиц, людей, рыб,

Блуждая на сотни манер

От одной формы к другой.

Стихия земли расходуется через земно-водное пространство в стихию воды, классификация и разделение весьма сложны здесь. Ведь понятие этнос относится только к людям, звери — популяции, скажем, популяция слонов или бобров. Но как назвать кентавров, русалок, террамитов, тритонов и прочих переходных особей? Популяция русалок? Странно звучит, поскольку эти существа вполне активно общаются не только с людьми, но и с гулами, стригами, эфиальтами и прочими «этносомами» потустороннего континуума. Понятно, для позитивистов с воображением довольно скудным и полным отсутствием энергической фантазии постановка вопроса вообще абсурдна. При суровой рациональной цензуре, при качественной деградации зрения и слуха, доступ в земно-водную стихию затруднителен — любой странный пейзаж или причудливый зверь корректируется теллурическим мерилом. Поэтому после пробуждения сон часто представляется кошмарным, бессвязным или угнетающе бытовым. Даже во сне мы умудряемся ощущать себя социальными персонами: гротескные конструкции, зловещие физиономии обожаемых родственников, дикие повадки детей, кошек и квартир крайне смущают нас, убогие гадания или фрейдистские объяснения запутывают окончательно.

Так как душа рациональная распалась и восприятие потеряло связь с интеллектом, спящего человека вполне можно сравнить с «пьяным кораблем» — причалив к «берегу пробуждения», он жаждет избавиться от тягостных видений или бредового сомнамбулического быта. Что же это за интеллект? Первая эманация селф, «соль» герметики, ось понятой широко жизни человеческой. По Аристотелю «целое больше своих частей». Сие означает: нечто неподвластное детерминации и делает целое целым.

Интеллект дает жизни смысл и развитие, с помощью интеллекта человек пребывает самим собой в любой ситуации любой космической стихии. «Мне лучше, чем кому-либо, известны минуты, когда вечное селф наблюдает за прыжками и гримасами нашего смертного „я“, наблюдает равнодушно, иронически, нейтрально»[46].

При еженощном вояже в земно-водное пространство сновидений, восприятие, не связанное с центральной осью селф и освобожденное от персональной цензуры, расплывается в невероятной плодовитости зыбкой материи снов, где обитают кошмарные боги — «султан — идиот Азатот» и «владыка скрежещущего, визжащего хаоса — Ньярлафотеп».

Научная фантастика населила иные планеты и галактики многочисленными и довольно скучными «гуманоидами». В отличие от большинства авторов данного жанра, Х. Ф. Лавкрафт представил в своих книгах головокружительно колоритные горизонты.

Рэндольф Картер, герой «Сомнамбулического поиска неведомого Кадата», «опытный сновидец», то есть: он не забывается в дремоте и входит в сон четко и сознательно. Подобная практика в принципе не редкость у шаманов, медицин-менов, йогов и прочих такого разбора людей, но здесь любопытна подробная и зловещая география сомнамбулического мира, «дрим-ленда». Если дорожат земной жизнью, лучше не заниматься этими опасными экспериментами. Субтильное тело души рискует заблудиться в галлюцинативных лабиринтах и не вернуться назад.

Рэндольф Картер переступает порог сна и спускается на семьдесят шагов в пещеру, озаренную пламенами, и спрашивает совета у тамошних жрецов. Спрашивает о чем?

По странной случайности, опытного сновидца однажды занесло слишком далеко — на крайнюю баллюстраду дивного, напоминающего арабские сказки, города. Как часто бывает в сновидениях, он «узнал» Кадат — обитель неведомых богов. Город дышал легким солнечным блаженством, тишиной, оттененной радужным маревом фонтанов.

С тех пор измученная душа Картера не ведала покоя — потому-то он и пытался вызнать путь у жрецов «Нашта и Каман Фа». Но те уклонялись, мотивируя отказ враждебностью богов.

Никто из людей, поучали жрецы, не имеет представления о Кадате или пути туда. Вполне вероятно, это не в нашем дрим-лэнде, а в запутанных пространствах, окружающих, скажем, Фомальгаут или Альдебаран, — подобные пространства, расколотые зияющими расщелинами, совершенно недоступны. Картер бестрепетно спускается еще на семьсот ступеней, минует «ворота глубокого сна», где общается со шнырливым и любопытным народцем «зуги» или «зооги». Далее фасцинирующий и фосфоресцирующий лес, другие своеобразные этносы — они пребывают еще в «нашем дрим-лэнде», хотя похоже никаких границ меж действительностью, сном и потусторонним Х. Ф. Лавкрафт не признает.

Никто из «местных жителей» понятия не имеет о неведомом Кадате. В одном портовом городе Рэндольф Картер попадает в плен на «галеру жаболюдей». Во время плавания он припоминает знакомые, полужнакомые пейзажи, о которых не раз беседовал с другом-сновидцем — смотрителем маяка

земного Кингспорта. Вот страшный Фаларион — демонический город тысячи околдований, где правит эйдолон Лоти; сады Зуры, полные недостижимых наслаждений; две хрустальных башни, образующие арку, ведущую в Соня-Нил — блаженную страну миражей; «базальтовые столбы запада» — простые люди верят, что за ними раскинулась роскошная Катурия, но мудрые сновидцы знают — там океан земного дрим-лэнда низвергается в пропасть «ничто» к другим мирам, другим звездам, стремясь за пределы упорядоченной вселенной. Галера жаболюдей, взнесенная чудовищным водоворотом, прыгает в бездну неба и плывет, подобно комете, в сторону луны. Рэндольф Картер не мог и предположить, что в эфире блуждают бесформенные черные твари — безымянные ларвы каких-то богов — и временами ощупывают липкими щупальцами объекты, любопытные по их мнению...

Скользкие, упругие, склизкие, желеино-желатиновые, вязкие, топкие, клейкие массы, конгломераты, облики, сущности сжимаются, расширяются, пульсируют в прозе Лавкрафта. Если в стихотворении Ронсара «не должно быть пустоты во вселенной», то здесь самая пустота невероятно энергична. Лавкрафта называют «космоцентристом» и «новым Коперником», хотя вряд ли он такой уж поклонник современной астрономии. Его воображение дурманят бездны, провалы, галактический драйв, уходящий в кошмарное «ничто», суггестивные имена далеких звезд — Беттельгейзе, Фомальгаут, Антарес, ибо все это провоцирует ледяной хохот безраздельной ночи, флейтовое безумие идиотического Азатота. В отличие от последнего, бог хаоса Ньярлафотеп вполне джентльмен, похожий, правда, на классического князя тьмы. При встрече с Картером он снисходит до объяснений: ты, Рэндольф Картер, любитель колониальной архитектуры, Кадат — город твоих детских грез и т. д. Короче говоря, бог хаоса отклоняет прошение опытного сновидца и возвращает его из бездонных онирических глубин домой, в ежедневность.

Правомерно ли сравнить сюжеты Лавкрафта и более или менее аналогичные Гофмана или Льюиса Кэррола?

Нет, и вот почему.

«Повелитель блох», «Алиса в стране чудес» — читатель уверен в обусловленной

сказочности повествования. Между ним и писателем возникает атмосфера молчаливой договоренности: ты разработал очевидный вымысел, я слежу, как у тебя это получилось. Ты, писатель, нарушаешь незыблемые законы природы, пытаешься возбудить мой интерес — ведь реальность не такая уж веселая штука.

Отсюда усилие стиля, ритмичность, поиск удачных образов и характеров, словом, «литература». Если Гофман или Кэррол и верили в свои вымыслы, то лишь в секретной глубине души. Иное дело Лавкрафт. Его рассказы — путевые дневники, часто написанные до крайности небрежно, наскоро. Из текста в текст путешествуют одни и те же фразы, обороты, целые пассажи. Любовных интриг нет, скандалов нет, бытовых и денежных проблем нет. Если понимать встречу Рэндольфа Картера и Ньярлафотепа как пародию на теофанию горы Синай, завет бога ясен: убирайся, пока цел. У теоморфов, эйдолонов и прочих влиятельных сущностей космических стихий один резон бытия: убивать. Во вселенской ночи Лавкрафта убивать значит порождать. Поэтому божественное, равно как и человеческое присутствие не обосновано ничем, вернее, имеет точно такой же смысл, как наличие трупов, упырей, тараканов, клопов и прочее.

Мыслью, то есть существую, познаю, покоряю — дикая иллюзия, мысль только позволяет лучше почувствовать тягостный кошмар бытия.

Можно ли жить при таких воззрениях? Вполне даже: во-первых, самоубийство только меняет мизансцену, во-вторых, Лавкрафт романтик, прежде всего, хоть и довел до крайности романтическую иронию и пессимизм. И к тому же любой взгляд, любое высказывание нисколько не объясняет тайну жизни и смерти. Говорят, он страстно любил шоколад и мороженое. Будем надеяться, он и сейчас недурно устроился.

Одна из главных особенностей романтизма — ностальгия по восторженной наполненности бытия — таковая непременно должна где-то быть — в сказочном прошлом, в Египте Рамзесов, в Атлантиде.

Только не в буржуазной Германии начала девятнадцатого века, только не в Америке начала двадцатого века. Х. Ф. Лавкрафт обожал дореволюционную Новую Англию, быт и нравы английских и голландских колонистов, что доказывает власть мечты — единственной роскоши в эпоху машин. На смену изобилия (*abundatio*) пришла лишенность (*privatio*) и ее детки — скарденность, экономия, рацион и точность. Когда всего много, зачем правила, учет, распределение? «Поэтому вернейший признак бедности, — говорит Г. Ф. Юнгер, — прогрессирующая рациональность организационных структур». («Совершенство техники»).

Геометрия, пародия на мудрость Эвклида, дьявольскими своими когтями вцепилась в землю. Эксплуатация всего, что подлежит эксплуатации. Разлинованное пространство — участки, границы, таможи, беспощадная схватка прямой линии с любой прихотью, изгибом, препятствием. Когда учтена каждая секунда, каждый сантиметр, о каком «изобилии» можно рассуждать?

В другом произведении Лавкрафта бог хаоса Ньярлафотепа высказывает следующее: циркули и угломеры любезны хаосу, нечто продуманное и упорядоченное — желанная добыча хаоса.

Если принять библейский парадиз за герметическое единство, что получается? Относительность подобной герметики, змей в центре парадиза, черная точка в центре формирующего света парадигмы Николая Кузанского, фаллическая экспансия, агент размножения. Шеллинг говорит об «агрессивном безумии в центре каждой вещи, о безумии, которое свет высшего понимания лишь проясняет» («Die Weltalter»).

Север и юг

География нового времени отлично иллюстрирует радикальную агрессивность белой цивилизации. Сколь помпезно звучит: «Великие географические открытия». Пролонгация данных открытий менее помпезна. Куда бы не ступил белый человек, всюду он принес голод, спиртные напитки, угнетение, смерть, огнем и мечом навязывая туземным народам свою авторитарную религию и беспредельную жадность.

Прагматическое освоение среды обитания требует рекогносцировки, и роль авангарда играют здесь геометры, географы, землемеры. Новая география и новая астрономия основаны на сугубо квантитативной методике. Век Просвещения выбрал эталоном измерения пространства одну сорок миллионную долю Парижского меридиана — «метр». Кроме слова «Париж», остальные понятия условны и совершенно абстрактны. Измеряя метром лесную тропинку, спящего крокодила, водопад и прочее, просветители получили «точный периметр земного шара».

Циркуль и угломер против живого пространства.

Живое пространство, прихотливая жизнь земли, воды, воздуха, огня. Земледелец бредет в поле и вдруг... пропадает. Куда? Не в четвертое ли измерение? Измерение первое, второе, третье.

Рене Генон в «Символизме креста» коснулся ситуации точки, прямой и кривой линии. Замкнутая кривая невозможна — конечная точка никогда не сомкнется с начальной — они сойдутся сколь угодно близко, но зазор, пусть минимальный, останется. Это объясняется движением всего и вся и отсутствием идеальной плоскости. Окружность равным образом немислима — поворот циркуля перейдет в другую окружность, в результате образуется спираль. Но и начальная точка пришла извне. Следовательно: «Начальная и конечная точки не принадлежат линии, начало и конец — вне процесса, который они ограничивают». К примеру, земная жизнь — дистанция меж двумя моментами инобытия.

Наука такими тонкостями не интересуется и пренебрегает минимальными зазорами — ведь иначе никакой теории не построишь. Любимое выражение: «для удобства и наглядности будем считать»... минимальное движение за покой, минимально неправильное движение за равномерное прямолинейное, минимальное неравенство за равенство, максимальную удаленность за бесконечность и т. д.

Дважды встретить одного человека нельзя. Нет ни одного объекта, равного или идентичного другому, всегда присутствует минимальное различие, лишняя песчинка на одном из двух идентичных пляжей. Но эта лишняя песчинка центральна. События, повороты судьбы, счастье и несчастье, как правило, зависят от пустяков: апельсиновая корка на пути бегущих ног, горошина под многочисленными перинами принцессы, последняя соломинка на спине верблюда. Смещение уровней происходит совсем незаметно. Быстрее крыла мотылька, неслышной изгиба водоросли, недвижной горного кристалла удача переходит в неудачу, любовь в ненависть, вода... в огонь.

Часть, принимающая себя за целое, ничего не может знать о принципе собственного бытия. Предполагать что-либо «известным», то есть отграничивать от «менее известного», строить на этом расчеты и планы нелепо: досконально знакомое, заученное наизусть всегда способно преподнести сюрприз. Наше «познание», основанное на повторяемости, узнавании, похожести, пытается зафиксировать нечто, никакой фиксации недоступное.

Усреднить, упорядочить мировосприятие — такова тенденция новой эпохи. Идеи спустились с неба на землю, добро, справедливость, красота превратились в лозунги, абстрактные обобщения, моральные догмы, вколоченные зубрежкой и кнутом, человек стал... человечеством. С детства мы заучиваем «простые истины», необходимые цивилизованному

субъекту: таблицу умножения, музыкальную температуру, элементарные физические законы. Что все это в высокой степени сомнительно, нам в голову не приходит. Азбука стандартизации, со временем разрастаясь, определяет образ жизни, быт, вкусы, симпатии, антипатии.

Постепенно и незаметно стандартизация вытравляет индивидуальные особенности, нивелирует восприятие рутинной повторяемостью занятий и пейзажей, одинаковостью костюмов, привычек, людей и проблем. Неистовая страсть к отвлеченным обобщениям («риторический» человек XVII в., абстрактный «общечеловек» XVIII в.) породила современные моды, шаблоны, штампы. Этико-эстетические «нормы» — одно из следствий ужасающей инерции новой эпохи. Эта инерция сглаживает, нивелирует индивидуальные особенности, доводя восприятие мира, идей, людей до практической

одинаковости. Прежде всякого собственного наблюдения нам объясняют, что и как надо видеть. Подняв глаза в ночное небо, мы знаем

заранее: эти семь звезд составляют Большую Медведицу, а не что-нибудь иное; заметив на дороге девушку в красном платье, мы говорим себе: это красный цвет, хотя, вглядываясь внимательней, уточним: нет, это где-то между цикламеном и пурпуровым шелком в колорите малиновой ноктюэллы, да, примерно так. До чего же трудны попытки самостоятельного наблюдения. Что же говорить о радикальных преодолениях социального нивелирования. Каждый имеет право на индивидуальное восприятие. Да или нет? Если да, зачем ограничиваться пустяковой аналитикой цвета?

Принято считать: смотрите, вот это созвездие, вот это существо женского пола, задрапированное красной тканью, называемой «платьем». Но разве обязательно видеть именно это? Разве нельзя иначе интерпретировать эти формы и колориты? Допустим, я регулярно встречаю одного и того же субъекта в одном и том же костюме. Одинаковый ли это персонаж сегодня, вчера и послезавтра. Разве можно встретить дважды одного человека? На его пиджаке иные оттенки, на галстучке иные складки. Более того: выражение губ изменилось, склонности шевелюры изменились. Но в силу инерции восприятие привыкает, мелкие несоответствия, «зазоры» стираются, и мы, подобно ученым, скажем: пренебрегая пустяковыми неточностями, будем считать сегодняшнего субъекта вчерашним и вообще постоянным.

Регулярные повторы подтверждают

реальность данного субъекта, ибо мы убеждены:

недисциплинированное восприятие неспособно четко отличать реальность от фантазмов, галлюцинаций, сновидений. Только регулярность повторов: вещей, занятий, людей, времен года, яблок на яблоне, экспонатов в музее и т. д. создает реальность окружающего. Если ритмы и циклы внезапно искажаются, исчезает безусловность убеждения, уверенность предчувствия,

пропадает почва из под ног.

Ортега-и-Гассет в статье «Идеи и верования» рассуждает так: почва, земля — основа не требующих доказательств убеждений (верование, creencia): «Чтобы выйти на улицу, насущно важно, чтобы улица существовала». Но если вы «...обнаружите, что улица исчезла, земля кончается возле порога и дальше разверзается пропасть... тогда вас, несомненно, охватит изумление». В этом эссе Ортега-и-Гассет отличает само собой понятные убеждения от идей и теорий о жизни и мироздании. Сколь угодно убедительные идеи нельзя конкретизировать, проще говоря, нельзя жить по Евангелию, или по Спинозе, или по Эйнштейну. Наука, религия, искусство — «частные случаи фантастического».

От монотеизма авторитарный антропос оставил главное — понятие единства, однако понятие это претерпело серьезные изменения. На исходе Средних Веков Николай Кузанский писал в книге «De conjecturis» (О предположениях): «Единство в любом знании есть то, что познается». И еще: «Если бы мы обладали точным знанием одной вещи, то необходимо обладали бы знанием всех вещей». Почему? Потому что «абсолютная форма» одинакова во всех сотворенных вещах. Это совершенно непонятно. Над «божественным единством» — формой и мерой всего и вся — необходимо долго и тщетно ломать голову. Ныне его заменили «эталоном», «единицей измерения».

Чтобы свести многоликую, изменчивую природу к материи для обработки, надобно природу очеловечить, подогнать под тривиальные закономерности, максимально упростить. Любопытны в этом смысле басни Лафонтена и гравюры по физиогномике XVI–XVII веков, где растения, птицы, рыбы, обезьяны соответствуют разным человеческим типажам. Подобно эвгемерическому толкованию мифов, Лафонтен интерпретировал Эзопа сугубо антропоцентрически и превратил живую природу в аллегорическую панораму пороков и добродетелей человеческих.

Рациональный человек-демиург не только перестал признавать небесный интеллект своей высшей целью, но и принялся явно или скрыто оный отрицать.

Рацио основано на законе исключенного третьего, причинно-следственной связи, изоляции чего-либо от всего остального. После семнадцатого века абстрактные категории, одинаково приложимые к чему угодно, постепенно вошли в европейскую лексику — до этого мало кто употреблял слова, лишенные какой бы то ни было конкретики.

Необходимо отличать абстрактные общие идеи от субстанциально обусловленных понятий Аристотеля и средневековых схоластов. Атрибуты и акциденции не разделялись от вещи, эмоционального состояния, события. Немыслимо было сказать «красное», «свобода», «любовь», «духовность», «безумие», предполагая все и ничего.

Поначалу обрели автономию «протяженность», «длительность», «движение», «энергия». Эти субстантивы, оторванные от всего конкретного и бесконечно растяжимые, поместили фирманент, мироздание, космические стихии в режим нервической неопределенности. В эпоху Просвещения абстрагировались, то есть освободились от непосредственной жизни, не только субстантивы, но и прилагательные, и глаголы, и местоимения.

Против всепожирающего «духа» абстракции направлены сочинения «философов жизни» вообще[47] и Людвига Клагеса (1872–1956 г.) в частности.

Самое известное его произведение

«Der Geist als Widersacher der Seele» («Дух как противник/враг души») в окончательном варианте издано в 1929–32 г. «Дух» в понимании Клагеса — сумма абстрактных концепций — религиозных, метафизических, математических, социальных. «Дух» (Der Geist) своей активизацией

(Der Wille, воля) постепенно аннигилирует «душу» (Die Seele): «Душа распадается под влиянием акосмической власти духа». Эта безличная «акосмическая власть» полностью воцарилась в современном европейском континууме. Эта власть проявляется, когда целенаправленная воля научной проблемы устраняет с пути своего решения посторонние желания, вкусы, интересы; когда рискуют жизнью ради торжества «идеала»; когда фанатически и непрерывно дают ближних прессом религиозных, социальных, моральных императивов; когда «жизненная энергия служит единственно для разогрева механизма воли» (Willensmaschine).

Людвиг Клагес полагает этот «дух», трансцендентный, абстрактный, чуждый животворной

природе, эманацией «абсолютного Ничто». Этот убийственно аналитический «дух» ничего общего не имеет с «интеллектом» античности и средних веков. Он разделяет, рассекает, классифицирует, конструирует из частей и частиц сборные и разборные объекты. Этот «дух», которым каждый пропитывается с детства, уничтожает индивидуальность и заменяет синтетической моделью, ориентированной на «выживание» и «преуспевание». Буржуазная эпоха предлагает отнести ко всему окружающему как к материалу, сырью, полуфабрикату.

Напрасно рассуждают — организм, механизм, живое, мертвое — для современного сознания механистично все, более или менее мертво все. Смерть — единственное непоколебимое убеждение, остальное — под вопросом. И если раньше смерть интерпретировалась inferнальной образностью, сейчас это просто негатив, пустота, растворенная в крови. Даже первый взгляд на что угодно отличается оценивающей аналитикой, непременным разъятием целого. Потому-то белые люди и удивлялись наивности туземцев, для которых физическая смерть была не переходом в «абсолютное Ничто», но в другую жизнь. Возразят: как они могли удивляться, ведь они христиане? Да. Однако рацио белого человека давно изолировало религию от обыденной жизни. Религия — специальность, религией занимаются специалисты. Это одна из главных причин дискорда белых людей с т. н. примитивами. Вот характерный отрывок из книги французского этнографа Сент-Ива Венсана «Воззрения ирокезов на природу» (1972 г.):

«Старый Вассавити насмешливо следил, как я в десятый раз считаю хемлок, сосну и клен и вытягиваю три пальца — три, понимаешь ли, три дерева. А что такое дерево, спрашивал он. Дерево это дерево, кричал я, хлопая по сосне. Погоди, остановил меня индеец, ты хлопаешь по сосне, а не по твоему „дереву“. Что тут подделаешь? Ты согласен, старик, что клен это не медведь? Вассавити объявил, что в жизни не слышал подобной чепухи. Потом рассказал, как на его глазах убегающий от охотников медведь обратился в клен, а потом, когда опасность миновала, неспешно удалился. Пауза. Старый Вассавити покачал головой и принялся меня поучать: число „три“ приятно, мол, показывать на пальцах, поскольку пальцы — друзья. Обрати внимание, продолжал индейский мудрец, сосна, хемлок и клен часто враждуют меж собой. Но вот белка на сосне, а также гнездо ворона. Сосна, белка и ворон очень дружат, можно сказать, одна семья. Вот тебе число „три“. А твои деревья... Вассавити махнул рукой и побрел в лес».

Старый индеец страдает хроническим отсутствием абстрактного мышления, для него не существует причинно следственных связей и отвлеченно собирательных понятий. Обычный первобытный анимизм и туземная магия, скажут читатели из своего научного далека. Справедливо. Термин «первобытное мышление» проблематичен, поскольку мысль отчуждена от своего объекта, поскольку язык — дистанцированная от природы знаковая система; термин «конкретность» также неточен, ибо конкретное — только другой полюс абстрактного. Для конкретизации, то есть локации предмета, существа, события сеть вербальных координат надо стягивать все более плотно — так поступают специалисты вообще, судебные следователи в частности. От общего к частному — лес, дерево, сосна. Мы абсолютно убеждены, что сосна это дерево, и что лес состоит из деревьев — потому нам никогда не понять индейца. И сколько бы мы не гладили белку, не взбирались на сосну — между нашими пальцами, беличьим мехом или сосновой смолой всегда останется сколь угодно тонкая и растяжимая преграда отчуждения.

Мы ловим неуловимое пространство воображаемой геометрической сетью, «исправляя и улучшая» наше восприятие. Ученые не доверяют ни глазам, ни ушам своим, но весьма довольны микроскопом и телескопом, поскольку инструменты эти растворяют индивидуальные зрительные особенности в стерильной и «объективной» одинаковости. Так же точно окружности и прямые линии ректифицируют неточности прихотливого разнообразия мира, отраженного в синих, черных или зеленых глазах.

Четко означенные единицы измерения — основа социума, прежде всего, буржуазного

социума. Посему необходимо резко отграничить пространство нации, клана, руппы от пространства индивидуального. В последнем «объективных законов» не бывает. Известно: прямая — кратчайшее расстояние меж двумя точками. Это хорошо поймет игрок на бильярде, а бабочка совсем не поймет. От вилки голодного до куска мяса расстояние «более кратчайшее», нежели от вилки сытого. Геометрия хороша для человека гипотетически-объективного, которого трудно получить даже извлечением средне-человечески-арифметического.

Восприятие времени и пространства зависит от индивидуальных особенностей.

Человеческая композиция: четыре физических и четыре субтильных элемента. Земля, вода, воздух, огонь понимаются в данном случае и как субстанции, и как модусы. *Patris* и *matrices* Парацельса, *tanmatras* и *bhutas* индусской системы «санкхья». Физические элементы образуют материальное тело, субтильные — тело души или «охему». Здесь возможна стагнация, возможна динамичная диффузия. Когда рассуждают о приоритете материальных, эмоциональных или духовных интересов, имеют в виду диспозицию субтильных и физических элементов. Устойчивость и гармония данной диспозиции суть «логос» или «бог живого человека», индивидуальная ось «личного мифа» в центре жизненных принципов и ориентаций. Ее близость к религии расы, нации, группы определяет меру социальности, этический и научный горизонт, взгляды на географию и астрономию.

Монотеизм, к примеру, признает привилегированное положение Полярной звезды и Северного полюса, ибо они обозначают уровни эманаций единого Бога.

Религиозная парадигма определяет как иерархию в человеческой композиции, так и государственное устройство. Монотеизм — монархизм. Король — единый полюс, далее сословная иерархия. На периферии четвертого сословия — деклассированные сборища, люмпены, мизерабли, хаос. Творец трансцендентен. Полярная звезда практически трансцендентна. Северный полюс недоступен или трудно доступен.

Иудео-христианская точка зрения: современный мир дрейфует к югу, погружается в зюйд.

Политеизм, понимающий землю как живой организм в живом космосе, географии в нашем смысле не создал. Стоики, пифагорейцы, неоплатоники в стремлении к единству и, следовательно, к той или иной системе координат, постулировали некоторые географические понятия. Впоследствии арабские ученые объединили небесное средоточие и Полярную звезду, земное средоточие и Северный полюс. И поскольку карты составлялись согласно религиозной системе соответствий, в географии доминировали два направления, основанные на признании либо непризнании смерти как второго экзистенциального полюса.

В своем «Путеводителе справедливости» рабби Иосиф Каро (XVI в.) изложил соображения каббалистов на сей счет. География земного рая: на севере — древо жизни и творение Адама, на юге — древо познания добра и зла и двойная женская ипостась — Ева-Лилит. Палестина вытянута точно по вертикали север-юг; Иордан, река жизни, берет начало в снегах горы Гермон и впадает в Мертвое море. Данная вертикаль доходит до Южного Креста, «вселенской Голгофы», согласно христианам. Таким образом, земной мир после «экватора Евы» стягивается к южному полюсу — царству Лилит.

Библейский дуализм надолго определил европейский географический принцип. В самом деле: сороковой градус северной широты и северней: Мадрид, Греция, расцвет цивилизации; сороковой градус южной широты и южней: практически ничего, далее необозримый океан. От севера к югу: жизнь — смерть, дух — материя, добро — зло. Действительно, моральный климат за экватором оставляет желать лучшего. Морепоплаватель Авель Тасман писал в середине семнадцатого века: «Южные земли — антиподы во всех смыслах: что у нас предосудительно, здесь похвально, что у нас преступление, здесь высшая добродетель. На

островах Южного океана процветают людоедство, разврат, колдовство, предательство, коварство, культы чудовищно жестоких богов и богинь». Церковные конгрегации после знакомства с отчетами гуманистов-миссионеров перестали настаивать на распространении слова Божьего в тропиках. С конца семнадцатого века миссионеры действовали самостоятельно, либо в интересах торговых компаний. Негативная реакция на работоторговлю вызывалась не столько человеколюбием, сколько страхом. Знаменитый теолог Пьер Бейль писал: «Заселять Новый Свет неграми — этими детьми антихриста, значит готовить пришествие самого их прародителя». Эти слова имеют определенное основание: африканские негры, соблюдая внешнюю христианскую обрядовость, моментально распространили на островах Карибского моря и в южных американских штатах кровавые культы своей родины.

«Чем дальше к северу, тем ближе к источнику жизни», — писал английский мореплаватель Джон Девис (XVI в.). Барон Людвиг фон Гольдберг, очень своеобразный географ (XVIII в.), в книге «Северная Индия» (1765 г.) высказался следующим образом: «Средоточие жизни парадоксально, любые системы здесь бесполезны. Путешественник замерзает в лютом холоде арктических льдов. Замерзает и... просыпается в сапфировых долинах Северной Индии — Гипербореи. На берегу прозрачного, словно хрусталь, океана люди строят корабли для плавания в Гелиодею — сказочный материк Солнца».

Важный момент альтернативной географии: фон Гольдберг видимо полагает, что Гипербореи достигает «охема» (тело души) после гибели физического тела. Однако от Торфина Карлсона до Мак Клинтока считалось вполне вероятным добраться до сказочного Винланда викингов, за который ошибочно принимали берега северной Канады, так сказать, в привычном виде. Когда и где родилась легенда о феерических странах за гранью полярных льдов, определить весьма непросто. Эта легенда волновала воображение вплоть до двадцатого столетия. В «Путешествии капитана Гаттераса» Жюль Верна, одержимый полюсом герой и его спутники потрясены неистовой жизнью «свободного моря» восьмидесятых широт: «Какая красота, какое разнообразие, какая неистощимая производительность природы! Как удивительно было видеть все это так близко от полюса!» И далее: «Мириады черных, белых, желтых, радужных птиц совершенно затмили небо и осветили море сиянием крыльев».

Но в мире есть иные области,

Луной мучительной томимы,

Для высшей силы, высшей доблести

Они навек недостижимы[48]

Ледяные морские безлюдья за тропиком Козерога, отраженные в дневниках Джеймса Росса и Белинсгаузена, южное полушарие, дальний юг. Великие картографы шестнадцатого столетия — Гемма Фризиус, Ортелиус, Меркатор — долго спорили касательно формы и протяженности пространства за экватором. Вращение земли крайне сомнительно (в сущности, только после законов Галилея и Ньютона появился утвердительный ответ), значит сомнительна шаровидная форма. Не очевидна ли правота стоиков и неоплатоников: эманации единого — в данном случае, северного полюса как центра жизни — должны расходиться, затем распадаться в бесконечном Океане. Однако система координат, построенная на этой гипотезе и напоминающая уходящую в небытие паутину, явно непригодна для навигации. В результате вопрос был решен прагматически.

И все же мифологема юга — «иной области», беспредельности смерти или инобытия не

хочет уходить из «бессознательного».

Эдгар По холоден и точен: «Сообщение Артура Гордона Пима», скорее, судовой журнал, нежели роман: даты, географические координаты призваны как-то упорядочить и зафиксировать Хаос. Мореходные подробности, цифровые выкладки суть первые волны безумия.

Кошмар начинается за тропиком Козерога. Обычная жизнь сокращается, прекращается, когда на границе инобытия проступает странный корабль: «Никого не видно на палубе, пока мы не приблизились на расстояние в четверть мили. Тогда показались трое моряков — голландцев, судя по платью. Двое лежали на кватердеке на старом парусе, а третий стоял у бушприта, наклонясь вперед, и глядел на нас с любопытством. Крепкий, высокий, кожа очень темная. Он, казалось, призывал нас не терять бодрости, монотонно кивал и постоянно улыбался, обнажая ослепительные зубы. Его красный фланелевый берет неожиданно упал в воду, но моряк, не обратив внимания, продолжал кивать и улыбаться». Пока А. Г. Пим и его спутники возносили хвалу за близкое спасение, с корабля пошел ток чудовищной трупной вони. Черный бриг остался позади, только большая белая чайка села на плечи приветливого моряка и вонзила клюв в голову.

Инобытие встречает недвижимой, тревожной тишиной, снегом цвета лепры и неестественными колоритами в туманно-землистом веществе суши и воды. Остров Отчаянья поражает роскошной зеленью, но увы, его склоны покрыты ядовитым лишайником саксифрагом. Последний остров, известный мореплавателям. Капитан отмечает дни и координаты в необозримой чуждости этих пространств.

Конец романа весьма напоминает каббалистическую версию дальнего юга: жизнь растворяется в «мертвом море», за древом познания и гостеприимной сферой Евы начинаются зловещие горизонты Лилит или Нифлсхейм скандинавского инферно:

«Беспредельный водопад бесшумно ниспадал в море с какого-то далекого горного хребта, темная завеса затянула южный горизонт. Беззвучие, угрюмая тишина. Яркое сияние вздымалось из молочной глубины океана, сверху падал густой белый пепел, растворяясь в воде... Только ослепительность водопада проступала во тьме все более плотной». Вспомним роскошь птичьих стай северного «свободного моря». А здесь: «Гигантские мертвенно белые птицы врывались в темную завесу с криками „текели-ли“. Нас неотвратимо несло в бездну водопада. И тут на нашем пути восстал закутанная в саван человеческая фигура — ее размеры намного превышали обычные. И ее кожа совершенной белизны снега...».

Мы немного поразмыслили о библейской оппозиции «жизнь-смерть, север-юг», дабы представить многообразие возможных мировоззрений. После Галилея, Декарта и Ньютона пространство утратило интенсивные жизненные колориты и превратилось в математическую протяженность. Квадратный километр всеяден и спокойно вмещает вакуум, митинг, дикий лес, кладбище и ресторан. Отчужденная одинаковость подобной «протяженности» предполагает одинаковость социального восприятия, где индивидуальные качественные особенности в расчет не принимаются.

Новая география превосходно иллюстрирует самодовольство современной тоталитарной науки. Историки, изучающие работы Эратосфена, Исидора Севильского, Марко Поло или Джона Мандевиля, тщательно отделяют «зерна»(гениальные прозрения, совпадающие с тенденцией современного познания) от «плевел»(вымыслы, непроверенная информация). Сие очень наглядно в картографии: если на античных и средневековых картах конфигурации береговых линий, рек, лесов и пустынь более или менее приближаются к «реальности», это хорошие и прогрессивные карты, которые «намного опередили свое время». И редко кому приходит в голову, что эти карты отражают совершенно иное восприятие мира.

Запад как предвестие Востока

Мы рождаемся язычниками и только лет через десять попадаем в когти социальной или небесной номенклатуры. Поначалу, обожженные крапивным огнем, испуганные синими глазами жабы, исколотые боярышником, мы бродим по лугам и лесам вполне боязливо. Но попадают хорошие, дивные дни: удар ослепительного дождя в молодой листве, гусеница пьет воду из копытцевой ямки, шмель врезается в одуванчик, бородатый голый человек рыдает, уткнувшись в ольху, иволга хохочет на розовой заре.

Потом научаемся читать: «дерево да рыжая собака — вот кого он взял себе в друзья» и, следуя за грезой Н. С. Гумилева, выслеживаем солнцебога. В можжевельнике гранитный валун, прижимаем ухо, камень горячий, терпеливо слушаем... часа через два сквозь мягкую сонорную пелену просеивается медоточивый шепот, неважно, что это означает, слушаем отдаленное гудение подземных пчел...

Потом худо-бедно осваиваем французский и переводим: «Синими летними вечерами я блуждаю в тропинках... мечтатель...» Энергическая волна стихотворения Рембо перехлестывает границу чуждого языка и будоражит иллюзией понимания.

Je ne parlerai pas, je ne penserai rien:

Mais l'amour infini me montera dans l'ame,

Et j'irai loin, loin, comme un bohémien,

Par la Nature, — heureux

comme avec une femme.

Я не рассуждаю ни о чем,

не думаю ни о чем,

но беспредельная любовь вздымает душу,

я бегу по тропинке,

беззаботный, словно цыган,

счастлив природой, словно женщиной.

Название «Sensation»; коннотации: «впечатление», «чувственность», «переживание».

Летучую плавность художественного «я» передать невозможно, столь роскошное переживание вне и против рассуждения и мыслей. Бог Пан спокойно и светло нейтрализует разум.

Но это не только пасторальная релаксация горожанина. Пантеистическая «беспредельная любовь», универсальное «да» на мгновение устраняют

тоталитарный антропоцентризм, который география и астрономия проявляют особенно жестко, дрессируя наше мировоззрение.

Если планеты солнечной системы более или менее «в пределах досягаемости», то «система Форнакса», «красное смещение» и «световые годы» отбросили звезды за грань самого тонкого чувственного опыта. Отныне фантазмальное небо пребывает в практической потусторонности. Цивилизация отрешилась и от земной, и от небесной природы.

Каждый человек, каждая группа, нация, раса имеют собственные, вполне ограниченные центробежные сферы, за границы которых переходить опасно. Римляне обозначали это статуей бога Термина, надписью *pes plus ultra*, стеной, рвом и т. д. Далее область «потустороннего», путешествие туда грозит потерей центра и, следовательно, разрушением композиции человека или группы. Сферу экспансии определяет душа — натуральное сдерживающее начало.

Это распространенное слово расплылось во флюидах моралистики. Говорят: низкая душа, черная душа, высокая душа, говорят о душевной черствости или просто о душевности, смешивают душу и сердце, словом, чаще всего разумеют нравственную позицию. При этом восхваление или осуждение основывается на коллективном понимании добра и зла, которое отличается эгоистической сиюминутностью и крайней сумбурностью.

Душа — субтильное тело сложной композиции.

Неоплатоники, затем схолиасты разделяли ее на четыре сферы: *anima vegetabilis*, *anima animalis*, *anima rationalis*, *anima celestis* (душа вегетативная, животная, рациональная, небесная). Для научно настроенных современников две первые — просто атрибуты живой (органической) материи, душа рациональная суть «убеждения и принципы», определяемые воспитанием и образованием, душа небесная — выражение из лексики священников, мистиков, романистов.

Учение о субтильном теле души связано с древним представлением о четырех элементах или стихиях, которые в сочетаниях и метаморфозах образуют много миров, в том числе доступный обычному восприятию космос. Античность часто упрекают в «телесности» и полном отрицании трансцендентности — по существу это упрек в пренебрежении абстрактно-теоретической схематикой. Действительно, сложное учение об элементах не переходит пределов сколь угодно тонкой конкретики. Только потому, что большинство не видит, не слышит и не осязает иных миров, новое время объявляет оные фантастическими, то есть теоретическими. Но возможно иное объяснение: мы не чувствуем иных миров из-за прогрессирующей стагнации восприятия. Это как раз и касается проблемы «субтильного тела» души, обладающего субтильными органами чувств.

Душа не подлежит спасению или гибели, душа не сфера рецепции моральных законов и не реторта эмоционально-эстетических флюидов. Вот одно из определений души в языческом неоплатонизме: «Это субтильное тело, свободно пребывающее во всех четырех элементах, его еще называют „телом фантазии“» (Синезий, V в. н. э.)

Несколько слов об элементах-стихиях. Каждый содержит три остальных в латентном состоянии, нельзя

химически выделить «чистый» элемент. Имя указывает на доминацию того или иного элемента над тремя другими. Когда говорят «земное тело», имеют в виду следующее: в данной композиции огонь, воздух и вода обусловлены землей и действуют в режиме земли. Земное или физическое тело отличается тяжестью, инерцией, косностью, его развитие

зависит от степени возможного контакта с телом субтильным, ибо душа или

аутодзоон (ничем не спровоцированная жизнь, жизнь сама по себе) активизирует кровь и сердце. Оскар Милош, склонный к эзотеризму французский поэт, так развил тему: «Кровь родственна огню и свету, кровь реализует внечувственный свет. Эта физическая явь света образует циркуляцию органического пространства. Вот почему ученые средних веков, имея в виду единство духа и материи, уподобили сердце солнцу и основали свою медицину на соответствии

хуморов (телесных жидкостей) и звезд. И если сердце — солнце микрокосма, то мозг — его сателлит. Это не только из-за цвета называли его луной в алхимическом языке. Чувственное познание, исходящее от сердца и крови,

рефлектируется в мозгу познанием интеллектуальным».

Циркуляция органического пространства — это экспансия индивидуальной жизненной энергии.

«Не думай, что, сидя на берегу, ты видишь, как течет река. Ты видишь ток своей крови», — сказал другой французский поэт, Анри Мишо.

«Теперь я понял: события сначала протекают в крови и только потом сворачиваются в действительность» (Густав Майринк. «Ангел западного окна»).

«Внешнее — это внутреннее, проявленное загадочным образом» (Новалис. «Фрагменты»).

Разумеется, набор цитат не лучшее подтверждение какой-либо тезы. Здесь это просто иллюстрации ретроградного и антисовременного воззрения на человека. Потому как вышеприведенные авторы понимают под человеком «микрокосм» — уже в восемнадцатом веке понятие стало теоретическим или мистическим. Учение о микрокосме весьма подробно изложено у Парацельса и его последователей — Гихтеля, Кролла, Руланда. Парацельс, правда, говорит об «астральном теле», однако выражение затаскано до невозможности и давно потеряло начальный смысл: эпитет «субтильный», на наш взгляд, лучше соответствует ситуации тонких элементов. Оккультная терминология до крайности синкретична — здесь надобно действовать осторожно. По логике, нам неведомой, магическая и мистическая мысль возрождения и барокко пыталась примирить и даже соединить языческий неоплатонизм, христианство, иудейскую каббалистику и арабскую метафизику — в результате смесь получилась невообразимая.

Необходимо вот что иметь в виду: меж язычеством и монотеизмом союз невозможен принципиально; когда язычник и монотеист рассуждают о «душе», они понимают совершенно разные вещи. В отличие от языческих богов, которые принимают форму человека лишь с той или иной целью, боги монотеизма антропоморфны в принципе, что не может не возбудить двусмысленности: то ли они создали человека по своему образу, то ли наоборот. Поэтому Порфирий и Юлиан Отступник не без оснований упрекали христиан в атеизме.

Благожелательные теологи, в ненависти к язычеству, но в преклонении перед великими древними поэтами и философами, решили трактовать политеизм как своеобразное единобожие, где для пушей наглядности боги и богини символизируют качества и потенции Зевса-Юпитера-Аммона. Справедливо сказал немецкий мифолог Вальтер Ф. Отто в книге «Дионис» об исследователях античной религии: «Они просто напросто не верят в языческих богов, а потому их выводы представляют только относительную историко-филологическую ценность».

Религиозные воззрения монотеистов и язычников совершенно различны. Прежде всего, монотеистические «религии откровения» исторически фиксированы, а потому открыты лишь для последующих поколений. Прерогативы единого бога весьма аналогичны прерогативам

восточного деспота; верующие только «креатуры», «рабы божьи», чья духовная, эмоциональная и даже бытовая жизнь ранжирована заповедями и уставами. Беспредельное небо стягивается единым средоточием. Монотеистическая религия, «единственно верная», третирует остальные как «ложные суеверия», извергая агрессию на всех несогласных.

Языческие религии иерархичны, монотеистические субординационны. Различие очень существенное. Во втором случае, божественные и природные данности математически распределяются вокруг единого центра по заранее определенным местам. Это предполагает причинно-следственную связь, правило идентификации, закон исключенного третьего и т. д. Равно как единому богу подчинены серафимы, херувимы, архангелы и т. д., папе подчинены кардиналы, епископы, аббаты и т. д., генералу — полковники, майоры и т. д. Режим субординации требует дрессуры, дисциплины, поощрения и наказания, человек расценивается как материал для обработки, жизнь расценивается как выживание, борьба, соревнование, где очень даже сладко победить и стать «примером для подражания». Подготовка к жизненным сражениям требует авторитетов и тренеров — поэтому человек здесь всегда подчинен другому и другим, и центр его бытия всегда находится где-то вне его личности. Основа субординации — послушание и рутинная повторяемость операций с целью обретения «автоматизма». Неожиданность, своевольная инициатива приводят к нежелательным последствиям. Этот тоталитарный режим, естественно, нестабилен из-за вопиющего дефицита энергии. Он способен «выживать» только за счет внешних «энергетических ресурсов». Необходимо либо искать и пожирать врагов, либо убивать друг друга. Но и эти процессы насыщены безнадежностью, поскольку фатум смерти висит над монотеистической или прагматико-атеистической доктриной.

Язычество не знает смерти как пустоты и полного уничтожения. В начале данного текста говорилось, что мы рождаемся язычниками. В известном смысле мы остаемся таковыми. Иначе любовь, религия, искусство, нравственность не имели бы ни малейшего резона, поскольку добродетельный труп распадается на атомы и рассеивается в бесконечной вселенной ничуть не лучше аморального.

Иерархия — «тайное начало». *Anima celestis* (душа небесная) наделяет сердце и мозг индивидуальными качествами, которым научиться нельзя. Загадочная суть каждой вещи, каждого события недоступна исследованию, поскольку тайна целого исчезает при анализе составляющих. К тому же любопытный наскок на вещь или событие может высвободить зловещие эманации.

Гляди, как злобно смотрит камень,

В нем щели странно глубоки.

Далее Н. С. Гумилев излагает одну из возможных историй камня. Он мог бы в своем четырехстопном ямбе поведать о молекулярном строении минерала, или о реакциях камня на кислоты и щелочи, или о его звездно-амулетной экзистенции — это были бы другие истории, спровоцированные «тайным началом» камня. Верящий в тайные начала вещей ожидает от них всего, и нет для него ничего «чудесного», так как «чудо» суть разрыв цепи детерминаций. «Посмотрел яйцо на свет, — сказано во фрагменте Анри Мишо. — Сковородка разогрета, все в порядке. Разбил яйцо — оттуда вылезла муха, взобралась на скорлупу и принялась сушить крылышки на солнышке».

Муха, удостоенная внимания поэта, выпадает из режима субординации. Объяснить ее реальность невозможно. Согласно язычеству, вообще ничего нельзя объяснить, всякое объяснение это перемирие в борьбе с непобедимым вопросительным знаком. Непонятно,

зачем надо петь песню безумству храбрых, гораздо проще освободить наше окружение от причинно-следственных цепей и предоставить проявляться как угодно. Тогда ведь и внешний мир освободит нас: восприятие немного оттаит в тепле внутреннего огня и медленно расправит свои органы, подобно спруту или медузе. Вокруг сухой и холодной земли образуется холодная и влажная акватическая стихия.

Les chares d'argent et de cuivr

Les proues d'acier et d'argent...

Колесницы бронзы и серебра,

Стальные форштевни...

«Морской пейзаж» Артюра Рембо, осмос земли и воды.

Колесницы вздымают пену

разворачивают пласты сорняков.

Подземные течения,

Колеи приливов и отливов...

Это напоминает *carra naval* — морскую колесницу, на которой Дионис триумфально возвратился после завоевания Индии.

Течения и колеи

идут кругами к востоку,

лесные колоннады,

каменные опоры — причал

углом врезаются в турбуленции света.

Перемещение от глубокого Зюйда — средоточия сухого и холодного льда Антарктиды (стихия земли) — к воде эластичной и густой Земли Королевы Мод (в скандинавской мифологии переход от Нифлхейма к Нифтхолу). Концентрация кристаллической ледяной бездны уступает эластичной влажности, способной притягивать сперматические искры воздуха, едва озаренного горячим и сухим огнем. Запад, земля сжимает не столь губительно в предвестии акватической атмосферы.

В человеческом теле Северу соответствует темя (зодиак — Овен) и Югу — бедра и гениталии (зодиак — Весы, Скорпион, Стрелец)[49]. Это путь по вертикали от стихии света в царство льда:

динамис или

аутодзоон постепенно оставляют физическое тело, и оно застывает в неподвижности. Желательно остановиться на уровне солнечного сплетения (зодиак — Дева), на уровне *humiditas radicalis* — радикальной влажности. Здесь пребывает

западная Диана — женский компонент мужчины — или

западный Меркурий — мужской компонент женщины. Здесь физическое тело соединяется с телом субтильным, что символизируется латинской буквой «Н».

Артюр Рембо отразил это во фрагменте «Озарений», который так и называется «Н»:

Toutes les monstruosites violent les gestes
atroces d'Hortense...

Любые извращения доступны

жестоким жестам Ортанз.[50]

Ее одиночество, ее механическая эротика,
ее усталость, ее страстная динамика.

Много, много веков она была пылающей
гигиеной рас

Ее дверь открыта нищете.

Мораль распадается в ее страстном
действии.

О ужасные судороги новой любви
окровавленной плоти,

озаренной водородом! Ищите Ортанз.

Н; Hortense; Hydrogen; Humiditas Radicalis... Присутствует ли в тексте беспощадная, до крови доведенная мастурбация? Разумеется. Точнее говоря, здесь представлена инициатическая мастурбация мистерий Дианы. Рембо, хороший латинист, знал, конечно, скандальные отрывки из Павзания и Валерия Флакка. Радикальная влажность, смешанная с физической

кровью, приближает и

воплощает образы фантазии, точнее говоря, жизненной среды субтильного тела, что необходимо для сублимации восприятия в новую, акватическую реальность. Смутный горизонт Океаноса светлеет от солнца. Солнце и есть восток. Это соответствует пробуждению сердца (зодиак — Лев). Postscriptum

Достижение светлого будущего требует, по Жюлю Верну, следующей классификации рода людского: сначала идут изобретатели и реализаторы научных идей; затем преданные работе рабочие и не менее преданные матери и жены; далее сыновья и дочери, продолжающие дело отцов; далее негры и китайцы, адресированные до собачьей преданности. Все это неплохо для социалиста-утописта или автора научно популярных брошюр, но скучновато для романиста. Художественной прозе столь же трудно обойтись без инъекции зла, как музыке без диссонанса. Однако в интересах социальной гармонии Жюль Верн убивает злодеев безнадёжных и перевоспитывает крайних индивидуалистов вроде Айртонна из «Детей капитана Гранта» или... капитана Немо.

Жюль Верна всегда воодушевляла греза об электричестве: «В природе существует могущественная сила, простая в обращении... Эта сила — электрическая энергия». Добавим: не просто «сила», но модификация фаллической стихии огня.

От сухой и холодной земли до сухого и горячего огня идет нарастание мужской активности. Но если в теллурической среде мужская энергия (заимствована?) сугубо подчинена матери-земле, в морях и океанах дело обстоит иначе. Океан ближе к воздуху и огню, океан не зависит от матери-земли, фаллическая жизнь в океане более свободна, что соответствует девизу «Наутилуса» — *mobilis in mobile* — подвижный в подвижной среде. «Морская соль — сперма океана — творящий огонь» (Авиценна). На песчаных берегах, омываемых морской водой, растёт пальма — древо жизни, согласно вавилонской мифологии, её корни питаются солью. Морская богиня Тетис никогда не совладевает с Посейдоном, Тиамат не победит Дагона. Свободное и неукротимое мужское начало непрерывно оплодотворяет женскую субстанцию, регулярно ослабляя её концентрическую тенденцию к захвату, пожиранию и конечной неподвижности. Отсюда другое качество жизни в океане.

Знаменитый английский химик Хэмфри Дэви писал в «Философии химии» (1811 г.): «Морская вода насыщена электричеством, вопрос, как его добыть». Капитан Немо, очевидно, сумел решить эту проблему: «Хлористый натрий содержится в морской воде в значительном количестве. Вот этот-то хлористый натрий я выделяю из морской воды и питаю свои элементы... В соединении с ртутью он образует амальгаму... Ртуть в элементах не разлагается». Сомнительно с точки зрения «земной» электротехники, но даёт повод к совсем иной интерпретации. Мы далеки от мысли о серьёзных алхимических интересах Жюль Верна, однако некоторые совпадения интересны. Не только Авиценна, но и Бернар Тревизан, Сент-Дидье, Ириней Филалет акцентировали «тайный творящий огонь морской соли». «При воздействии западной Дианы на морскую соль высвобождается *ignis secretis*, постоянный и недоступный восприятию огонь», — писал в книге «Сверкающий фонтан» английский мастер семнадцатого века Томас Воган. «Западная Диана» — одно из названий «всепроницающей и пожирающей черной сульфур *materia prima*» (Томас Воган).

Только мощью «тайного огня» можно обосновать возможности «Наутилуса», который движется со скоростью пятьдесят миль в час (примерно восемьдесят км.) и способен опускаться на любую глубину. При этом «Наутилус» нисколько не напоминает современную субмарину с её кротовыми норами, «Наутилус» — подводный дворец: роскошный фонтан, библиотека, музей. Но главное — личность и ситуация его творца. «Наутилус» не просто выдающееся техническое достижение, это, так сказать, электро-металлическая проекция капитана Немо, «человека воды», мужчины, свободного от матери-земли. Он похож на представителя подводной флоры в интерпретации профессора Аронакса: «Я заметил, что

все особи растительного мира лишь прикрепляются к грунту, а не растут из него. Не имея корней, они требуют не жизненных соков, а только опоры; они равно произрастают на камнях, ракушках, песке или гальке. Все нужное для их существования заключается в воде, вода их поддерживает и питает». Свобода недостижима на земле, кочевники, отшельники, бродяги связаны разного рода условиями и условностями, но: «для меня не существует ни дня, ни ночи, ни солнца, ни луны — только искусственный свет, которым я озаряю морские глубины». «Подвижный в подвижной среде», экзистенция сугубо мужская, фаллический апофеоз. Сигарообразной формы «Наутилус» горит собственным светом. Этот вечный двигатель снабжен смертоносным тараном[51].

Жизнь в воде, текучие многоцветные пейзажи, очарованное царство. Прогулки в подводных лесах: «Над нашими головами плыли физалии с колыхающимися бирюзовыми щупальцами, медузы своими опаловыми и нежно-розовыми зонтиками с лазоревой окраиной защищали нас от солнечных лучей, а фосфоресцирующие медузы освещали б дорогу, если бы нас настигла ночь».

Нам в принципе непонятен этот уровень экзистенции, поскольку «людям земли» необходима периодичность — чередование покоя и движения, отдыха и работы, равнодушия и страсти, трезвости и опьянения, а главное — убежище, дом, стабильность. Оторванные от матери-земли, мы погибаем, словно Антей, и даже без помощи Геракла. Деньги, убеждения, привязанности — разве можно существовать без всего этого, скажем, почти без всего этого?

В этом смысле любопытен конфликт гарпунера Неда Ленда, случайного пленника «Наутилуса», и капитана Немо. Нед Ленд силен, отважен и, понятно, рвется на свободу. Вспомним Ницше: не спрашиваю, «от чего» ты свободен, спрашиваю «для чего». Нед Ленд хочет посидеть в таверне, выпить джина и т. д. За скромным желанием темнеет тоска по привычному укладу и стабильности. Обычные люди получают энергию от матери-земли, это, в известном плане, земной «электрический» процесс: покой и стабильность «заряжают», «аккумулируют» жизненную энергию. «Человек земли» пассивен, его динамика провоцируется беспокойством, заботой, целью, стимулом, возлюбленной, любимым делом, словом, всегда чем-то внешним, говоря в общем и целом, «молоком матери-земли». Иное дело «человек воды», живущий в активно-энергетической среде. С точки зрения Неда Ленда, капитан Немо ведет жизнь высоко бессмысленную. Полярность этих людей хорошо проявлена в эпизоде охоты на касаток. Защищая китов, представляющих в любой морской мифологии фаллическую ось мира, капитан Немо нападает на касаток, «у которых только и есть, что пасть да зубы». Таран «Наутилуса» вонзается в этих монстров, кромсает на куски эти воплощения беспредельной хищности материи: «Мы плыли среди гигантских тел с голубоватой спиной, белым брюхом, вывороченными внутренностями. Несколько перепуганных касаток обратились в бегство. Вода на несколько миль в окружности окрасилась в пурпур, и „Наутилус“ шел по морю крови». Для Неда Ленда это бойня, бессмысленная, т. е. бесполезная, для капитана Немо — ритуальное действо.

Конфликты капитана Немо с хищной женской субстанцией жестоки и бескомпромиссны. «Наутилус» прошел подо льдами к Южному полюсу — в этом романе Жюль Верн предложил гипотезу открытого моря вместо материка. На полюсе ничего примечательного, только удовольствие от точности наблюдений, что и понятно: географические полюса — только воображаемые точки пересечения воображаемых меридианов, истинные полюса — нечто совсем иное. Кошмар Антарктиды поджидал «Наутилус» на обратном пути, когда этот автономный стальной фаллос намертво сковала ледяная вагина южного океана. Под прожекторами подводного корабля концентрическая смерть сверкала мириадами изумрудных, сапфировых, алмазных отражений. Характерна реакция Неда Ленда: «Если хотите знать, Господь запретил людям видеть такую красоту». Только находчивость капитана Немо, достойная хитроумного Одиссея, спасла положение.

Рассуждать о субтильном теле души хорошо, однако не худо вообще определить ситуацию человека. Кто это? Венец творения, двуногая птица без перьев, инфантильная обезьяна с нарушенной внутренней секрецией, индивидуальность, проявленная таинственным

self ? Человек суть микрокосм, полагали средневековые философы. Совсем непонятно.

«Это трудно — человеком быть, — сказал Макс Шелер. — Редко, очень редко человек, как представитель определенного биологического вида, суть человек в смысле *humanitas*».

Бесчисленные поговорки, оговорки, оскорбления постоянно возвращают нас в «животное состояние», то есть растворяют во всем сущем. В «Мистере Пиквике» Диккенса фанатик «партии синих» обращается к представителю «партии желтых» таким манером: «Я считаю вас, как человека и политика, обыкновенной ехидной». Повадкой, походкой, посадкой головы, чертами лица, бытовыми привычками люди могут напоминать кого угодно — свиней, обезьян, кошек, собак и т. д. В книгах по физиогномике XVI–XVII вв. приводятся «таблицы типов», своеобразные эволюции от рыб, птиц, квадрупедов к человеческим лицам и фигурам. Невозможно однозначно ответить: антропос — избранное создание Божье или случайный результат панэротического события?

Иоганн Каспар Лафатер, философ восемнадцатого века, в отличие от просветителей, крайний обскурант, в своих «Физиогномических фрагментах» (1778 г.) выразился так: «По образу и подобию Божьему сотворен только Адам или *forma humana*. Ева — *materia humana*, призвана была продолжать род адамов. Прародители наши, как полагают мудрые раввины и великий Якоб Беме, не имея ни пищеварительного тракта, ни гениталий, размножались в раю посредством поцелуев, ибо сперма заключалась в слюне. После падения во прах, потомки Адама и Евы смешались со всеми тварями земными, и образ Божий или человек стал встречаться все реже и реже. Отсюда и прозывают истинных людей праведниками либо гениями».

Лафатер очевидно имел в виду Содом и Гоморру — центры скандального секса. Языческий мир не видел в этом ничего дурного — боги личным примером санкционировали эротические связи с деревьями, скалами, змеями, птицами и т. д. Женская субстанция всегда жаждет беременности. Гефест, просвещает нас Лукиан, в бешеной страсти к надменной Афине, облил ей бедро спермой; богиня брезгливо вытерлась козьей шерстью; клочок этой шерсти попал в раскрытое лоно матери Геи — в результате родились великие полководцы и основатели городов.

Язычество иррационально и не знает правила идентификации, согласно которому имя и носитель имени едины — боги совпадают друг с другом или, напротив, один бог распадается множеством божеств. В зависимости от ситуации Афродиту зовут Тетис или Диана, Эроса — отцом или сыном Афродиты, или Посейдоном. Характерен миф об Иксионе, царе лапифов. Он влюбился в Геру, богиню воздуха. Богиня обратилась в облако прекрасных женских очертаний и назвалась Нефелидой. Иксион погрузился в это облако и вспыхнул сверкающим кольцом. От огненно-облачной любви произошли кентавры — чуть ли не самые сладострастные существа античного ареала. Однажды дриада Ноэтия наткнулась в лесу на огромные гениталии кентавра — их отгрызла медведица, защищаясь от насильника — и вот на глазах Ноэтии поднялась высоченная сосна в окружении двух каменных валунов. В стихотворении римского поэта Авзония описана экспрессивная сцена соития акулы и кентавра.

В отличие от демиургов монотеизма, греческие боги творили мир

эротически . Исступленная итифаллическая вакханалия. (Итифаллизм — постоянная эрекция). Фаллофоры вздымали раскрашенные деревянные фаллосы на процессиях Диониса, фаллос вставал в очаге дома, где жила девушка на выданье, поток крови лился из алтаря Кибелы, когда неопиты жертвовали богине свои гениталии. Даная проснулась чуть не затопленная золотым озером спермы Зевса, Пасифаю разбудил среди цветов фаллический удар быка, в которого на сей случай обратился Посейдон. Пастушка Лидия, как рассказано в комедии Плавта, оставив играть в травах малолетнего сына, заснула под густой елью и проснулась от резкой боли — еловая шишка оказалась пенисом фавна; но еще более удивил Лидию сынок — он, возбужденный, отталкивал фавна, дабы любить матушку в свою очередь[52].

Языческие и монотеистические религии антагонистичны в принципе. Если «вакханалия» — бранное слово у христиан, то у язычников оно обозначает великое событие — празднество Диониса, где разыгрывались «чудовищные непристойности». В шипении виноградной пены, в дикой охоте, по прихоти своенравного бога у женщин клитор вырастал итифаллосом, у мужчин набухали груди и текло молоко.

Благодаря многовековым усилиям христиан и мусульман уничтожены практически все артефакты этой эротически ориентированной культуры. Арнольд Хаузер в «Социальной истории искусства» упоминает о ярости святого Бонифация (VII в.), который не поленился железным острием посоха искрошить дивные мозаики в термах Пьемонта, изображающие любовные подвиги Зевса: на одной Зевс в виде змея Фанеса вползал в вагину дочери своей Персефоны, на другой бился голубиными крыльями в раскиданных ногах нимфы Фтии — последнее святой Бонифаций почел оскорблением идеи аннунциации. Роден возмущался епископом Аланусом (VII в.): сей фанатик христианской морали велел разбить древнюю статую Кибелы в позе

аутопрегнации — андрогинная великая мать погружала в вагину свой фаллос-язык. Турки растащили по кускам драгоценный мрамор храма Афродиты в Коринфе, где на барельефе дракон насиловал прикованную к скале Андромеду.

Фаллизму свойственно обожание солнца и восточной стороны небосвода. Фаллос рождается на Востоке, достигает меридионального апогея и умирает на Западе (По зодиаку: Овен, Лев, Дева). Статуи Приапа были ориентированы на Восток. В анонимных комментариях к «Пещере нимф» Порфирия сказано: «Согласно Платону, сперма рождается в мозгу, что соответствует Востоку, и выливается в женскую воду Запада. Поэтому восточный Гермес обычно изображается маленьким мальчиком с большим возбужденным фаллосом».

Активная диффузия огненно-сперматических эйдосов и влажной женской субстанции стимулирует напряженную пульсацию жизни. В космических стихиях силы распределяются так: мужской огонь; женский воздух под доминацией огня; вода — свободная динамика двух начал; холодная вода, тяготеющая к земле — женская доминация.

Свободная динамика огня, воздуха и воды отличает Океанос Посейдона и Тетис, Эроса и Афродиты. В таком климате аналитическое познание не имеет смысла — имена, дистинкции, детерминации вещей совершенно нестабильны. Если здесь и бросают якорь, судьба этого якоря неведома. Здесь нельзя доверять константам физическим и психическим, нельзя четко различать явь и сон; здесь мираж расплывается иллюзией, а фантом — галлюцинацией. Точнее, подобные слова, призванные разделять воображаемое и сомнамбулическое от осязаемой реальности, теряют конкретное значение, распадаясь в смутных ассоциациях. Джон Рескин до известной степени имел основания утверждать, что греки придумали свою мифологию, созерцая грандиозные панорамы и битвы облаков[53]. Здесь вполне легитимно классическое сравнение: при взгляде на женщину мужское сердце стучит, кровь волнуется, сперма концентрируется и затем изливается; небо обнимает мать-землю, собирает тучи, возбуждает грозы, насыщает почву плодоносным дождем.

Акватическую атмосферу Архипелага, реки, леса, горы, пещеры населяли бесчисленные демоны, саламандры, сильфы, сатиры, никсы, ореады, дриады, рожденные в непрерывном пан-эротизме. Чувствовать и быть в подобном мире способно гибкое, свободное, подвижное восприятие вне жизненного опыта, памяти и умозаключений.

К берегу, где вечер вечен,

Спустился он из древних чувственных лесов

И устремился дальше, и привлек его

Шум крыльев,

Освобожденный в биенье сердца

Бешеной воды;

Призрак. (пропал и снова расцвел)

Увидел он;

И уже в повороте увидел:

Это была нимфа, она спала

Вертикально, обнимая вяз.

И, колеблясь в душе своей от обмана

К пламени истинному, пришел на луг.

Тени собирались в глазах девушек,

Словно вечер к подножию олив;

Дистилляция. Ветви сочились

Медленным стреловидным дождем.

Руки пастуха были стеклом,

Разглаженным вялой лихорадкой.

Стихотворение Джузеппе Унгаретти называется «Остров».

Следует ли стихотворением современного поэта иллюстрировать античную космогонию, античное восприятие? Новая поэзия отличается метафорической сложностью и темнотой — ее зачастую не умеет разъяснить даже автор. Зачарованный красотой случайного образа, современный поэт просто напроосто «уступает инициативу словам».

Однако это не касается читательской интерпретации. Зыбкая неопределенность стихотворения Унгаретти отражает галлюцинативное сплетенье метаморфоз вне последовательности более или менее разумной. Но люди жаждут интереса, чудес, осторожных экскурсий в безумие. Ведь по сути дела каузальный детерминизм прагматичен и провинциален, его выводы вполне безотрадны. Человеческая жизнь в бесконечной

вселенной — стохастический казус. Для новой науки солнечная система тоже, в известном смысле, обреченный архипелаг, непонятно зачем плывущий в океане пустоты, туманностей, черных дыр и т. п. Если в античной мифологии нет понятия смерти, то ныне «жизнь только изъян в кристалле небытия» по изысканному выражению Поля Валери. Скука, молчание, тьма, звезды, раскинутые на сотни и тысячи световых лет...

Пастуха из стихотворения «Остров» привлек «шум крыльев... освобожденный в биенье сердца... бешеной воды», его «я» на мгновенье вспыхнуло в субтильной плоти души, он увидел и слышал

иными глазами и ушами чудо акватической стихии. Несмотря на резонное колебание «от обмана к пламени истинному», возвышенный и чуждый тон стихотворения выдержан до конца. Унгаретти хорошо передал робкую

почтительность, которую иногда вызывает у «modernes» мифически акцентированная секунда.

Герой этого стихотворения — сторонний наблюдатель; любопытен «абориген» Океаноса в климате Афродиты Анадиомены.

Согласно Парацельсу, органы чувств субтильного тела, активные и подвижные, способны влиять на композицию увиденного и услышанного. Он назвал их *patres* (отцовские, мужские). Для земных, пассивно-женских чувств (*matrices*) мир независим от наблюдателя и функционирует либо по воле Божьей, либо по собственным «объективным законам» — их можно отчасти познать, однако никто не застрахован от злого фатума, катастроф, несчастных случаев и, разумеется, неизбежной смерти.

Приближенность Океаноса к стихии огня определяет мужскую творческую интенсивность. Монолог фавна из поэмы Стефана Малларме «Послеполуденный отдых фавна»:

Ты знаешь, моя страсть: пурпурный и зрелый

Гранат трескается и пчелы гудят,

И наша кровь вздымается волной

И разлетается из улья желаний...

Этот фавн, прежде всего, эстет и музыкант, он растворяет эротический порыв в медлительных колебаниях сна и реальности, водно-воздушной и земной природы нимф. Нашептал ли ручей грезу о синих девичьих глазах, навел ли солнечный огонь соблазнительный мираж, или он действительно видел нимф, гнался за ними, и одна оставила укус на его груди — поэма развивается в неопределенности этого размышления. Фавну, скорее, нравятся эти сомнения, его универсальное «да» устраивает любое положение вещей. Неудача любовной охоты стимулирует воображение, точнее, энергию фантомальных манифестаций воздушной стихии. Итифаллос или напряженный восклицательный знак упивается собственным бытием.

Когда я выпью сок из винограда, я,

Чтобы прогнать сожаление

об утраченном наслаждении,

Смеясь, поднимаю в небо пустую гроздь,
Раздуваю поникшие ягоды, страстно
Смотрю сквозь них на солнце.

Этот

реванш воображения вряд ли утешит земного обитателя, но здесь речь идет об
ином винограде,

иных губах. Если земной мужчина в поле женского притяжения «думает только об одном», то активная страсть фавна свободна от подобной фиксации. Ведь «наша кровь вздымается волной и разлетается из улья желаний». Активная страсть разнообразно интерпретирует желанное.

Фавн живет согласно мифической парадигме

Бог Пан преследовал дивную певицу — нимфу Сиринкс, она расцвела на берегу реки зарослями тростника. (Надобно упомянуть о христианской контаминации античной мифологии. Нимфы, спасаясь от бешеной похоти сатиров и фавнов, просят богов о защите и часто эту защиту получают. Но дело в том, что в язычестве нет института просьб и молитв. Нимфы — девицы вовсе даже не беспомощные. Сиринкс, дочь речного божества, отлично владела искусством превращений). Итак, Пан срезал упомянутый тростник, скрепил воском — получилась свирель: с ее помощью он «настроил» планеты по натуральным интервалам. Таково эротически-насильственное происхождение музыки. Потому фавн из поэмы говорит: «Я укротил талантом своенравный тростник». Эта победа внушает ему вполне героический замысел: немного посплю, затем отправлюсь к Венериной горе (Этна, Monte Veneris, клитор Венеры):

Этна! Лес в колоритах золота и пепла!

Там вечерами гуляет Венера, оставляя

на огненной лаве

Следы нежных пяток. Я обниму

королеву нимф!

О нет, это кощунство. (Фавн засыпает).

До встречи, нимфы,

Я иду в сон за вашими тенями.

Любовный пыл фавна далеко неоднозначен. Его солнечная сперма (сравнение: улей и пчелы) устремляется в пространство фантазии (пневма, стихия воздуха).

Здесь мы приближаемся к понятию квинтэссенции. Огнедышащая Этна посвящена Венере. Это средоточие небесного пламени в земной стихии вспыхнуло после падения в море фаллоса Урана (версия Гесиода). Этна — центр «кольца Венеры». Кольцо восходит к небу в пяти спиральных поворотах, соединяя идеальную небесную окружность и «квадрат Земли». Для Венеры «два равно пяти», согласно «Теологуменам арифметики» Ямвлиха. В небе Венера образует две звезды — утреннюю (восточную) и вечернюю (западную). Первую зовут Фосфор (Люцифер монотеизма), вторую — Гесперия.

Венера успокаивает безумие, смятение, борьбу четырех элементов спиральными движениями своего кольца. Мать гармонической красоты, она одарила людей окружностью, как Дионис — виноградом, Пан — музыкальной октавой, Афина — оливковым деревом. Эвклид почитал Венеру матерью геометрии, поскольку без окружности немислимы многоугольники, прямая линия вообще. Один из весьма вероятных ответов на вопрос о человеке: существо, которое стремится сделать окружность мерой своего бытия — так, по крайней мере, можно интерпретировать знаменитые рисунки Витрувия, Леонардо да Винчи, Роберта Фладда, изображающие гармоническую ситуацию человеческого тела в окружности.

Эта иррациональная фигура недоступна точному измерению, однако без нее никакое измерение невозможно. Современный испанский поэт Хорхе Гильен писал в стихотворении «Совершенство круга»:

Таинственно пропадая
В недоступной вершине,
Он слушается линии,
Соразмерной взгляду.

Ясны и приветливы
Стены таинственного,
Невидимые
В границах воздуха.

Совершенная тайна,
Совершенство круга.
Окружность круга
Это секрет небес.

Таинственно

Сверкает это, сокрыто это.

Что именно? Бог? Поэма?

Таинственно.

Подобное размышление над окружностью приближает нас к мысли о квинтэссенции как эманации богини гармонии, красоты и любви. Лукреций назвал Венеру «истинной огненной формой воды»[54].

Гибкая и влажная женская субстанция, центростремительная по природе, хорошо адаптирует «сперматический эйдос тайного огня» благодаря достаточно эффективному влиянию квинтэссенции. Земная мужская сперма пропитана, говоря алхимическим языком, черным горючим сульфуром. Упомянутый эйдос резко вытесняется враждебным земным огнем. Здесь необходима помощь богини Венеры, иначе, «дамы Квинтэссенции». Это нельзя назвать новым рождением, скорее, «восходом солнца в сердце».

При своем довольно тривиальном понимании любви, мужчина хочет «овладеть» женщиной, полагаясь на силу своего рациона или своих мускулов. Однако эти преимущества, полезные для решения разных прагматических задач, зачастую провоцируют общий дисбаланс. Мужчине никогда не победить женщины, «сила» — нечто иное. Взглянем на одиннадцатый аркан таро, который так и называется «Сила»: белокурая девушка спокойно раскрывает львиную пасть. Алхимическая гравюра из «Розариум философум» еще выразительней: девушка растягивает львиную пасть, освобождая проглоченное солнце. Так нейтрализует квинтэссенция «черный горючий сульфур».

Этот процесс мастера или увлеченные темой писатели интерпретируют разнообразно. Новалис начинает роман «Генрих фон Офтердинген» сновидением героя: «В середине пещеры бил фонтан: акватическая сила вздымалась до скалистого свода и падала огнистой россыпью в гранитный водоем. Безмолвие. Вода бассейна радужно блистала, влажные стены пещеры источали голубое мерцание. Генрих склонился над водой — сила и свежесть пронизали тело. Разделся и отдался воде в закатных облаках: удивительные мысли, невиданные образы поплыли мимо него, через него, каждая волна, словно девичья грудь, прогибалась под ладонью. Поток нежил его растворенным женским телом».

Изысканная трактовка мифа о *materia prima*, греческой нимфе Hyle. Она, убегая от Геракла, бросилась в бассейн и растворилась в воде. Эту воду алхимики называют «радикальной влажностью», «гумми мудрых мастеров», «*menstruum universalis*» и еще многими именами, без нее герметическое действо бесполезно.

Инициатический сон Генриха отражает рождение в стихии воды, соединение с женской субстанцией — она и мать, и сестра, и возлюбленная: «Он забылся в блаженной дреме и очнулся на лугу близ источника, который рассеивался в воздухе и там исчезал. Вдали вздымались темно-синие скалы в пестрых прожилках. Озаренный день казался прозрачней на фоне фиалкового неба.

И вдруг он увидел на берегу высокую светло-синюю лилию — она чуть касалась воды широкими блестящими листьями. Среди ее лепестков проступали очертания дивного лица».

Не стоит обманываться идиллической завязкой романа. Да, юный Генрих видит этот сон в благополучном доме любящих родителей, земная жизнь только начинается, перспективы недурны. Но: эта прелюдия в сапфировых тонах — начало жестокого посвящения.

Postscriptum

Новое время одержимо экстазом тайн, секретов, сокрытых ценностей, методов, рецептов и т. п. Когда говорят: вам я могу сказать, но умоляю, никому ни слова... лицо слушателя, неважно, простого или образованного, выражает жадное внимание.

Квинтэссенция активизирует субтильное тело, которое благотворно влияет на функциональность и органы восприятия тела физического. При этом идет сублимация вегетативно-анимальной души, оживляющей плоть. Однако наша жизнь обусловлена стихией земли. Это значит:

притягательные объекты и состояния, легко провоцируя «земные интересы», препятствуют действию квинтэссенции. Страстям, напряженно потенциальным, довольно даже пустякового поощрения, дабы устремиться по следу. В процессе подобной охоты исчезает

легкомыслие — индикатор сублимации, поскольку одного хотения мало, надобно умение, терпение, сосредоточенность, согласно поговорке касательно труда и рыбки из пруда. Воздержание, тактически не продиктованное желанием, губительно. Аскеза, самодисциплина раздражают анимально-вегетативную душу, которую Фома Аквинский называет «истинной матерью тела», — ей ничего не стоит уничтожить благие духовные начинания, ибо высшим категориям лучше не связываться с низшими.

Вряд ли можно отыскать что-либо притягательней секрета. Он завораживает, фатально фиксирует внимание, мгновенно обращает в рабство. Открытия и разоблачения никогда не приедаются, довольный искатель тут же нацеливается на новый секрет. Мало кого смутит скептическая максима Ларошфуко: «Обыкновенно думают, что спрятанное, особенно спрятанное тщательно, всегда лучше выставленного напоказ. Это великолепная уловка дьявола. В девяти случаях из десяти прячут уродства, недостатки, постыдную правду» (Отличная иллюстрация — миледи из «Трех мушкетеров» Дюма со своей лилией на плече. Она, кстати, современница Ларошфуко).

Любовь к сохранению и раскрытию секрета — чувство сугубо земное. В книге «Космогонический Эрос» Людвиг Клагес комментирует сие на примере баллады Шиллера.

Юноша учится у мудрецов Саиса тайному знанию. И вот он предстоит статуе Изиды во храме. Статуя закрыта покрывалом, запрещено даже близко подойти. Пользуясь безлюдьем, юноша снимает покрывало, решив узнать самое сокровенное — обнаженную истину. «Глубокая грусть привела его к ранней могиле», — заключает Шиллер.

«Зачем юноша снял покрывало? — спрашивает Клагес. — Из-за так называемой жажды знания, любопытства, проще говоря. Меж любопытством и жадной жаждой знания нет существенной разницы. Эти чувства отражают беспокойство разума, которого беспокоит все, чем он еще не обладает».

Человеческая ситуация в режиме земли разрешает следующее: сублимацию под влиянием квинтэссенции и перемещение в акватическую среду; пребывание на земле, выращивание злаков и прочее; спуск под поверхность, близкое знакомство с царством минералов, где секретов предостаточно. В огне и воздухе секретов нет, в воде, если только на дне — но это уже земля. Изобретения, связанные с использованием трех стихий, например, «греческий огонь», или гидростанция, или аэроплан, вызваны земной необходимостью. Кое-что попадает на поверхности, но главные сокровища и секреты спрятаны внизу. Недаром известный алхимический афоризм гласит: *Visita Interiora Terra Rectificando Invenies Occultum Lapidem*[55].

Огонь, воздух и вода лишь в сравнительной близости к земле подчинены ее доминации. Однако в ее безднах они пребывают в рабстве и мятежах (землетрясения, вулканы).

Подземные сокровища — золотые и серебряные жилы, россыпи драгоценных камней — сокрыты в таинственных пунктах и требуют для разработки немало знания, умения и мастерства.

Античность не знала и не желала знать земных глубин — сокровенных обиталищ Матерей. Лабиринты суть карты

лабиринтальной структуры пространства. При чтении Филолая, Плутарха, Авзония вообще создается впечатление, что древние настолько ценили саму идею тайны, что порицали всякую попытку вторжения и раскрытия оной. Драконы, крокодилы и прочие монстры не оберегали священных или заповедных мест (мысль чисто современная), но просто жили там. Герои или просто любопытные кончали, как правило, весьма печально.

Огонь, воздух и вода пребывают в глубинах земли в непрерывных турбуленциях, либо в кошмаре мертвенных молчаний. Атанасиус Кирхер[56] описывает бездонные провалы в мальстремах огненных озер, необозримые луга, поросшие собаками и змеями вместо цветов, над которыми горят подземные звезды — Плутон и Прозерпина, чудовищных рептилий с человеческими головами и т. п. Людвиг фон Гольдберг в «Странах под землей»[57], сохраняя аналогичную картину земли-яблока, проеденного спиральными туннелями, населяет их особой расой мудрых человеко-пауков — они враждуют с великанами из прозрачного льда.

Герои Жюль Верна энтузиасты-исследователи, смысл жизни — в раскрытии секретов. По нашей условной градации, это «жители поверхности», вынужденные устремляться вверх или вниз, поскольку, по их мнению, белых пятен на поверхности практически не осталось. Профессор Линденброк, фанатичный химик и минеролог, проникает в глубину планеты, ориентируясь по старинному документу легендарного алхимика Арне Сакнуссема. Но так же как члены «Пушечного клуба» не обрели возможностей сильфов в процессе полета на луну («Из пушки на луну»), профессор Линденброк не стал гномом («Путешествие к центру земли»). Он увидел в земных глубинах примерно то же, что и на поверхности. Жюль Верн, правда, добавил в подземное море ихтиозавров и гигантских змей. Восприятие персонажей настолько сковано рацией, что экстраординарный вояж несколько оное не освобождает.

К числу странных утопий этого писателя относится роман «Черная Индия» — апофеоз каменного угля и рудокопов. Характерны слова горного инженера: «Если бы земной шар был весь каменноугольный, люди, вероятно, сожгли бы его в топках паровозов». Причем говорится это без всякого возмущения — констатация человека науки. Открыв неслыханно богатое месторождение угля, инженер и его соратники воздвигли там внизу город Кол-сити на берегу подземного озера с черной и прозрачной водой, населенной безглазыми рыбами. Шахтерские семьи живут в коттеджах, наслаждаясь прогулками по каменноугольным тропам в сиянии электрических прожекторов. Самое поразительное: молодой шахтер Гарри нашел на дне стометрового угольного колодца полумертвую обительницу этих глубин — девушку Нелл, которую охранял огромный гарфанг (белая сова). Прямо-таки бездна подсознательного и анима новой психологии.

Ориентация по вертикали. Большинство вполне устраивает пребывание на поверхности, однако некоторые жаждут укрыться от внешнего мира в материнской утробе земли. Попадают посторонние. Случайные гости. Чувствуя эхо, мираж, кружение квинтэссенции, они культивируют легкомыслие, иронию молнии, сладострастие облаков и предпочитают другой алхимический афоризм: «Много находит тот, кто мало ищет».

Заря и закат крови

Мы знаем от президента д'Эспанье и других знаменитых герметиков: огненная пневма принимает форму воды; согласно Парацельсу, вселенная окружает человека, словно яблочная плоть — сердцевину; и наконец, Бартлет Грин говорит Джону Ди: «Теперь я понял: события сначала текут в крови, а потом густеют в действительность»[58]. Эманации нашей крови определяют качества, тональность и темперамент нашей интерпретации внешнего мира. Кровь и ее мистерия

Сведение этой субстанции к лейкоцитам, эритроцитам и прочим ингредиентам, добытым микроскопом, — одно из лучших достижений в борьбе против принципа жизни. Уильям Блейк в поэме «Мильтон» писал: «Микроскоп и телескоп ничего не знают об этом, они только меняют рацию наблюдателя». О чем об этом? О мистерии крови, в частности. Кровь связует восприятие: глаза преимущественно видят, но притом слушают, осязают и т. д. Глаз видит благодаря человеку, а не человек благодаря глазу, сказал Парацельс. Оптические инструменты отделяют зрение от остальных органов чувств, микрофоны изолируют слух — в результате восприятие распадается на фрагменты. Объективное рацию собирает мозаикой разрозненные данности, представляя модели вещей, людей, внешнего мира вообще. Отсюда иллюзия приблизительной одинаковости внешнего мира для всех глаз, ушей, пальцев, носов, языков.

Задолго до микроскопа и микрофона стандартизация восприятия обусловилась равномерностью и повтором. Изобретение механических часов, их промышленное производство в середине шестнадцатого века открыло эпоху механизма, тотально враждебную природе. «Мы измеряем время с помощью часового механизма, отрегулированного по вращению земли, предполагая равномерность этого вращения, что крайне сомнительно. Согласно подобной логике, повтор какого-либо естественного процесса всегда занимает одинаковое количество времени»[59].

Периодичность восходов и заходов, солнечных и лунных затмений, планетарных эволюций, времен года — все это обрело математическую точность только в объективных ученых мозгах. Равномерность, повтор, стандарт необходимы социальному механизму, а больше никому и ничему. Равнодольные метры, монотонная ударность ритма — революция в музыке (темперация звукоряда), военном деле (маршевый шаг, строевая подготовка), деформация крови.

Йохан Хейзинга в «Осени средневековья» акцентировал напряженную и бурную эмоциональную жизнь той эпохи. Когда Петр Пустынник в конце одиннадцатого века призывал толпы верующих на крестовый поход и рассказывал, сколь ужасно третируют сарацины христианские святыни, слушатели рыдали, раздирали одежду, бросали драгоценности в общую казну. Современные историки считают сие предприятие фанатическим и бессмысленным.

Знаменитый Шодерло де Лакло, автор «Опасных связей», иронизировал: «Раньше постель новобрачных по утрам напоминала поле битвы двух медведей, сейчас — предсмертное ложе паралитиков». Равнодольность, смирение, чувство меры — лозунги буржуазной цивилизации. Отец Робинзона Крузо так увещал сына: «Ведь и короли нередко жалуются на горькую участь людей, рожденных для великих дел, и сетуют, что судьба не поставила их между двумя крайностями — ничтожеством и величием, и даже мудрец, который молил небо не посылать ему ни бедности, ни богатства, тем самым свидетельствовал, что золотая середина есть пример истинного счастья».

В начале семнадцатого века Уильям Гарвей открыл закон кровообращения. Сердце должно биться ровно, пульс

должен стучать ровно. Энтузиасты «золотой середины» предавались вербальной казуистике

— нет ничего легче, как щедрость объявить расточительством, неистовую любовь — развратом, отвагу — недомыслием и т. д. Золотая середина — пародия на гармонию — оказалась весьма действенным средством для атаки на психосматику вообще, ибо эмоциональной аскезе приличествует телесная скромность. История одежды и танца — отличное тому подтверждение. Шарль Бодлер сказал про девятнадцатый век: такое впечатление, словно присутствуешь на каких-то бесконечных похоронах. Работы и серьезности требуют похороны — наблюдение вроде бы очевидное, хотя в античные времена думали иначе. В новую эпоху трудно представить гробонесение, сопровождаемое плясками, песнями и прочей вакханалией. Серьезность и деловитость постепенно обратили жизнь в степенное, аскетическое времяпрепровождение. И еще важный момент: покойник не может за собой ухаживать и сам себя похоронить — ему, как и механизму, необходима заимствованная энергия. Любопытно: Платон назвал главным атрибутом души auto-zoop (самодвижение); сейчас так называется самый распространенный механизм: auto-mobil.

Сложная субстанция крови — вода, воздух, огонь — связует земное тело с пространством иных космических стихий. Если психосматика зажата и сдавлена социальным прессингом либо собственными комплексами и фобиями, это ведет к персональным катаклизмам. С одной оговоркой: если кровь активизирована огнем.

Здесь не помешает парантезис касательно трудной проблемы активности, потенциальности и пассивности. Согласно Аристотелю, божество — чистая активность, материя — чистая потенциальность. Николай Кузанский в своей фигуре «Парадигма», где «формирующий свет» противопоставлен «тьме», тем не менее, оставил точку чистой активности в линии тьмы, а точку чистой потенциальности — в линии света. Таким образом, при создании срединных миров, свет переходит в тьму и наоборот.

Потенциальны порох, или сжатая пружина, или оскорбленный подросток, или страстный выжидатель, потенциальна также беременная женщина. В положенный срок потенциальность реализует активность — здесь, в стихии земли, активность всегда вторична. Определенной гармонии меж потенциальностью и активностью можно достигнуть в том случае, когда энергия сердца нормально питает мозг, гениталии и другие органы. Аналогия микро- и макрокосма диктует здесь сравнение с планетарной системой: сердце — Солнце, мозг — Луна, гениталии — Венера и т. д. Энергия сердца — природный жизненный огонь. Катастрофа новой эпохи вовсе не в дисгармонии — пусть бушуют страсти, сшибаются честолюбие и любовь, гнев и ярость, греза и бешенство — все это обнажает огонь в крови, энергию сердца. Но механическое время, равномерность, монотонность убивают индивидуальную активность и потенциальность крови. Ныне волнения и трепеты крови, изученные медициной и психологией, регулируются двоичной системой буржуазной морали и правилами дорожного движения.

Молодых людей увлекают готовыми моделями мироздания — от галактик до хромосом — и приглашают занять вакантные ячейки «специальности» в разлинованном этом мареве. Ибо, прежде всего, поражает уныние, скука и уродство новой эпохи, функционирующей по законам материальной лишенности (*privatio*). Изобилие (*abundatio*) исключено при тотальной механизации — это хорошо представлено в «Совершенстве техники» Фридриха Георга Юнгера, поскольку при крайне малой полезной отдаче механизмы пожирают невероятное количество энергии. И главное: организация технизированной среды обитания высасывает жизнь из крови обитателей. Тоталитарная наука, что пришла на смену тоталитарной религии, столь же мало любит самостоятельное онтологическое воззрение. Уильям Блейк, строки из поэмы «Мильтон»:

И каждое пространство, которое

Человек видит, пребывая

на своей крыше
Или в саду, или на холме
двадцати пяти
Локтей высоты, это пространство —
его вселенная.
Солнце восходит и заходит, облака
Снижаются на плоскую землю и
Погружаются в море;
и два Полюса
Вращаются на своих золотых осях,
И если человек переселяется,
его небо
Переселяется вместе с ним.
Что же до глобуса, который
Катится в пустоту,
Это чары Ульро.

Наука, понятно, не жалуется Господа Бога — стоило ли творить столь скучную и стерильную вселенную? Но живут не ради красот и развлечений, а ради долга и необходимости.

С давних пор в мозги правдолюбцев заползла такая максима: красота есть ложь, а безобразие — правда. Гниющая плоть, трупы, скелеты не обманут, они истинны. Удивительно самодовольство расхожих фраз: ага, правда глаза колет; правду-то неохота слушать; ты не прикрывайся красивыми словами, ты правду скажи и т. п. Поэзия утвердила максимум сию.

Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающий обман.

Данный обман не что иное, как субтильное тело души или формализующий принцип, связанный с плотью исключительно через кровь. Под влиянием механической монотонности кровь теряет собственный ритм и наступает ее постепенная

пассивность. Субъект переходит в «царство количества», где торжествует общественное мнение и работа. Пассивность крови порождает скуку, пустоту, болезни, субъект безвольно отдается социальным радостям и болеутолятелям. В таком благоприятном климате и

проявилась современная медицина, inferнальному величию коей позавидовал бы даже господин Дракула. Рассказывать о ее методах малопривлекательно, к тому же любой гражданин вполне осведомлен о таковых.

Как же люди лечились до торжества позитивизма? Музыка, медицина, Марсилио Фичино

Великий Пан, увлеченный прелестями нимфы Сиринокс, преследовал ее в лесах и болотах. Наконец боги, потешаясь над тщетными его усилиями, обратили нимфу в тростник. Пан, несколько не огорченный, потребовал воска у лесных пчел, срезал семь тростинков, прикинул на глазок межпланетные дистанции и смастерил свирель. Новый инструмент обрадовал, прежде всего, пастухов. В архаической Греции не использовали собак для надзора, и стадо зачастую разбредалось. Заслышав мелодию, овцы либо коровы спешили на сборное место. Флейта Пана, сиринокс, могла по желанию менять времена года, пробуждать любовь, лечить камни, растения, зверей, людей. Однако этот магический инструмент не годился для музыкального диалога. Два сиринокса нельзя настроить гармонически. Божество дикой природы, Пан совсем не стремился к миролюбию и согласию в коллективе...

Обычно считают Аполлона покровителем полифонии, родоначальником математических пропорций, богом рациональной упорядоченности и противником дионисизма. Это в высокой степени сомнительно и, скорее всего, объясняется христианской трактовкой, ибо христиане не мыслят ничего на свете вне борьбы оппозиций. Античный философ Аристоксен, упоминая о состязании Пана и Аполлона, сиринокса и лиры, просто констатирует конфликт аккорда и дикой, одинокой мелодии, музыки цивилизованной и музыки девственной природы.

Музыка. Ферматы, форманты, мелизмы, глиссандо — специальные слова. Музыка с давних пор не игра, но специальность. Музыкой занимаются смолоду, посещают лекции, барабанят гаммы, таскают футляры, вытирают заплеванной мундштук, воруют скрипки Страдивари и т. д. Современная зараза «гениальности» отравила музыку прежде всего: пианист трясет вдохновенной гривой, вкрадчиво ласкает клавиши, потом бум-м-м — полнозвучный аккорд потрясает публику, возбужденную инъекцией Брамса либо Чайковского..

Музыка. Гадание по тетиве лука: оленью жилу дергают большим пальцем левой руки, напряженность монохорда пробуждается из первобытного лона молчания. Гудение монохорда настораживает пчелу, дикий шиповник вздрагивает, голова колокольчика замирает, дятел прекращает работу, колорит облака меняется: угроза, тайная всеобщая связь, магия, доисторические времена.

Пифагор перевел это гудение на язык чисел: монохорд, разделенный пополам, дает октаву выше, на две трети квинту, на три четверти — кварту и т. д. Правильный ряд обертонов присущ объектам, гармоническим для греческого слуха. Греческий, затем латинский космос организован музыкой сфер: двенадцать зодиакальных созвездий — двенадцать основных ладов, семь планет — семь струн лиры Аполлона. Для поздних эпох это всего лишь числовая спекуляция — ведь необходимо сначала услышать вселенский аккорд, потом рассчитать интервалы. Однако многие после Пифагора слышали музыку сфер, правда, каждый раз приходили к разным выводам. Один из последних музыкальных «чертежей» — *monochordum mundanum* — «вселенский монохорд» Роберта Фладда (1617) отражает современный дуализм: интервал от земли до эмпирея — двойная октава (дисдиапазон); первая октава — земля-солнце — названа «материальной», вторая — солнце-эмпирей — «духовной».

Это, согласно классификации барокко, *musica mundana*. Далее идет *musica humana* — соотношения четырех темпераментов, духа, души и тела. На последнем месте *musica instrumentalis* — музыка в обычном понимании. Все эти разновидности объединены принципом всеобщей гармонии, легитимном как в макро-, так и в микрокосме. Только дикая природа, которая на периферии расплывается в хаос, не очень-то повинуется этому принципу.

Европейская цивилизация основана в пропорциях этой «предустановленной гармонии» (*harmonia predestinata*), определяющей любые аспекты бытия. Когда нам делают замечания: вы слишком повышаете голос, рассуждаете монотонно и долго, не даете никому слова сказать, то обвиняют нас в нарушении мелодистики и гармонии *musica humana*. Отсюда выражения: хороший тон, дурной тон. «Крикливо» одетый субъект раздражает нарушением гармонической связи между красками, ростом, фигурой; если он сверх того залезет в чужой карман, к диссонансу эстетическому прибавится еще и этический. То же самое касается нравственного или физического уродства. Если некто страдает хромотой или клептоманией, его склонны подозревать в общем

дискордансе. Если субъект имеет пристрастие к самоистязанию, скажем, покрывается прыщами или попадает в тюрьму, он сам в этом виноват. Это забавно обыграно у Гашека в «Бравом солдате Швейке»: агент спрашивает посетителя кафе насчет убийства в Сараево, ответ такой: не будь болваном и растяпой, не давай себя убивать. Итак: личные пороки, страдания, несчастья суть нарушения предустановленной индивидуальной гармонии, *harmonia predestinata individualis* или судьбы. Но разве не случается злой судьбы? Нет. Сплошь и рядом случается неверное понимание

внутреннего лада.

Обертоновый ряд не содержит минорной гаммы, минор просто отражение мажора, минор тяготеет к разрешению в мажоре, любая каденция — хорошая каденция, любой конец великолепен. Уподобим индивида музыкальному инструменту, а семью, группу, коллектив — ансамблю, оркестру. Дирижер, солисты, оркестранты одушевлены единым порывом. Такое «идеальное общество» вполне способно сыграть финал девятой симфонии Бетховена. Не так ли?

По схеме расчисленной гармонии так. Однако цивилизованный мир никогда не уподобится симфоническому оркестру, равно как число никогда не объяснит монохорда.

Сумма отрезков прямой линии меньше этой прямой, так как правило Аристотеля гласит: целое больше составляющих. Октава больше вместе взятых квинты и кварты, квинта больше двух терций, к тому же точной фиксации интервала препятствует постоянная флуктуация интенсивности, тембра, длительности. Отсюда следует: деление монохорда на интервалы произвольно и зависит от замысла и

внутреннего лада экспериментатора.

Отношение цивилизованного человека к миру обострилось экзистенциальным «либо-либо», принципиальным дуализмом. Необходимо покорить, использовать дикую природу, которая суть дьявол. Библейский Адам с этой задачей не справился. Теофания Христа возвестила становление новых людей, равных друг другу в обособленности от природы. Эта обособленность настолько въелась в нашу кровь, что позитивистская теория происхождения человека от обезьяны произвела в публике скандальное впечатление. Одиночество в космосе, случайность рождения, неизбежность смерти — этот европейский пессимизм породил, в конце концов, экзистенциальное равенство, которое, в сущности, уничтожило наследственную иерархию. Сначала сердобольные, сентиментальные обличители дворянских привилегий завопили о равном распределении материальных благ, затем демон равномерности вообще воссиял над европейской цивилизацией. После механических часов, равномерного деления пространства, равномерного распределения земного шара по меридианам и параллелям настал черед музыки. Во всем этом проявилась четкая тенденция позитивизма — пренебрежение мелкими неравенствами и неточностями ради удобства общей схемы. Из необходимости универсальной настройки октаву поделили на двенадцать полутонов. Это прямое насилие, поскольку обертоновый ряд не знает точного полутона, то есть интервала «в сто центов». Таким образом, диатоника и энгармония утратили смысл и

превратились в простые вариации базового хроматизма, подобно тому, как специфика материальных благ стала измеряться денежной цифрой. Это типичное отношение экспериментатора к материи, материалу. Объективно, одинаково, однородно. Клавесин, лютня, скрипка, флейта —

инструменты весьма различной функциональности, но они — инструменты, обязанные повиноваться общим законам музыкального континуума. Знаменитый физик Герман Гельмгольц писал: «Музыку, основанную на темперированной гамме, следует считать весьма несовершенной. Если мы с ней соглашаемся или даже восторгаемся ею, значит наш слух был фальсифицирован с детства»[60]

Новое время, буржуазная эпоха, подмена оригинального суждения рациональной схемой, пригодной для всех, растворение качества в количестве. «Общие» страдания и удовольствия привели к торжеству «коллективных ценностей», к постепенной одинаковости и стандартизации восприятия, то есть к некоему существованию, от собственной жизни отрешенному.

Музыка вполне отражает подобное положение дел. Упразднение иерархических отношений в звукоряде точно соответствует потере натуральных и объективных авторитетов в общественной жизни. Изобилие поговорок типа: «чей хлеб жрешь, тому и поешь», «плясать под чужую дудку», «кто платит, тот заказывает музыку» и т. п., подчеркивает всемогущество транзитных операторов, которые в силу

количества денег навязывают собственный

тон ближнему или группе таковых. Надлежит

подстраиваться в тональность транзитного лидера, легко переходить в другую тональность, то есть изучать частный и общий конформизм. Поначалу конформизму уступают не без тяжелых раздумий, затем любят вот какой мыслью: я остаюсь при «внутренних» своих убеждениях, но... «с волками жить», «в чужой монастырь» и т. д., пусть думают, что я с ними, а на самом деле... Это самообман, ведущий к потере

внутреннего лада. Субъект незаметно и неизбежно «настраивается» на общий тон и начинает щеголять такого рода выражениями: «это старо», «нельзя отставать от времени», то есть усваивает лексику наглой, плюющей на все, сиюминутной современности.

Подчинение слуха и голоса равномерной температуре — событие эпохальное, начало трансформации человека в механизм. Дело в том, что голосовые параметры — регистр, тембр, интонации, модуляции — отражают темперамент, приоритет того или иного космического элемента в композиции духа, души и тела. Только сам индивид способен ответить на свои вопросы и разрешить диссонансы. Впечатления, люди, книги и прочее способны пробудить далеким резонансом прирожденное знание, но не увеличить или изменить. Познание всегда остается «познанием самого себя», платоновым анамнезисом. Интуиция

внутреннего лада суть интуиция судьбы. Если такой интуиции нет, или она временно теряется, человек подвергается всевозможным «случайностям» и здесь бесполезно взывать к чей-либо помощи.

Однако эту интуицию пробудить нелегко. Чувствуя экзистенциальную заброшенность и растерянность, человек направляет собственные вопросы куда угодно, кому угодно, получает массу ответов и советов, а потом удивляется, почему неудачно женился, сел в тюрьму и прочее. Он подменяет

внутренний лад чужим, привыкает «плясать под чужую дудку» и превращается в

«человеческий фактор». Он защищается от внешнего мира своей социальной моделью, «персоной» и вытесняет собственную жизнь общественной псевдо-жизнью. Он думает, что думает он, хотя все за него решает «дух времени».

Уже более столетия музыка тоже не хочет отставать от времени. Она забыла свои вселенские масштабы и превратилась, с одной стороны, в научную дисциплину, с другой, в спорт. Чемпионы скрипки и фортепиано соревнуются за премии и награды на полигоне классики, модернисты и постмодернисты изощряются в сонорной комбинаторике и в поиске экзотических тембров.

Согласно Галену, разумная душа (*anima rationalis*) входит в тело после пубертации — голос устанавливается во всех параметрах, жизнь обретает определенный ритм. Высотный диапазон голоса, тембр, интенсивность, регистр отражают индивидуальную ситуацию относительно космических элементов и темпераментов. Обычные соотнесения меланхолии и земли, флегмы и воды, веселости и воздуха, гнева и огня крайне приблизительны, поскольку каждый элемент содержит три остальных в убывающей пропорции. Темпераменты, скорее, отвечают приближениям более точным: «земля» — стабильность, рациональность; «вода» — подвижность, плавность, изменчивость; «воздух» — полет, легкомыслие; «огонь» — напряженность, экстаз.

Когда говорят про

внутренний лад, имеют в виду индивидуальный «этос» — одно из главных понятий античной музыки. Этос — скрытый принцип всего, что мы воспринимаем как организованное целое, — космос, страна, пейзаж, дерево, горная вершина, человек. В музыке этос отражается ладовым строем, отражается лучше, чем где бы то ни было. Лад ни в коем случае нельзя сравнивать с гаммой, поскольку в те времена основные музыкальные параметры не страдали унификацией. Нет оснований проецировать на античность системное мышление новой эпохи.

Дабы проверить интуицию собственной гармонии и ее дефектов, музыканты старались самолично выделывать флейты, авлосы (двойные флейты), кифары, форминги и т. п. При изготовлении инструмента учитывалось время года, положение звезд, фаза луны, божество и демония местности, расположение и назначение окрестных храмов и святилищ. Потом инструмент бросали в кустарник или оставляли на берегу — заходили за ним дня через два. Если инструмент исчезал, делали новый. После многих такого рода операций и манипуляций, определялся «лад» инструмента, соответствующий «этосу» музыканта. Общие наименования: эолийский, лидийский, локрийский и прочие лады интерпретировать весьма сложно — это и местный колорит, и языковая специфика, и ритуальные особенности, и эмоциональные пристрастия. К примеру, Плутарх Херонейский считал: «Музыка ионийского лада небрежна к имуществу, ленива, любит вино»... Фригийский или «дионисийский» лад, по общему мнению, вызывал резкое половое возбуждение. Поэт Софонтий:

Если, подвыпив вина с гидромелией, ты

Слишком внимателен к пенью

фригийского лада,

Будь осторожен: твой волосатый сатир

Прыгнет в безумии рьяном

и ляжет не скоро.

Но сей фривольный «прыжок» под фригийский лад, по замечанию Аристоксена, способствует заживлению ран, устраняет головные боли, прогоняет сезонную лихорадку. Орфическая музыкальная традиция вообще утверждает, что нет болезней, неподвластных музыке. От античности вплоть до нового времени осталась масса описаний лечебного действия музыки и танца. От Фрасилла (V век до н. э.), который советовал женщинам во время расстройств регул играть на авлосе в гиполидийском ладу, до Поля Дасусси (XVII в.) с его таблицами соответствий болезням, темпераментам, планет и музыкальных инструментов, сотни философов, музыкантов и врачей оставили тысячи рекомендаций на данную тему. Даже названия танцев зачастую выдают их «медицинское» происхождение: тарантелла — от укуса тарантула, ритонда — от постоянных головокружений, павана — от ночных кошмаров. Однако беда в том, что историки и теоретики почти никогда не дают подробностей музыкально-лечебной «граммоты». Иезуит Франц Ланг в своем «Театре человеческих аффектов» (1717 г.) писал: «Ухо человеческое закрылось как для слов проповедников Божьих, так и для музыки ангелов. Стыдно признаться! Музыка перестала действовать даже на пустяковые царапины».

В чем же дело? В распространении инструментальной музыки, в сведении интервального разнообразия к мажоро-минору, в смешении небесных консонансов и земных диссонансов. Стравинский, «Музыкальная поэтика»: «Консонанс так же мало отвечает за порядок, как диссонанс за беспорядок». Казалось бы, это простая критика классической гармонии. Однако подобного рода соображения превращают музыку в отвлеченное искусство комбинаций. И если перевести фразу Стравинского в общественную сферу, получится: согласие в группе, коллективе так же мало гарантирует порядок, как ссоры и споры — беспорядок.

Этот капитальный вопрос недурно осветил Марсилио Фичино (1433–1499 гг.) в «Теологии Платона» и в «Орфической музыке». Этого великого философа и каббалиста, одного из инициаторов итальянского Возрождения, друга и ментора Пико делла Мирандоло особо представлять нет надобности, поскольку сведения о нем имеются в любой энциклопедии. Менее известна его музыкальная практика и теория. Он начертил и смастерил «лиру Орфея» и вылечил многих людей от самых тяжелых болезней исполнением «орфических гимнов». Касательно последних он писал: «В натуральной магии нет ничего эффективней орфических гимнов, сопровождаемых подходящей музыкой, диспозицией души и другими обстоятельствами, известными мудрецам»[61].

В размышлениях о лечебном воздействии музыки Фичино акцентирует внимание на «воздухе» как медиаторе звука, более того, как медиаторе души. Подобно своим великим предшественникам и последователям, Фичино презирует материальные фармакопеи, полагая, что бессмысленно лечить какие-то отдельные органы, так как польза от лекарств минимальна, но вред чрезвычайно велик. Любой телесный дефект — следствие той или иной дисгармонии души, следовательно, необходимо такую дисгармонию «смягчить небесным консонансом». Здесь Фичино разделяет мнение античных философов: музыкальные консонансы — октава, квинта, кварта — суть пропорции нашей «небесной души» (*anima celestis*); по терциям и секстам расположена душа срединная (*anima rationalis*); в секундах и септимах функционирует душа земная, непосредственно оживляющая тело (*anima animalis et vegetabilis*). Отсюда соответственная градация органов чувств: обоняние, вкус, осязание более материальны и «тривиальны», нежели слух и зрение, чья питательная среда — воздух и огонь. Согласно Марсилио Фичино, слух и зрение рождены «огненной пневмой», которую он называет спиритусом, а его последователи — квинтэссенцией или эфиром. Музыка, по его мнению, принципиально важнее визуальных образов — они отличаются определенной статикой и очень мало воздействуют на душу. Так вот: от мозга к сердцу распространяются «воздушные испарения», имеющие тенденцию «застаиваться» и превращаться во «вредную влажность». Музыка активизирует эти «испарения», освобождая доступ спиритуса (квинтэссенции) в область между сердцем и мозгом. Интервалы гармонические пробуждают

резонанс индивидуальной и мировой души (*anima mundi*), мелодические заставляют «воздух», пронизанный квинтэссенцией, насыщать кровь «питательным огнем».

Очень важно, полагает Марсилио Фичино, после пубертации и вхождения «разумной души» в тело, найти во внешнем мире семь приблизительных соответствий непроявленного

внутреннего лада. В данном случае необходимо полностью довериться интуитивному выбору. Подобные внешние соответствия способствуют «ориентации души». Фичино предлагает несколько групп соответствий. Вот одна из них: звезда; драгоценный камень; растение; зверь; сторона света; эпоха; женский (мужской) идеал. Желательно, и очень желательно, чтобы эти компоненты оставались постоянными в течении земной жизни. Забывчивость, сознательная или бессознательная замена одного из них означают нарушение внутренней гармонии.

Таково легкое и предварительное знакомство с теорией *musica humana*, устройством человеческой композиции. Странный доктор Фладд

Астрология всегда помогала этому англичанину, который родился в 1574 г., через два года после сенсационного появления сверхновой в созвездии Кассиопеи, о чем речь впереди. О его приватной жизни известно очень мало. В 1592 г. поступил в колледж святого Иоанна в Оксфорде — там в 1594 г. украли у него роскошный бархатный камзол. Роберт Фладд не растерялся и определил по таблицам эфемерид: на час похищения Меркурий (покровитель воров) находился в доме Венеры на востоке — в самом деле, злодея удалось разыскать в притоне легкомысленных девиц.

Однако этот великий астролог и врач терпеть не мог никаких женщин, ни легкомысленных, ни серьезных, памятуя слова Экклезиаста: «Я смотрю на мир глазами своей души и нахожу женщину горше смерти». Никогда не лечил особей женского пола, ибо «женщина — корень всех несчастий и причина грехопадения»[62].

В малоизвестной жизни Роберта Фладда биографы, тем не менее, отыскивали много любопытных эпизодов и жестоких научных конфликтов. Поскольку его медицинские методы и рецепты (бег на несколько миль для больных водянкой, растирание дождевой водой с примесью яичного желтка при лихорадке, внезапные удары камышовой тростью, «намагниченное» сырое мясо, массаж с применением оленьей крови со ртутью и т. п.) блистали оригинальностью, он подвергался гонениям — в прямом и переносном смысле — и устраивал в лекционных аудиториях Оксфорда и Манчестера потасовки с профессорами и студентами.

Примерно так поступал его учитель Парацельс, таковы нравы милого старого времени, которое исчезало на глазах Роберта Фладда. Кроме упомянутого звездоявления в Кассиопее, в 1604 году вспыхнули новые звезды в созвездиях Лебедя и Змеи. Фирмамент — нечто постоянное и абсолютно надежное — шатался, зримо изменялся. Небо уходило от земли, Уран перестал оплодотворять Гею, дух отделился от материи.

Роберт Фладд оставался одним из немногих адептов религиозно-магического миропонимания и до конца дней верил в единство микро- и макрокосма: человек — вселенная в миниатюре, человек — мера всех вещей. Позднее подобное воззрение называли антропоцентризмом.

Однако это легче назвать, нежели определить. В своей обширной «Истории микро и макрокосма» (1610 г.) Роберт Фладд проиллюстрировал антропоцентризм множеством гравюр, которые никоим образом не упрощают сложной неопределенности. Человек симметрично и красиво расположен в зодиакальной сфере, живот и гениталии фиксированы срединным черным кругом. Это земля — космический элемент, планета Земля, материнское лоно. Человек в центре равномерного движения космоса. Важно уяснить следующее: это никоим образом не предполагает какой-либо избранности, высшей прерогативы — всякий зверек, всякое дерево точно так же пребывают в средоточии своей жизненной динамики. Но в

отличие от растения или зверя человек додумался до собственной... децентрализации. Именно таков двуликий смысл открытия Коперника. Согласно польскому неоплатонику, вселенную оживляет незримый огонь; солнце расположено к этому огню довольно близко, но с ним не совпадает. Когда комментаторы Коперника провозгласили гелиоцентризм, то есть центральность материального солнца в материальной вселенной, человек утратил срединный покой и обрел все возрастающую неуверенность в себе. Это, впрочем, логическая пролонгация изначального иудео-христианского дуализма.

Роберт Фладд, как до него Пелагий, Ориген, Ансельм, Скотт Эриугена, не мог согласиться с подобным постулатом. Только земля центральна в материальной вселенной, ибо субстанция солнца слишком субтильна. Грубая материализация солнца означает аналогичную материализацию вообще и низведение человека на уровень сугубо телесный. Но разве человек, созданный по образу и подобию Божьему, ограничен животом и гениталиями, голодом и сексуальностью?

Но разве новая рационалистическая эпоха утверждает что-либо иное? Разве голова и сердце, дух и душа не подпали под тиранию живота и гениталий, разве теология, метафизика, искусство не сместились на отдаленную периферию? Если сие очевидно сейчас, то вовсе не было столь однозначно во времена Роберта Фладда, Кеплера и Декарта.

В работе «De technica Microcosmi historia» английский герметик рассуждает о двух субтильных центрах — о солнечном (правостороннем) сердце и «вериксе» (точка в районе темени). Кстати говоря, герметическую анатомию Парацельса — Фладда ни в коем случае нельзя сравнивать со схемами веданты и кундалини-йоги — сходство поверхностно и обманчиво. «Цель нашей науки, — пишет Роберт Фладд, — убийство черного дракона, хвост коего коренится в пупке, а зубы разгрызают солнечное сердце. При успехе такой операции лунное сердце — наша Диана — обретет божественный свет»[63].

Как все это понимать? Если учесть основную мысль Фладда о соответствии макро- и микрокосма, ответ очевиден: необходимо с помощью магической практики освободить «солнечное» или правостороннее сердце, от которого (после грехопадения, согласно автору) остался крохотный рудимент — так называемая «копьевидная вена». Подобное освобождение возможно при озарении «верикса» сотворенным светом или Логосом.

Уильям Гарвей — открыватель кровообращения, друг Роберта Фладда, соглашался с гипотезой правостороннего сердца, однако считал его пробуждение делом безнадежным. Иоганнес Кеплер писал Фладду, что, если признать единство макро- и микрокосма, второй фокус земной эллиптической орбиты — суть местопребывание «черного дракона». И все же Кеплер, несмотря на свои астрологические убеждения, тяготел к новой философии. Его удивляла пламенная вера Фладда в библейские истины и птолемеевский миропорядок. Мир многозначен, вселенная, судя по всему, бесконечна, познание равным образом бесконечно и недоступно не только одному, но и миллиону ученых. Но доктор Фладд до самой смерти оставался верен себе: надлежит с божьей помощью и магическими усилиями пробудить «солнечное сердце» — и вселенная раскроет свои тайны. Он пытался приблизиться к этому жизненному центру с различных периферийных пунктов занимался астрологией и теорией навигации, чертил планы крепостей и храмов, изобретал музыкальные инструменты, вырастил диковинные овощи и экзотические деревья...

Единый взгляд излучается границей мира земного и небесного. Вместо общей для всех количественной бесконечности — дивное разнообразие индивидуальных, качественно бесконечных вселенных. Сколько людей — столько миров. «Над каждым человеком — собственное небо, каждая нога ступает по собственной земле. Когда ты это поймешь, твои заблуждения отпадут, словно гнилая шелуха»[64].

Гармония космоса, музыка сфер создана по законам вселенского монохорда, на уровне

солнца свершается переход от октавы земной к небесной. Разве индивидуальный монохорд сотворен иначе? Разве сердце-солнце не наполняет сияющим светом дух, душу и тело?

Но как?

Лунное (обычное, левостороннее) сердце напоминает падчерицу — рабыню злой мачехи. Это сердце не в силах сопротивляться фантазиям рационального сознания или вздорным капризам бесчисленных желаний. Отсюда переутомления, дефекты, болезни. Роберт Фладр с годами пришел к выводу о бесполезности лечения тех или иных органов, пораженных недугом: «Любые препараты и фармакопее временно поддерживают тело, однако, направленные на излечение того или иного органа, разрушают целостность организма. Пользовать тело телесными средствами все равно, что согреть кусок льда или подбадривать огонь в очаге холодной водой»[65]. Посему Роберт Фладр в конце концов отказался от медицинской практики по примеру многих герметиков, что увлекались в молодости врачеванием.

Тому, вероятно, были и другие причины. В 1612 году он стал розенкрейцером и выпустил очень странный текст под названием «Апология ордена Розы и Креста». После изображения плачевного раскола христианского мира, ламентаций касательно судьбы человечества вообще, Роберт Фладр переходит к условиям аффилиации, то есть приема в данный орден. Параграфы этих условий удивительны до сказочности: «Кто умеет игрой на лютне притягивать драгоценные камни и золото, достоин вступить в наш орден... Кто умеет взглядом разрушить скалу, силой веры возвести храм, достоин вступить в наш орден»[66]. Подобные параграфы написаны вполне серьезно. Роберт Фладр конечно же не шарлатан и не сумасшедший. Очевидно он обрел в ситуации герметического посвящения новые возможности, очевидно орден Розы и Креста играл (играет) любопытную роль в альтернативной истории цивилизации.

Розы и соловьи. Цветы вообще

Попробуем немного упорядочить наш текст и поставить на правильные философские ходули. Однозначность, монотонность суть пародия на термины «единство» или «монада». По мнению А. Ф. Лосева, вся античность была одержима проблемой единства и его производных.

Неоплатоники первых веков новой эры весьма широко трактовали восемь гипотез Парменида. Согласно Сириану, Синезию, Плутарху Афинскому, понятие «единство» можно применить к любой формации — будь то дерево, ураган, звезда, человек, при устранении идеи предварительной причинности. В каждом подобном

организме присутствует средоточие формирующего света или тайного огня, который энергией своей осваивает ту или иную периферию, постепенно расходясь в «иное». Сперматический эйдос или свет человеческой композиции рождает интеллект, затем душу небесную, затем рациональную и, связывая космические элементы, образует субтильное и плотное тело индивида. Это называется индивидом, пока и поскольку сердце озаряет мозг и последний сохраняет с ним связь, что зависит от присутствия в крови тайного огня. Как только огонь сей иссякает, мозг берет энергию из «иного», человеческая композиция начинает расширяться, распадаться и перестает чувствовать влияние собственного центра. «Мы грезим о путешествиях во вселенную, — сказал Новалис. — Разве не в нас эта вселенная? Только в нас и больше нигде вечность и ее миры. Ныне нам кажется, что внутри темно и одиноко, но будет совсем по-другому, когда это затмение пройдет». По-другому случится, когда мозг из коллективного рации вернется в собственную «рациональную душу» (*anima rationalis*) и вновь

обретет нормальное восприятие мира вне однозначности — плюс-минус, пригодно-непригодно, полезно-вредно.

Фрагменты, фрактальность. Чем дальше уходит человек в «иное», тем лучше его расценивают в прагматической однозначности, тем аналогичней он сам расценивает окружающее. И напротив: приближаясь к своему единству, он уничтожает однозначность всякой вещи и в многоликости лжи перестает «понимать», то есть осваивать.

К примеру, британская энциклопедия так характеризует розу и соловья:

РОЗА — цветок из семейства rosaceae... у дикой розы пять лепестков.

Далее много информации подобного рода.

СОЛОВЕЙ — коричневая птичка шести с половиной дюймов, пение отличается крещендо-эффектами. И так далее.

Боже упаси обвинять в чем-либо энциклопедию. Однако подобные сведения совершенно бесполезны для людей простых и мечтательных. Попробуем поразмыслить о розах и соловьях. Пять или шесть взглядов на розу и соловья.

Отчеты о преступлениях, благодеяниях, красотах, добродетелях и пороках роз любых колоритов и сложно-лепестковых округлостей занимают очень много архивных помещений. В библиотеке китайских императоров сведения о розах, розанах и розовой метафизике составляли пятьсот томов. По записям византийского историка Хрисантия, когда фанатики халифа Омара сжигали александрийскую библиотеку, они предварительно вытащили все книги о розах, полагая очевидно, что остальное не представляет научной ценности. В Европе тоже достаточно информации о розах. Открываем «Тайную философию» Агриппы Неттесгейма: «Запах роз пугает клопов, скорпионов убивает». В 1536 году, в присутствии епископа Бранденбурга, господин Парацельс свел в пепел белую розу и минут через пять вырастил из этого пепла пурпурную.

В 1789 году, в революционном Париже, где вспыхивали голодные бунты, писатель Ретиф де ла Бретон выпустил «Каталог преступлений роз». В книге хорошо освещен конфликт у розового куста в лондонском парке Темпл в 1450 году. На кусте цвели две розы — белая и красная, что редко случается в естественных условиях. Навстречу друг другу шли герцог Йорк и герцог Ланкастер. Первый остановился у белой розы, второй — у красной. Поистине роковая встреча. Вскорости оба претендента на престол начали «войну алой и белой роз», которая продолжалась лет тридцать, породила горбатое чудовище по имени Ричард III, а в результате принесла победу династии Тюдоров. Помимо этого государственного события, битвы роз велись с незапамятных времен вплоть до экономной буржуазной эпохи. К примеру, в итальянском городке Тревизо каждую весну проводился боевой праздник роз: из шелковых тканей, расшитых жемчугом (символ Девы и девственности вообще), девушки возводили крепость. По знаку «короля Розана» юноши атаквали крепость сию. Девушки сражались белыми, юноши — красными розами. Битва продолжалась долго и не обходилась без кровоточащих царапин и укулов. По мнению Ретифа де ла Бретона, «скрытая враждебность полов, маскированная поклонами и комплиментами, в конце сражения проявлялась беспощадно». Мадам Рашильд, французская писательница первой половины XX в., в романе «Маркиза де Сад» представляет такую сцену: простодушный подросток, сын знаменитого садовника, влюбился в двенадцатилетнюю Элен, девочку жестокую и очень себе на уме. В отсутствие отца, сынок провел ее в заповедный розарий и показал редчайшую розу «Слава Дижона». Если, по твоим уверениям, ты любишь меня больше жизни, усмехнулась девочка, позволь мне съесть эту розу. На глазах оторопелого подростка Элен съела розу лепесток за лепестком и пошла качаться на качелях. Мальчик, не дожидаясь бешеного отцовского гнева, повесился.

Розы исступленно любили римские императоры сомнительной репутации — Нерон и Гелиогабал. Нерон признавал в качестве головного убора только розовый венки и разъезжал на колеснице, усыпанной розами. Искусные мастера с помощью специальных устройств меняли несколько раз за праздничный вечер интерьер зала и, в зависимости от декораций времен года, на гостей лился фиалковый дождь или падал снег белых розовых лепестков. На пирах Гелиогабала гости практически утопали в розовых волнах: порой кто-нибудь задыхался и умирал, но императора это не особо трогало. Впрочем, историки тоже люди и вряд ли обходятся без преувеличений — надо полагать, они просто завидовали невероятно роскошной жизни этих денди античного мира. Недаром Робер де Монтескью, один из арбитров элегантности девятнадцатого века, велел написать киноварью на фарфоровой розе, венчающей его трость из драгоценной зеленой древесины, имя Нерона.

Роза — собственность Афродиты Анадиомены, роза ею рождена, ей посвящена, ее символизирует. Когда богиня выходила из моря на прибрежный песок острова Кипр, сверкающая пена обратилась в кусты белых роз. По мнению Филолая и Артемидора, пурпуровые розы расцветают из ее менструаций. Алхимики весьма ценят эту субстанцию, названную «*menstruum universalis*».

В антологии любовных магических растений Михаэля Хаймана[67] розы доминируют с большим преимуществом. Они эффективно усиливают или ослабляют любые формы эротических симпатий и антипатий, дают забвение от мучительной и неразделенной страсти. «Если кто страдает от целомудрия, — пишет Михаэль Хайман, — и не хочет связываться с людьми, пусть положит на три дня красную розу в дубовый ларец. Потом пусть откроет и глубоко вдохнет — в тот же миг его или ее посетит удовлетворение божественное и ослепительное». Еще один-два примера, а то мы никогда не кончим: «Если кто желает овладеть недотрогой-девицей, пусть настоит в красном греческом вине три бутона белых роз, вынесет флягу под вечернюю звезду и скажет: *per nomen stellae quae est Venus* (именем звезды Венеры). После чего соискатель пусть даст выпить недотроге бокал того вина, бутоны же сохранит в надежном месте. Любовный пыл девицы превзойдет все его ожидания». И еще рецепт красоты: «Если ты, разумная девушка или умудренная жена, смешаешь в равной пропорции розовое масло с миндальным, потом разотрешь тело диким сельдереем и хорошенько оно тело умаслишь, то гляди в зеркало до одурения — кожа твоя обретет шелковую мягкость и морщины улетучатся».

Восемнадцатый век не столько интересовался ботанической основой розы, сколько ее магией и символикой. Галантный аббат Шарль де Котэн — украшение двора Людовика XV — написал одну из последних книг о ныне забытой

лингвистике любви. Его руководство с удовольствием и пользой изучали дамы и кавалеры того легкомысленного времени. Называлась книга «Язык любви» и содержала массу сведений касательно покроя и колорита платьев, туфель, камзолов, жабо, лент, кружев, драгоценностей и, конечно, цветов. «В нашу невежественную эпоху, — сетовал аббат Котэн в предисловии, — растеряны все сколько-нибудь полезные сведения. Ныне мало кто умеет с первого взгляда узнать о человеке все — от мировоззрения до любовных пристрастий». И касательно роз: «Девушку означают четыре розы — три белых, одна красная, женщину — три красных, одна белая. Если предмет ваших грез носит в волосах одну алую розу, плохи ваши дела, ее сердце занято... Если цвет розы на корсаже совпадает с цветом вашего жабо, ухаживайте смелее... Если дама дарит вам одну белую розу — она рассчитывает на ваши серьезные намерения...»[68]

Другие цветы, естественно, имеют другой круг значений. Однако человеку, желающему стать безупречным кавалером, кроме языка цветов и драгоценных камней, необходимо изучить другие знаковые системы: язык жестов, поклонов, переплетений пальцев, кружевных узоров, вышивок, манипуляций веером, платком и т. д.

В рассказе Конан Дойла «Случай в интернате» Шерлок Холмс, рассеянно слушая знатного клиента, подошел к фарфоровой вазе, принялся внимательно разглядывать розы и сказал: «Заметьте, роза нам дана сверх этого». Клиент весьма удивился. «Я имею в виду, продолжал сыщик, — что роза нам дана вообще сверх всего». Шерлок Холмс отличался ироничностью и чувством прекрасного.

Если хорошенько подумать над многочисленными свойствами этого растения, легко прийти к выводу: сверхъестественная красота розы ставит ее «по ту сторону добра и зла», вне пределов мира сего. Это очень акцентировано в католицизме, где роза чуть ли не абсолютом. Третья часть «Божественной комедии»: в центре небесного парадиза, где время и пространство, близкое и далекое, прошлое и будущее теряют смысл, пребывает роза — ее лепестки образуют свет разной степени subtilности.

Роза — символ Пресвятой Девы и готических соборов. Однажды Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, потерял на охоте крест, внутри коего находилась частица Святого Креста. Д

е ло было зимой, вьюга, поисковая группа вернулась ни с чем. Король проблуждал всю ночь, наконец наткнулся на голый и шипастый розовый куст — там запутался крест. Людовик с трудом высвободил крест, при этом ободрал руки. В смутном свете зари он увидел: капли крови вокруг куста образовали силуэт собора... Так одно из преданий объясняет идею готики. С тех пор строители располагали в центре собора дивную

розетту. Ватикан решил отметить событие следующим образом: в день, именуемый *Dominica in rosa* (розанное воскресенье) римский папа благословляет золотую розу, усыпанную рубиновыми каплями крови, и посылает монарху, который в этот год наиболее преуспел в делах добродетели. Папский легат подносит розу со словами: *Ecce rosa mystica, donum sanctissimi patris* (Вот мистическая роза — дар святейшего отца). Обычай этот сохранялся вплоть до двадцатого века. А в двадцатом веке Голливуд снял фильм, понятно какой: однажды розу похитили, Ватикан поручил расследование Мики Спилейну и т. д.

Таковы несколько эпизодов из приключений розы.

Соловей плюс роза — любовь, отличное уравнение, лучшего не найти. Однако есть и минусы — по крайней мере, такое впечатление остается от поэмы Александра Блока «Соловьиный сад». Можно ли совместить работу и любовь? Герой поэмы живет на берегу моря и в час отлива ломает скалы. Потом нагружает камнями осла — помощника и друга, — потом оба работника доставляют груз к железнодорожной насыпи. Волынка эта тянется изо дня в день.

И вдруг.

Любовь молнией пререзает трудовую идиллию.

У самой дороги прохладный и тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной

Лишних роз к нам свисают цветы.

Не смолкает напев соловьиный,

Что-то шепчут ручьи и листья.

Теперь почти все персонажи налицо: труженик, осел, соловьи, розы. Компания интересная и беспокойная. Труженик он и есть труженик, поговорим лучше об осле, вернее, как труженик превратился в самого популярного, Буриданова осла. Asinus — зверь сей отличается изумительной выносливостью, неприхотливостью, тончайшим слухом, но главное не это. Его крик или рев уникален во вселенной. Ослиный рев пугает стадо бизонов, хищники уходят в чащу, забыв про охоту, спящий мертвым сном странник вскакивает в ужасе. Если вы хотите порадовать тещу или свекровь, заведите ночью пластинку этого замечательного вокалиста. Но речь не о теще, речь о ситуации поэмы «Соловьиный сад».

Неисчерпаема тема осла хотя бы потому, что у многих народов он воплощает мрачные силы, а у мусульман «красный осел» — дьявол суть. Свое черное дело он сотворил и здесь — вырвал труженика из волшебного сада роз.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

Но ведь совсем недавно:

Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Мимолетное человеческое счастье, любовь и долг, платоническая дилемма.

Повторяет она беспокойно:

Что с тобою, возлюбленный мой?

А возлюбленного терзают угрызения — ведь он бросил дом, осла, работу. Вечная нерешительность, перекресток, шестой аркан таро: молодой человек меж двумя женщинами — обворожительницей и наставницей. То или другое, другое или еще другое, классическое либо-либо:

он просвещает

ее, читает Иоанна Буридана «Каузальное обоснование бытия Божьего» и

краем глаза сходит с ума по волнистому соблазну ее телодвижений. Черт бы взял Буридана, осла, платоническую дилемму.

Он совсем не против

ее духовного расцвета, но расцвет эротической волны...

Я проснулся на мглистом рассвете

Неизвестно которого дня

Спит она, улыбаясь, как дети,

Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым

Лик, прозрачный, от страсти красив!..

По далеким и мерным ударам

Я узнал, что подходит прилив.

Далекие, мерные удары, шаги Командора, трезвая действительность, любовь и трудовой долг. Счастливы ли избранные в своей идеальной любви, так ли уж романтичны идеи Платона? Желанная женщина — только ступень в бесконечном познании идеи Красоты. Откуда у нас вообще понятие о Красоте? Из воспоминаний души о жизни до современного воплощения? Если мы не согласны с этой высшей степенью зыбкости, остается потворствовать «животно-телесной» природе, унижаться до звериного облика распаленного самца. Подросток сидит на скамейке в парке с необычайно изящной девочкой Жильбертой, обсуждает с ней драму великого Расина и вдруг сюрприз: его неистовое возбуждение кончается влажным взрывом. Амбивалентность духовно-чувственного конфликта[69].

В современную эпоху невозможна предреальная идеальность Платона. Его идеи взялись толковать, как «объективные» законы. Красота облаков и морозных цветов на стекле сплошь субъективна, сказал Шопенгауэр, «идея» облака — эластичность водяных паров, «идея» морозных цветов — кристаллизация. Объективность, законы природы. Женщина такой же человек, она составлена из белковых молекул и прочего. «Идея» любимой женщины заключается в целесообразной пригнанности частей ее тела ради потомства и так далее...

Ослиный крик выгоняет героя из соловьиного сада в целесообразность.

И, спускаясь по камням ограды,

Я нарушил цветов забытье.

Их шипы, точно руки из сада,

Уцепились за платье мое.

Работа и любовь взаимно уничтожаются. Одурманенный розами и соловьями труженик в

результате потерял возлюбленную, работу, дом и осла.

Любовь и работа совершенно несовместимы, любовь требует отваги, мужества, наплевательства на завтрашний день, а вовсе не регулярного «освоения материала». Розы, посвященные Афродите Анадиомене, холодны и непреклонны. И еще: о любви нельзя аналитически

думать. Потому куда интересней фон поэмы — соловьиный сад, розы и соловьи.

Это, кстати говоря, одна из главных тем восточной мистической поэзии. Вот фрагмент из сочинения знаменитого суфийского философа и поэта Аль Джили (XIII в.) «О любовных переживаниях розы»: «Старый садовник из Шираза сказал: ухаживанье соловья за розой длится непрерывно четыре или пять дней и очень редко соловью случается завоевать ее благосклонность. В недвижной предрассветной дымке белая роза начинает просыпаться, колыхаться, изгибаться, словно в объятьях любовника: соловьиные трели, посвисты, щелканья, высокие дробные модуляции разом обрываются, соловья не видно, хотя острый слух расслышит его прерывистое дыхание. Внезапно в оттенках ранней зари по белой розе скользит ослепительный сапфировый отблеск... Роза раскрывается, но такого расцвета мало кому из мудрецов доводилось созерцать: она раскрывается, обнажаясь до сокровенных глубин, потом медленно, уже в отсутствии соловья, смыкает лепестки».

Морис Метерлинк приводит это место в своей книге «О птицах» и комментирует так: «Птицы поют — глупое обиходное выражение. Звук — натуральная стихия воздуха, молчания вообще не существует, молчанием мы называем бессилие нашего слуха. Птицы живут в океане звуков. Неприступность розы уступает, наконец,

звуковому телу соловья, божественному фаллосу».

Забавно, не правда ли, в таком контексте разлагать любовь на идеальную и чувственную, духовную и звериную, а субъектов любви называть самцами и самками. Романтическая сублимация — это интенсивность любовного переживания, расцвет конкретной телесной страсти. В страстях человеческих голос — чистое проявление фаллической напряженности. Даже в концерте женщины, послушные певцу, женщины, обласканные тенором или баритонем, часто испытывают сексуальный экстаз. Эротическое владение голосом — один из тонких секретов донжуанизма: мужской голос — мягкий вкрадчивый, интонированный, хорошего модального диапазона, голос, знающий напряженность паузы, проникающий в женскую сокровенность... подобный голос отражает четкое фаллическое обаяние. Сублимное тело души вибрирует, волнение передается крови, женская плоть расцветает в пейзажистике... розы. В подражание соловью любовь человеческая когда-то создала серенаду на заре или «альбу».

Но это другая тема, это уже периферия любви как высшего искусства.

Соловьи и розы банальны.

Помимо роз и соловьев в мире есть и еще кое-что. Мятаж. Всякая диктатура сопровождается скрытой, явной, бешеной оппозицией. Буржуазность вообще, кальвинизм в частности привели белую цивилизацию к нищете, импотенции, механизму, подменили онтологический принцип изобилия, то есть жизни, принципом лишенности, то есть смерти. В контексте подобного рассуждения судьба искусства трагична. Пронизанное отчужденным презрением и бунтом против всемогущих буржуазных трюизмов, искусство углубилось в джунгли одиноких поисков.

Дабы очистить прекрасное от патины банальности, необходимо ликвидировать банальность. Если речь идет о цветах, надобно

очистить сирени, розы и лилии метафорическими инновациями.

В черной лазури топазовых морей

ближе к вечеру функционируют

лилии — эти клистиры экстаза.

В стихотворении Артюра Рембо «Что говорят поэту касательно цветов» блестит момент эпатажа, но это совсем не главное. Подобно Шарлю Бодлеру и даже резче, Рембо развивает агрессию метафоры. Но и это не главное. Иудео-христианское мировоззрение, апеллируя к своей двоичной системе, разделило пропастью хорошее сукно от лохмотьев, добро от зла, лучезарные очи от (какого-нибудь) ануса, разорвав человека пополам. Виктор Гюго упоминает в «Отверженных» о монахине, которая любовалась тайком старинной гравюрой, где озорные ангелы гонялись с клистирами друг за другом. На картине Фрагонара кавалер подглядывает в полуоткрытую дверь, как служанка ставит клистир его даме, — последняя, судя по улыбке, догадывается о присутствии любовника.

В нашу эпоху, когда растения

работают и мы

познали питательность саго, лилиям

следует пить лазоревую гниль

в твоей религиозной прозе.

После разрыва пополам — культ работы. Кто не работает, пускай не ест, сказано в Писании, это легитимно и для растений. Лилии бесполезны, их даже убрали с французского знамени. Но ведь в Писании также сказано, что негоже лилиям прясть. Однако новая эпоха извлекает из святых текстов только полезную информацию.

Лесные фиалки! — о сахарные плевки

сумрачных нимф!

Лилии и фиалки входят в буржуазный список красивых объектов, чего нельзя сказать о слюне мифических девиц. Красота — цель пристального поиска.

Найди на опушке спящих лесов

цветы, подобные оскаленным мордам,

откуда льется золотая помада

на угрюмую шерсть буйволов.

Для такой находки нужны особые глаза. Поэт хочет не только расширить диапазон прекрасного, но и насытить энергией посредством отважных метафор. После приглашения найти «цветы — стулья» следующая просьба:

Дорогой фокусник, это в твоих силах,

Подай на пурпуровом блюде рагу

Из лилий в сиропе, от которого

заржавеют наши

мельхиоровые ложки.

Метаморфозы цветов обычны в мире изобилия (*abundatio*) или Океаноса. Безмерно плодоносная *materia* являет массу причудливых симбиозов. Альберт Великий писал: *Non rem, cuius ultima substancione non reperiatur aurum* — нет вещи, которая в сердцевине своей субстанции не содержала бы золота. Это означает среди прочего: в любой вещи таится сперматический эйдос — возбудитель

динамиса женской материи.

Найди в сердце черных расщелин

цветы, что каменеют

миндалевидной геммой в своих

упругих белокурых завязях.

В миндалевидной ктеис каких-то редких цветов активность сперматического эйдоса пробуждает зачатие камня.

Подобная поэзия решительно трудна, эзотерична, герметична. Начиная с последней трети девятнадцатого века искусство перестало потворствовать вкусам консуматоров — потребителей художественной продукции. Индивидуализм стал еще индивидуальней, общество еще общественной. При таком положении дел несомненные эстетические и герметические достижения поэзии Рембо отступили перед ее вызывающей мятежностью. Но если эксцесс и эпатаж в то время шокировали буржуазную публику, сейчас ситуация изменилась, ибо смерть забрала большую силу. Любые надрывы, извращения, преступления, если оные не задевают консуматора лично, служат допингом, острой приправой механической монотонности существования.

Дионисийские разнообразия

«Некоего числа, если это случилось после изобретения чисел, воинство Диониса высадилось в Индии: иные воины, играясь дельфинами в морской воде, обратились на суше в буйных сатиров и, потрясая своими итифаллосами, грозились изнасиловать женщин любого возраста, знатных и простолюдинок, другие, мрачные и бородатые, опутанные змеями, тащили бурдюки, наполненные пурпуровым вином, множество голых баб приплясывало вокруг дубов, что неторопливо шествовали на своих корнях, подобно паукам.

Пьяный Силен обглоданной костью понукал осла, взбешенный длинноухий сбросил его в конце концов. Силен, горланя непристойную песню, снова забрался на четвероногого упрямы и принялся дразнить неуклюжего волкоголового поселянина, который приставал к визгливой грудастой ведьме.

Посреди бесчисленного воинства фавнов, сатиров, волкодлаков, менад, лемуров, мималлонов, тельхинов, аспиолов катилась, влекомая леопардами, колесница, где возлежал, усыпанный цветами, в венке из плюща и дубовых листьев, юный бог вина, оргий и превращений.

По разному представлялся он: молодые женщины видели юношу с дивными сапфировыми глазами и большим напряженным фаллосом, мужчины — сладострастную гетеру с насмешливыми яркими губами, пьяные старухи умилялись кудрявому мальчику, играющему виноградной кистью...»[70] * * *

Дабы почувствовать, где все это происходит, надо определить собственное местонахождение и поразмыслить над ситуацией собственного восприятия.

Наш универсум неотвратимо сжимается, сужается в плане космических элементов, что объясняется хтонической ориентацией бытия. Каждый космический элемент имеет в себе три других элемента: земля содержит воду, воздух и огонь, доминируя над ними. В античном и средневековом понимании элементы, скорее, модусы вещества, нежели само вещество. Земля, к примеру, не столько осязаемая материя, сколько ее определяющие качества, земля это сухой и холодный лед, минерал, металл и, равным образом, эмоциональная фригидность, ментальная сухость и ограниченность, прямолинейно угловые схемы и расчеты.

Когда холодно вычисляют причины и следствия, строят поведенческие модели, делят материю на органическую и неорганическую, навязывают жизненным процессам периодичность и закономерность — все это делается под влиянием «земли». При этом значение иных элементов вовсе не отрицается, но: они вторичны, третичны по сравнению с «базовой» землей. Когда говорят: некто «плавает» в той или иной дисциплине, некто легкомыслен и порывист, подразумевают нежелательное влияние воды, воздуха и огня. Если душа насыщена этими элементами, если душа чувствительна, свободна, экстатична — плохо ей живется в эту эпоху.

Доминанция земли определяет весомое, стабильное, телесное как сущностно реальное, наше мировоззрение обусловлено гео-графией, гео-метрией, гео-логией.

Но представим нашу фундаментальную землю плавучим островом Океана, как предлагает стоик Посидоний (II век до н. э.). Границы, контуры, очертания сохраняются весьма недолго, вещи, звери, люди, растения, звезды растворяются, размываются в смутных трансформациях, нет ни порядка, ни периодичности, ни фиксированных пунктов ориентации — это мир Диониса, где опьянено все — и наблюдатели и наблюдаемое, это страна чудес Алисы и морской простор навигаций Пантагрюэля. Нет, скажем мы, это сны, фантазмы, просто хаос.

Нет. Это вселенная в доминанции «воды», с которой мы соприкасаемся иногда в так

называемых снах.

Вот что писал Жерар де Нерваль в повести «Аурелия»: «Сон — вторая жизнь. Я дрожу, пересекая эти врата роговые или слоновой кости, которые отделяют нас от мира невидимого. Сначала сон похож на приближение смерти: тяжелый туман обессиливает мысль, неопределим точный момент перехода „я“ в другую форму жизни. Сумрачное, подземное высветляется, проступают бледные, неподвижные силуэты, что населяют эти лимбы. Затем пространство обретает очертания. Нарастающее озарение придает движение этим странным фигурам.

Мир Духов раскрывается».

Это написано в девятнадцатом веке, в расцветающей заре позитивизма под влиянием технициста Сведенборга. «Мир Духов», понятно, есть нечто противоположное тривиальной реальности, нечто романтически желанное. Нерваль, согласно иудео-христианской концепции, признает фундаментальность земли и отводит сну второе место. Куда ближе к Посидонию шекспировская строка: «мы сотворены из вещества снов». И мы еще более приближаемся к пространству «воды», изучая неоплатоническую идею «эфирного тела фантазии».

Восприятие обусловлено душой и зависит от ситуации души. Как сказал Парацельс, «глаз видит благодаря человеку, а не человек благодаря глазу». Душа придает качество данным восприятия. Если душа вялая и монотонная, это фиксируется во всем увиденном и услышанном. Согласно традиционному знанию, «тело души» состоит из тех же четырех элементов, только более сублильных. В современную эпоху, и это очевидно, земля доминирует в «теле души». Отсюда душевная сухость, холодность, пассивность, эмоциональная стандартизация. Современный социум построен на нормативных осях, любое отклонение суть безумие, кошмар, перверсия, оргия и т. д., современная «коллективная» душа отравлена страхом и его производными — рацио, расчетом, отчуждением.

Поэтому.

Для современных людей рассказ о воинстве Диониса — вымысел, фикция, фривольная легенда. * * *

«Ревнивая многоречивая Гера указала титанам фиалковый луг, где отдыхал Дионис Загреос. Вот наш злокозненный враг, любимые и послушные сыновья матери Геи. Он хочет покорить вас, обратить в быков, чтобы вы, задыхаясь под тяжким ярмом, истерзанные острым стимулом, от луны до новой луны бороздили землю. Он насмехается над Приапом и хочет вас кастрировать. Если не убьете его, лучше вам не родиться...

Титаны отыскивали фиалковый луг, увидели обнаженную спящую девушку и набросились на нее, не в силах удержать приапических своих желаний. Она ускользнула и раздался смех, подобный гулу лесного пожара или шуму водопада. И девушка растаяла в фиалках и началась игра превращений Диониса, которая в мистериях называется „синдесмос“...»[71]

Драма и мистерия Диониса активизируются в напряженности эротического пространства. Что это? Какой смутной интуицией прикоснуться к трепету этого пространства нам, для которых все на свете, включая и собственную персону, разъято на множество фрагментов, частей, частиц, дисциплин, деталей. Если мы расплывемся в прельстительном сне или мечтательной сенсорностью почувствуем глубокую синеву неба Эллады или шелест морской воды на статуарной резьбе триремы, будильник, острие заботы вернет нас на землю, вернее, под власть этого космического элемента. Фатум оппозиций: работа-отдых, добро-зло, мечта-реальность. Убожество современной эротики: самоотверженная любовь — хорошо, содомия — плохо, ласково-энергичный массаж — хорошо, кровавый удар — плохо. Регуляция, пограничные полосы, межевые столбы: этот свет — тот свет; жизнь — смерть; сон

— реальность. Стабильность, безопасность — желанная цель. Случайная проявленность из небытия, терпеливое продвижение по тернистому пути — работы-долга-ответственности, ожидаемая гибель в пропасти небытия, финита...

Доминанция земли предполагает истолкование времени в духе темпоральной последовательности «прошлое-настоящее-будущее» при неуловимом настоящем. Этимологически неверная трактовка Кронос — хронос обусловила странную интерпретацию мифа: если Кронос — всепожирающее время, каким это образом он — царь золотого века? Одно из недоумений, коих предостаточно. Вера в хронологическую последовательность рождает другие нелепости, к примеру: причинно-следственную связь, «объяснение» исторических событий, жизненный опыт и т. д.

Согласно Николаю Кузанскому, время — момент восприятия, зависящий от позиции наблюдателя. Но это мужская позиция. В традиционном смысле женское начало ориентировано на землю и воду, мужское — на воздух и огонь. Последовательное, концентрированное женское сжатие, фаллический взрыв — этим обусловлена вселенская динамика, непрерывная борьба полов. Характер эпохи определяет доминанция того или иного пола. Бахофен в «Материнском праве» выражает сие категорически: «Человеческая история проходит под знаком кровавой борьбы полов. Эротика, дети — методы и процесс этой борьбы. Любовь женщины и мужчины невероятна и противна природе. Только в мистической смерти оппозиции соединяются, образуя андрогин».

Согласно орфической теогонии, в бешеных турбуленциях Хаоса проявилось серебряное мировое яйцо, откуда вырвался крылатый бог-андрогин — Фанес или Эрос. Вокруг этого бога, в напряженности аттракций и репульсий, притяжений и отталкиваний возникла относительная определенность верха и низа, неба и земли, мужчины и женщины, относительная, потому что все содержится во всем, небо в земле, земля в небе, мужчина в женщине, женщина в мужчине. Эротические силы создают и разрушают формы космоса: изменчивые и многоликие, они представляются сексуальной страстью, электричеством, магнетизмом, гравитацией, концентрацией, взрывом... Гнетущее предгрозовое томление, ликующий раскат, счастливая молния; «концепция», то есть зачатие в мозгу, беременность во чреве памяти, рождение идеи, замысла... Если напряженность достигнет «критической точки», фаллос взорвется, если вагина перестанет возбуждаться и притягивать, женская субстанция застынет в одиночестве и неподвижности...

Мы упоминали ранее: в каждой космической стихии содержатся три другие. В человеческих существах, далеких до совершенства, эти стихии пребывают в постоянном конфликте — отсюда усталость, бешенство, неудовлетворенность.

Бог владеет своей композицией и может претворить любой элемент, любой свой «фрагмент» в новое целое, нисколько не умаляя полноты божественного бытия. К примеру: юноша, распаленный эротической грезой, угадывает, смутно видит в закрытых глазах прелести соблазнительной девицы, но скованность, пассивность органов чувств не позволяют ощутить ее «весомость», запах, голос. Мы, пленники тягости земной, скажем: это мираж, образ, вызванный соответствующей причиной. И здесь резкое отличие современного взгляда от античного. Нам все понятно: вот мысль, вот чувство, далее шкаф, порезанный палец. Девичий силуэт в распаленном воображении прозрачной лунных бликов на воде, сравнительно со шкафом просто чушь.

Античный мир в высокой степени «формален»: силуэты, зигзаги, очертания по-разному трансформируются в разных материальных стихиях — потому Теофиль Готье сказал в новелле «Ауриа Марселла», что галера Клеопатры под лазурным парусом продолжает рассекать волны неведомых океанов. * * *

«Здесь болото, слышны запахи гниющих водорослей, сказал один. Нет, я чувствую запах

возбужденной самки, воскликнул другой и кинулся в заросли. Там ласкались две гамадриады. Титан отбросил одну, схватил другую и чуть не пропорол жестоким penisом. Но женская кожа внезапно превратилась в чешую, в ребристую кору, и титан взвыл: penis сдавило в дупле. Древесные кольца сжимались все сильнее, титан с трудом вырвался, оставив penis на съедение дуплу».

Этот отрывок из «Охоты титанов за Дионисом» неоплатоника Гиерокла Александрийского (IV–V в. н. э.) любопытен в разных аспектах. В отличие от богов и героев, титаны, по преимуществу, партеногенетические порождения Геи, зачатые от фаллических подземных вод (демонов), присущих самой матери земле, от ее собственных «мужских компонентов». Титаны, следовательно, воплощают земное мужское начало, действующее в женской субстанции. Далее: когда титаны, в конце концов, настигли Диониса в образе быка, убили и съели, Зевс испепелил их молнией. Люди, гласит орфическое предание, возникли из этого пепла, значит, в человеческой материи присутствует частица Бога.

Миф вполне красноречив: Гера ненавидит всех, кто отстаивает мужскую свободу и автономию, Дионис — бог свободной эротике, опьянения, карнавала — ее серьезный противник. Матриархат, санкционированный Герой, Деметрой, Прозерпиной, хочет полного подчинения мужчин женскому началу. Мужчина — сооткрыватель дверей рождения, работник, защитник и т. д. Его «наказывают» за буйную чувственность, как в вышеприведенном случае, но это, так сказать, в порядке вещей. Мужчина — раб Приапа — женского бога жизни и смерти — должен отдавать свою жизнь ради грядущего поколения — по античной мысли, сперма суть мозг вытекающий. Он — Лунус, узенький серп, желающий раствориться в женском полнолунии, движение, склонное к покою, диссонанс, мечтающий разрешиться в консонансе, словом, женщина — целое, мужчина — активный орган этого целого. Поэтому необходимо воспитывать и дрессировать самцов смолоду — этим занимаются женщины и «цивилизованные» особи мужского пола. Всякие попытки освобождения от власти великих матерей преступны.

Парадигма подобных действий — охота титанов за Дионисом.

Некоторые античные авторы (Апулей, Гиерокл, Синезий, Нонний) акцентируют отличие penisа от фаллоса. Поскольку «сыновья земли» хотят постоянного соединения с первичным женским началом, их половой член однозначно функционален: penis происходит от penetrabel (греч., лат.) — проникать, пронзать, слово взято из сельскохозяйственной лексики. Иное дело phallos-fascinos — принцип сугубо дионисийский — царь, страх, околдование, экстаз. Фаллос — пролонгация сердца и внимает только сердцу.

Любое совершенство и любая гармония немислимы без андрогинии, то есть без равнодействия двух основных природных начал. Что это значит в данном контексте? Автономия и возможность постоянной эрекции (итифаллический процесс) обусловлены пребыванием в «теле души» женского существа. Мы упоминали о юношеских эротических грезах — внутреннее око видит смутный, исчезающий абрис, беспокойные, изменчивые линии и колориты — неразвитое ригидное восприятие не в силах оживить и воплотить так называемую иллюзию. Соблазнительный образ дразнит, растравляет, бросает во власть женщин земных, что лишает жизнь игрового момента и придает гибельную целеустремленность. Но когда эманации «внутренней женщины» (нашей Дианы или внутренней луны герметики) энергичны и действенны, обретается необходимый противовес и возможность итифаллической игры.

Ибо первое условие жизни, понимаемой как легкомысленная игра, — централизованная уравновешенность. Внутренняя концентрация устраняет однозначность желаний, ослабляет решимость «любой ценой» и «во что бы то ни стало» овладеть кем-то или чем-то. Любое «иметь», любое «владеть» умножает связи земные, целостность индивида разрушается постоянными дифференциалами. Земная женщина опасна не только своей притягательностью,

но и своим пространством равномерности, покоя, комфорта. Для блага женщины и ее детей необходимо делать деньги и карьеру, разделяться на специалиста, мужа и отца, «извлекать уроки» из прошлого, жить ради будущего и т. д.

Разрыва с этой земной женщиной и ее ценностями никогда не достигнуть «умерщвлением плоти», отрешением от всего земного, той или иной аскетической практикой — все это вполне может привести к безумию, истощению, рабству еще более тяжкому. Подобное ослабляется либо уничтожается подобным — наша Диана, Изида или дама наших грез способна сублимировать душу и соответственно тело — вспомним судьбу Луция из «Золотого осла» Апулея. * * *

Новалис: «Мысль — бледное, слабое нечто, мысль только сон чувства». Вряд ли имеется в виду созерцательное размышление, скорее прагматическая тактика: как достигнуть цели — приступом или правильной осадой? Приобрести что-нибудь и потратиться минимально, приобрести: девушку на час, деньги лет на пять, репутацию лет на пятьдесят... Испытывая бешеную страсть к женщине, надлежит это скрыть, тактически рассеять неистовый порыв в круговых приближениях, в мелких полезных подношениях. Над подобным тактиком постоянно висит неудача — можно попасть «в неудобное положение», потерять «с трудом завоеванное»...

Рацио, продиктованное страхом, разлагает ослепительность в равномерную последовательность и это антидионисизм. Надо разрушить свой дом и построить лодку, плот, обрубить корни и в свободном режиме воды играть своим телом, имуществом, репутацией. Жестокий и мучительный процесс.

Ницше: «Не следует искать наслаждений, наслаждения надо иметь, искать следует боли и страдания». Вряд ли Ницше советовал христианское искупление или гнусный современный «садомазохизм». В данную эпоху наслаждение и страдание суть рациональные оппозиции, недаром Фрейд считал, что человек ориентирован на антистрадание при поиске наслаждения. Современный человек убежден: жизнь — одноразовый процесс здесь и теперь. При таком положении дел кратковременные каникулы надлежит использовать разнообразно усладительно, стараясь избегать потрясительных для здоровья эмоций. Глубокого сладострастия, высокого наслаждения современный человек не знает и даже побаивается. Ницше: «Сладострастие! Для всякой зловонной тряпки, для всякого гнилого сучка — клокоцущая печь, но великое обещание для сильных натур».

Накинуться на желанную женщину с ножом, бросить в огонь пачку в сто тысяч, швырнуть перчатку в надменную физиономию мадам — Стендаль, Достоевский, Шиллер — литературные моменты, «в жизни все иначе». Но не для людей, причастных иным космическим стихиям.

Опьянение, экстаз, безумие, восторг. Дионис в ипостаси Вакха — бог винограда и вина. «Одержимые богом менады и вакханы прыгают в бассейн, заполненный виноградом — купание и танец одновременно, терракотовый ковш пляшет в пурпурных, лазурных, солнечных отблесках. Хохот, крики „эвоз“. Вакх погружает в пенистый сок увитый плющом и змеиной травой офианой тирс. Когда менады натираются этой травой, клитор вырастает фаллосом. Оргия: старики превращаются в детей, женщины в мужчин, мужчины в женщин, те и другие в пантер, змей, хищных птиц — рев, стоны, кровь, пение. Ритуал заканчивается, бог исчезает, на пустой земле валяются несчастные страдальцы. Но менады и вакханы, забыв о прежней жизни, днями и ночами рыщут по лесам и полям в поисках неистового бога сублимаций»[72].

Техника экстаза, трансформация посредством виноградного вина — прерогатива жрецов Диониса — требует специального посвящения. Это не просто введенный в тело ингредиент. Вино — *augum rotabile*, питьевое золото, проблема герметики. * * *

Музыка. Напряженность натянутого монохорда пробуждается из первобытного лона молчания. Гудение монохорда настораживает пчелу, дикий шиповник вздрагивает, голова колокольчика замирает, дятел прекращает работу, колорит облака меняется: резонанс, тайная всеобщая связь, магия. Монохорд, поделенный пополам, дает октаву выше, на две трети — квинту, на три четверти — кварту и т. д. Правильный ряд расходящихся от центра обертонов присущ лишь гармоническим объектам. Космос, к примеру, организован музыкой сфер: семь планет — семь струн лиры Аполлона, семь тростинки сирикса, флейты Пана. Однако от Пифагора до нового времени музыкальные пропорции и пропозиции часто менялись. Один из последних музыкальных «чертежей» — *monochordum mundanum* — «вселенский монохорд» Роберта Фладда (1617) отражает современный дуализм: интервал от земли до эмпирея — двойная октава (дисдиапазон); первая октава — земля-солнце — названа «материальной», вторая — солнце-эмпирей — «духовной».

Это, согласно средневековой классификации, *musica mundana*. Далее идет *musica humana* — соотношения четырех темпераментов, духа, души и тела. На последнем месте *musica instrumentalis* — музыка в обычном понимании. * * *

Европейская цивилизация основана в пропорциях предустановленной гармонии (*harmonia predestinata*). Законы гармонической полифонии определяют человеческие отношения. Когда мы говорим: вы слишком повышаете голос, вы рассуждаете монотонно и долго, вы не даете никому слова сказать, мы упрекаем собеседника в нарушении мелодистики и гармонии. Соотношение пропорций определяет любую сферу жизни. Крикливо одетый субъект раздражает нарушением гармонической связи между красками, ростом, фигурой и т. п. То же самое касается «безобразного поступка», нравственного или физического уродства, более того: если некто страдает диссонансом — хромотой, к примеру, или клептоманией, его склонны подозревать в дисгармонии вообще. Итак: пороки, страдания, несчастья, болезни суть нарушения предустановленной индивидуальной гармонии, *harmonia predestinata individualis* или «внутренней судьбы».

Гармония индивидуальная; гармония интерчеловеческая, социальная. Уподобим индивида музыкальному инструменту, а семью, группу, коллектив — ансамблю, оркестру. При согласованности компонентов получится вполне идеальное общество, прекрасной своей полифонией напоминающее девятую симфонию Бетховена. Однако мечта социальных утопистов далека от реальности. Можно ли утверждать, что человек и общество организованы в похожих музыкальных пропорциях? Нет нельзя.

Поговорим о разделении монохорда.

При разделении ограниченной прямой линии сумма отрезков будет меньше этой прямой, так как правило Аристотеля гласит: целое больше составляющих. Это относится и к музыкальным интервалам: октава больше составляющих — квинты и кварты, квинта больше двух терций, по мере инволюции обертонового ряда интервалы уменьшаются. К тому же точной фиксации интервала препятствует постоянная флуктуация интенсивности, тембра, длительности. Отсюда следует: пропорции монохорда в известной степени зависят от инициатора звука. Монохорд и сирикс развивают одинокую мелодию настроения исполнителя. Греческая ладовая система отражала семь таких «настроений», подвластным планетам: к примеру, лидийский лад соответствовал солнцу, локрийский — луне. Круги соответствий расходились на темпераменты, телесные органы, царства природы, состояния души и духа. Подобное «настроение» каждого лада именовалось «этосом». Итак: эстетика, этика, медицина — единая мудрость. Одинокая мелодия лечила что-либо одно. Человеческую композицию в целом приводила в порядок лира или кифара, настроенная в необходимом ладу. Более того: нервные волокна, идущие от головы к спинному мозгу, Гален называл «лирой Аполлона», утверждая: от правильного настроя этой «лиры» зависит телесное и душевное здоровье.

В греческом обществе свободных индивидов процветала свободная мелодическая полифония. Историк Страбон вспоминает случаи, когда на митингах выступали одновременно несколько ораторов, не мешая ни друг другу, ни слушателям. Различие интервалов разговорных и музыкальных не акцентировалось, поскольку инструментальная музыка ценилась несравненно ниже искусства слова и пения.

Греческие лады определяла тоника, другие ступени зависели от прихоти исполнителя. Плотин называл тонику «принципом организации организма, центром целого». Если этот принцип уходит из организма, не остается ничего кроме разрозненных частей.

Ренессанс и барокко — эпохи рождения механизма и социума. Новым сплоченным коллективам требовались взаимосвязи, константы, обобщения. Попыткам онтологической унификации препятствовала традиционная иудео-христианская дихотомия бога и дьявола, мира сего и царствия небесного, добра и зла, духа и материи. Но несмотря на сопротивление церкви, человек медленно и уверенно занимал место демиурга — отсюда антропоцентрический гуманизм. Тем не менее, избавиться от первородного греха дуализма не удалось, первичная дихотомия распалась на множество оппозиций. Магическая одушевленность мира постепенно растаяла, люди объединились... против всего остального. Равенство перед смертью, бедностью и богатством образовало обобщение равномерности, без которого никогда бы не возникла новая, механистическая цивилизация. Сначала сердобольные, сентиментальные обличители дворянских привилегий завопили о равном распределении материальных благ, затем демон равномерности вообще воссиял над европейской цивилизацией. После механических часов, равномерного деления пространства, равномерного распределения земного шара по меридианам и параллелям, настал черед музыки. Во всем этом проявилась четкая тенденция позитивизма — пренебрежение мелкими частностями ради удобства общей схемы, прагматическое устранение неточностей. Ради удобства универсальной настройки и коллективной инструментальной гармонии октаву поделили на двенадцать полутонов, несмотря на «пифагорейские коммы», «волков» и «музыкальных дьяволов». Таким образом, диатоника и мажоро-минорные гаммы стали жертвами базового хроматизма, подобно тому, как специфика материального бытия стала зависеть от базовой денежной массы. «Общие» страдания и удовольствия привели к подмене индивидуальных ценностей общественными, к постепенной одинаковости и стандартизации восприятия, то есть к некоему существованию, от собственной жизни отвлеченному. Индивидуальная жизнь, не похожая ни на какую другую, постепенно вытеснялась социальным времяпровождением.

Два индивида, каждый со своей особой «тоникой», никогда не достигнут так называемого «взаимопонимания», два монохорда никогда не дадут одного обертонового ряда. Индивидуальное восприятие, не обработанное напильником социума, уникально ориентируется в расплывчатой среде внешнего мира. Даже сходство интересов и эмоциональных тенденций не гарантирует никакого «равенства» пониманий, возможно лишь неожиданное соприкосновение, пересечение контрапунктических линий.

Массовая цивилизация превратила музыку черт знает во что плюс авангардные инвентивации более или менее одиноких групп. Однако универсальная музыка дает себя чувствовать в отношении человека к миру и к другим людям. Здесь так или иначе функционируют сведенные к минимуму правила привычной гармонии и элементарного этоса. Всякое общение идет в режиме музыкальных пропорций и здесь легитимно сравнение с гаммой, аккордом, энгармонией, аранжировкой и т. п. Ссора, любовное воркованье, лекция, разговор с начальником, соло застольного анекдота — все это вполне относится к музыкальной теории и практике. К примеру, слушая авторитет, необходимо «подстроиться», стать «спутником», вести доминантное сопровождение как в искусстве фуги. Лучше всего распознать свое место в «гамме» собеседника, дабы избежать нежелательных или опасных диссонансов. Гармония в современном смысле это наслаждение, мажорный аккорд, миролюбие, которое суть конформизм.

Взаимопонимание или «единство взглядов» порождено разными вариантами конформизма — это слово точно выражает равномерную температуру натурального звукоряда. Растворение диатоники в хроматизме, жесткие правила гармонии обратили музыкантов в революционеров и авангардистов, вернее, в школьников, постоянно протестующих против учителей и суровых нормативов. Сколько отстаивали права диссонантной аккордистики! Неужели надо было ждать, пока Стравинский скажет в «Музыкальной поэтике» очевидную вещь: «Консонанс так же мало отвечает за порядок, как диссонанс за беспорядок». Вовсе не надо, это было ясно всегда. И разве явились откровением слова знаменитого Германа Гельмгольца: «Музыку, основанную на темперированной гамме, следует считать весьма несовершенной. Если мы с ней соглашаемся или даже восторгаемся ею, значит наш слух был фальсифицирован с детства»[73].

Популярность хроматизма объясняется общей тенденцией механицизма и широким распространением инструментальной музыки.

До восемнадцатого века механицизму еще придавали игровой и художественный характер — мастера прикладных искусств творили из часов, клавиатур, клавесинов настоящие артефакты. После французской революции, в условиях нарастающего восстания масс, механизм проявил свою железную волю к стандарту, трафарету, серии.

И что же сейчас? Свобода механизма при тотальном рабстве человека. Думать о современной музыке так же скучно, как о современной жизни вообще. * * *

Согласно Галену, разумная душа входит в тело после пубертации — голос устанавливается во всех параметрах, жизнь обретает определенный ритм. Неведомому принципу организации организма соответствует тоника индивидуального лада. Высотный диапазон, тембр, интенсивность, регистр отражают индивидуальную ситуацию относительно космических элементов и темпераментов. Обычные соотнесения меланхолии и земли, флегмы и воды, веселости и воздуха, гнева и огня крайне приблизительны, поскольку каждый элемент содержит три остальных в убывающей пропорции. Темпераменты, скорее, отвечают иным приближениям: «земля» — стабильность, рациональность; «вода» — подвижность, плавность, изменчивость; «воздух» — полет, легкомыслие; «огонь» — напряженность, экстаз. Эти определения, естественно, рожают негативные и позитивные ассоциации.

Голосовые параметры — регистр, тембр, интонации, модуляции — дают представление о темпераменте, о приоритете того или иного космического элемента в композиции духа, души и тела, о соотношении тоники (self) с доминантой и субдоминантой. Это позволяет человеку самому ответить на свои вопросы и разрешить диссонансы, не распадаясь на поиски решений и разрешений. Впечатления, люди, книги и прочее способны пробудить далеким резонансом прирожденное знание, но не увеличить или изменить. Если под влиянием всего этого человек резко меняется, значит в разумной душе нет активности, поскольку познание остается «познанием самого себя», платоновым анамнезисом. Интуиция тоники суть интуиция внутренней судьбы. Если такой интуиции нет, или она временно теряется, человек подвергается всевозможным «случайностям» и здесь бесполезно взывать к чей-либо помощи. Контакты с данностями окружающего мира должны отличаться свободным «да» и свободным «нет». Более того: это необходимо и в мире внутреннем. Представим дух — тоникой, душу — доминантой, тело — субдоминантой. Гармония микрокосма вовсе не предполагает иерархической субординации — дух, душа и тело вольны вести свои мелодические линии, сходясь и расходясь в своей динамике, гармония микрокосма определяется пропорциями, установленными индивидуальным логосом.

Однако интуиция тоники, логоса, пропорций проявляется в трудном поиске. Чаще всего, человек чувствует свою заброшенность, растерянность, а потому направляет собственные вопросы куда угодно и кому угодно, получает массу ответов и удивляется, почему неудачно женился, сел в тюрьму и прочее. Он подменяет свой self чужим, свою тонику чужой,

привыкает «плясать под чужую дудку» и превращается в человеческое нечто, в члена коллектива. Это происходит, чаще всего, постепенно: он начинает сооружать между собой и миром бастион, социальную модель, персону, и вытеснять жизнь псевдо-жизнью. Он думает, что думает

он . Персона постепенно сдает свои позиции, понимая, что жить в дискомфортном свете химерического «я» невозможно и, слушая мудрые советы, создает «жизненное пространство», пользуясь чужими материалами и планами. Поначалу конформизму уступают не без тяжелых раздумий, затемлюбуются вот какой мыслью: я остаюсь при «внутренних» своих убеждениях, но... «с волками жить», «в чужой монастырь» и т. д., пусть думают, что я с ними, а на самом деле... Это самообман, жестокий диссонанс, вызванный подменой индивидуальной тоники. Децентрализация — мать всех пороков: панический страх и паническая смелость, зависть, честолюбие, алчность утверждают, в конце концов, естественность конформизма, и коррозия тихо и неотвратимо проедает сердцевину. И если в такой душе остается нечто индивидуальное, это не приносит ничего кроме раздражения, пьяных истерик, горьких ресентиментов.

Разумная душа вынуждена вести жестокую борьбу за дистанцию между собой и... всем остальным. Это «все остальное» надо понимать буквально. Только индивидуальный логос должен создавать и развивать понятия. Земля, небо, луна, солнце, сон, реальность, данные восприятия — ко всему этому непригодны детерминанты, константы, теории, координаты, взятые извне. Означает ли это безумие и хаос? Нет. Необходимо пролонгировать на мир собственную предустановленную гармонию. Если индивид теряет центр, то превращается в деталь другого целого.

Отец

Натуральная магия далека от прецизии, ордонанса, классификации и не любит связывать природные данности в ряды и таблицы для удобства искателя, потому непонятно, зачем написаны такие книги как «Мемориум папы Гонория», «Петушиная курица Гермогена», «Тайная философия» Агриппы фон Неттесгейма, «Большой и малый Альберт» и т. д. И уж совсем чудовищна в магическом смысле периодическая таблица Менделеева — в природе не бывает и не может быть химически чистых элементов.

«Увиденная стрела летит медленней» — эта апофтегма Данте вполне применима к любым конкретным контактам, проще говоря, постоянное взаимодействие между вещами, событиями и восприятиями сводит на нет искусственную изоляцию, необходимую для «объективного» познания. Даже в научной химии акции и реакции веществ не поддаются строгой детерминации. Поэтому правило книжной магии — возьми то-то, сделай то-то, в результате получишь то-то — высоко сомнительно.

Торжество равномерности, прямолинейности, закона исключенного третьего обусловлено отпадением *anima rationalis* от более высокой стихии воды или «неба сперматических эйдосов» и триумфом стихии земли. В лексике Николая Кузанского это отторжение рации от Интеллекта. «Непостижимость совпадения оппозиций — основа любых утверждений рации» («О предположениях»). Иначе говоря, рация не признает автономии пифагорейской диады, полагая оную числом среди других чисел. К примеру, рация не может согласиться, что истина есть ложь, а нечто целое не имеет составных частей.

Каждый воспринимает природу согласно интенсивности и тонкости чувств: один лучше слышит движение сока в деревьях, другой лучше осязает и видит дыхание огня, сокрытого в минералах и металлах, индейский воин был способен, говорят, чувствовать чуть не за

километр запах белого человека. Это зависит от состава крови и разности пульсации. Но когда на все эти разности налагается секундомер, некое равнодольное «средне-арифметическое», подкрадываются дефекты сердца и крови, угрожающие контакту физической плоти и субтильного тела души. Бесперывное давление времени часов вызывает психосоматическую драму, крайне опасную для здоровья индивидов. Но таковых за последние века становится все меньше и меньше. Большинство же поддается неумолимой равномерности, равнодольности, равноправию и т. д. Иерархическая вертикаль сменилась количественной субординацией; наслоение одинаковых секунд образует минуту, скопление прямоугольных ассигнат — капитал, нагромождение одинаковых пиджаков — магазин «готового платья».

Жизненный ритм индивидуального организма вынужден «подстраиваться» под равномерные удары часов.

Изувеченный таким способом слух искажает индивидуальную координацию органов чувств, сокращает разнообразие и масштабность восприятия до «среднего арифметического». Индивидуальность, то есть результат воздействия субтильного тела души на физическую плоть, слабеет, распадается, человек превращается в частицу «массы», управляемой механическими законами социума. Данные законы проступают согласно вероятиям, свойственным динамике сыпучих агломераций.

Массу образует безотцовщина страшного земного партеногенеза.

Массу образуют сироты, согнанные в огромный воспитательный дом, где учителя отличаются от учеников степенью автоматизма. Аналогично высказался немецкий философ Людвиг Клагес в книге «Дух — противник души» (1914–1918 гг.). Можно интерпретировать «противника души» как «дух равномерной температуры», присущий буржуазии. Если это «рацио», как полагал Макс Шелер, то рацио коллективное, которое поглощает *anima rationalis*, рациональную душу каждого индивида.

Коллективное рацио признает один авторитет — несомненную, категорическую смерть всего и вся. Природа, по соображениям новых теоретиков, тяготеет к стекловидно-дырявой минеральности, не исключая даже солнечной системы. Со времен просветителей (д'Аламбера и Ламетри) живые существа и человек в том числе суть машины, автоматы. Отсюда совершенный атеизм обыденной жизни. Только в детском возрасте легитимны такие выражения: «этот котенок думает, что он курица», или «мама, не запирай куклу в буфет, она весь сахар съест». Дети заслуживают снисхождения. По мнению технической цивилизации, человечество до восемнадцатого века равным образом заслуживает снисхождения.

В режиме равномерной температуры благородные камни и металлы теряют магический потенциал и превращаются в простой эквивалент — крупную хорошего отлива жемчужину можно обменять на картину Ван Гога, картину Ван Гога на дешевый самолет и т. д. Это не игрушки. Созерцая жемчуг, бизнесмен погружается в климат полной серьезности. Он пришел в мир не в куклы играть, а строить кукольные фабрики, лаборатории губных помад, куда женщины и дети могут за это платить.

Равномерная температура расположилась ровно между жизнью и смертью. Золотая середина. Тот, кто старается жить по ее законам, не живет и не умирает. Если жизнь — *abundatio*, изобилие, а смерть — «ничто», *privatio* — постоянная лишенность, тришкин кафтан, присутствие и отсутствие разом. При такой ситуации особенности индивидуального восприятия излишни. Это раньше думали: если мир и не целиком мое представление, то в значительной мере, ибо нельзя разъединить пейзаж и пристальные глаза, мелодические инвенции дрозда и внимательные уши. Раньше думали так. Но коллективное рацио не связано ни с чем, если не учитывать изобретенный современниками «космический разум», «ноосферу» и т. д. Посему упорядочивает оно внутреннее и внешнее в дисциплинарной

одинаковости.

Два отрывка о магии драгоценных камней: «У кого слабое зрение, может видеть, но не различать, ибо молочная пелена застит ясный взгляд. Эту пелену рассеивает топаз. Его называют камнем святого Матвея. Дано было апостолу озарять темные сердца, лечить тех, кто видел и не видел одновременно»[74].

«Икут аль акфар, то есть сапфир, ведет целомудрие к победе через все искушения»[75].

Какое отношение имеет сапфир к целомудрию? Как надо понимать трактат Авиценны «О платонической любви минералов»? В плане бытия сплошь функционального и количественного это достойный сожаления инфантилизм, фантазии детей пред чудесами природы-матери. Потому-то новая наука так ценит Галилея, Декарта, Ньютона — первых воспитателей в детских садах европейских времен.

С тех пор как Сатурн алмазной косой отрезал фаллос Ураноса, материя оплодотворяется посредством изначально ей присущих мужских компонентов, посредством Приапа[76]. Рассмотрим рисунок «Парадигмы» Николая Кузанского. Два равнобедренных треугольника вертикально входят друг в друга, касаясь вершинами оснований. Основание верхнего треугольника суть «формирующий свет», «верхнее небо», «интеллект», основание нижнего — «иное», «тьма». Посредине — луна, лунное небо. Судя по всему, подлунный мир отпал от «верхнего неба», и рисунок Николая Кузанского ныне иррелевантен, поскольку белая цивилизация надежно погрузилась в «иное». Земные данности, лишённые небесного огня Эроса, потеряли магические симпатии и антипатии и стали «просто объектами», доступными формуляции и номинации — без эйдетических фенотипов или индивидуальных законов собственного бытия. Но каждый человек суть челнок ткацкого станка и не может снова туда сюда в полной сумятице: ему необходимы какие-то

вертикальные константы — небесные, родовые, племенные, социальные. Эффективность этих констант зависит от степени их вневременности и всеобщности. Школа Платона предложила в качестве таковых «благо», «справедливость», «любовь», «красоту», «гармонию». Однако спускаясь по вертикали от «формообразующего света» в «иное», от «благородства» к «вульгаризму» константы эти бледнеют и тускнеют. На стадии «лунного света» еще сохраняется «отражение традиции Интеллекта», повелительность воспоминания, «так надо» или «так заповедано предками». Божественность этих констант, исходящих от прогенитора Ураноса, еще встает ослепительной радугой над лунной ночью. Но сыновья уже давно спрашивают отцов: если данные константы божественны, то боги либо бессильны, либо покинули нашу обитель — земную стихию. Нам уже давно непонятны строки Агриппы д'Обинье: «Моя любовь не нуждается во взаимности, а потому огонь моей любви никогда не дает дыма». Нам, напротив, очень нужна взаимность, очень нужна собственность.

«Нисхождением в „иное“, — пишет Николай Кузанский, — объясняется переход индивидуального в общее, отчетливого в неотчетливое, света в тьму, тонкого в грубое, духа в тело». Добавим: настоящего момента — в прошлое и будущее, изобилия в лишенность, целого в части. Касательно последнего. Целое делает таковым качество или сумма качеств. Это нечто мгновенное, неуловимое, основное, вне причин и следствий, его нельзя наследовать, оно не генетично, не генотипично. Качество отвечает за индивидуальный

фенотип, то есть за неповторимость какой-либо данности (человека, дерева, облака, события) во времени и пространстве. Признать целое лишь суммой частей, вне категории совершенно непознаваемого качества, значит превращать это целое в собственную модель. Склеивать разбитую чашку, воссоздавать событие по его следствиям, судить человека по его поступкам, значит

конструировать копии в лунной рефлексии. От диады «эйдос — форма» исходит

качественное содержание данности, «вертикальная нить ткацкого станка», индивидуальный фенотип, который образует «избирательное родство» магических резонансов или

эйдетический ряд. Золото родственно в этом смысле солнцу, петуху, алмазу, льву; серебро, сапфир, топаз входят в свои эйдетические ряды. Здесь имеется в виду небесно-патернальное родство. Когда оно отсутствует, остается генетическая материальная субстанция, более или менее похожая на

пракрити индуизма.

По мнению новой науки, уголь и алмаз отличаются только разной структурой атомов углерода.

Подобное утверждение пренебрегает небесно-патернальным началом вещей. Согласно «Парадигме» Николая Кузанского, фаллос при нисхождении в «иное» теряет независимость и превращается в пенис — инструмент всевластной материальной стихии. Демография, статистика, планирование семьи, спаривание. Отрицательно заряженные сперматозоиды контактируют с положительно заряженными яйцеклетками. Бытовое электричество, автоматический процесс. Человечество составлено не из мужчин и женщин, но из людей. Дух — это радио, душа — рецептор деловой морали. Все остальное — чепуха, дилетантство. Пусть бездельники и маргиналы читают от скуки «Тимея» Платона или «Сумму теологии» Фомы Аквинского, приличным людям сие ни к чему.

Однако цивилизация, основанная на равномерной температуре и концепции «человека-машины», не имеет шансов выжить. Стремление свести «к людям» и «статистическим единицам» мужчину и женщину, монаду и диаду донельзя абсурдно. Рационалисты вряд ли реализуют свою грезу о механико-белковых гуманоидах, которые в тесной дружбе с манекенами, роботами и музеем восковых фигур откроют двери анабиотического рая. Фридрих Георг Юнгер высказал очень дельное соображение в книге «Совершенство техники»: агрессия технической мысли возрастает по мере пассивной податливости ресурсов. «Рациональное мышление, — пишет Юнгер, — привело в движение гигантские стихийные силы. Если посмотреть вокруг, может показаться, что мы находимся в огромной кузнице, где яростно кипит работа, но в работе этой есть нечто лихорадочное, какая-то нервическая напряженность. В промышленном пейзаже чувствуется нечто вулканическое, это кузница циклопов. Хитроумные машины, автоматически выполняющие однообразные действия, до отказа переполнены мощными стихийными силами».

Зловещий кошмар механизма хорошо чувствовался уже на заре технической эры. Вспомним ужас Э. Т. А. Гофмана перед автоматом («Песочный человек») или удивительное описание бунта корабельной каронады в романе Виктора Гюго «Девяносто третий год»: «Четыре колеса каронады многократно прошли по телам убитых ею людей, рассекли их на части, измололи, искромсали на десятки кусков, которые перекатывались по нижней палубе... казалось, пушка обладала душой, исполненной ненависти и злобы...»

Человек Просвещения объявил себя земным демиургом, вселенную — механизмом, Богу отвел поначалу роль часовщика, но потом заменил Бога жесткой детерминацией законов природы. Религия, искусство, любовь, магия — все это разом полетело к черту. Гегель отлично определил антропоцентризм: «Внутренний центр природы — мысль, обретающая бытие только в человеческом сознании». Надобно оговориться: антропоцентризм — нечто противоположное Адаму Кадмону или микрокосму. Новый земной демиург объявил стихию земли планетой и песчинкой в бесконечной вселенской ночи. Никогда матриархат (в обозримой истории) не праздновал столь оглушительной победы.

Мужчина, кто он? Эмбрион в лоне матери ночи, универсальный солдат, сперматозоид среди миллиардов собратьев? Строка «Я — раб, я — царь, я — червь, я — бог» констатирует

паническую сумятицу нового человека. Страх будущего, страх смерти довлеет ему. Подобный климат хорош для Достоевского, Кафки, Селина, Сартра, но никак не для волшебной сказки.

Парацельс писал в *Mysteria magna*: «Натура, космос и все его данности — единое великое целое, организм, где все согласуется меж собой и нет ничего мертвого. Космос — пространная живая сущность. Нет ничего телесного, что не таило бы в себе духовного, не существует ничего, что не таило бы в себе жизни.

Жизнь это не только движение, живут не только люди и звери, но и любые материальные вещи. Нет смерти в природе — угасание какой-либо данности есть погружение в другую матку, растворение первого рождения и становление новой натуры».

Подобное мнение предполагает насыщенность четырех космических стихий жизнью бесчисленных разнообразий. В работе *Opus paramirum* Парацельс рассказывает об элементалах, о саламандрах и фламмарозах огня, сильфах воздуха, ундилах и тритонах воды, гномах и хтонах земли, о диэмеях драгоценных камней и т. д. Чуть позже Парацельса великий французский поэт Пьер Ронсар издал «Гимн демонам»:

Quand l'Eternel bastit le grandpalais du monde,

Il peupla de poissons les abysmes de l'onde...

Когда Всевышний создавал мироздание...

Он населил водную бездну рыбами...

Людьми — землю, воздух — демонами, а небеса...

Ангелами, дабы не оставалось пустот во Вселенной.

Согласно Ронсару, ангелы интеллектуальны и бесстрастны, знание прошлого и будущего присуще им изначально. Демоны живут в плотном воздухе близ луны, обладают огненно-воздушными телами и умеют принимать множество обликов, превращаясь «в кентавров, змей, птиц, людей... блуждая от одной формы к другой».

Сказочное пространство суть твердый, гибкий, пронзительный, исчезающий, зеркальный лабиринт со множеством углов и провалов, каменных болот и плавучих дворцов, что распадаются на облачных монстров и розовые туманы, где призрачный герой может сказать возлюбленной словами Поля Элюара: «На небе твоих слов твои губы звезда».

Классический вопрос: «Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?» — иррелевантен относительно персонажей сказок. Сон и явь теряют границы, равно и так называемое «потустороннее». Этнограф и географ запутаются в народностях и областях этого

дисконтинуума. Глубинная психология определит архетипы, но что толку? Синяя Борода или Снежная Королева, понятно, архетипы, но слишком уж неуловимые для формулировок. Отсутствие полюсов не разрешает сколько-нибудь дельной навигации. Сказителю остается повторять старую песню про добро и зло и теоретически рассекать фантазию этими оппозициями.

Фантазия.

Субстанция, аналогичная фанетии или гиле. Для неоплатоников Сириана, Синезия и Плутарха Афинского фантазия — место встречи десяти органов чувств — пяти мужских и пяти женских (это несколько напоминает переплетение пальцев правой и левой руки). Парацельс называет десять органов чувств *patres* и *matrices*. Женское восприятие характеризует жителей земной стихии, то есть всех нас. Мы пассивно видим, слышим, усваиваем, не в силах игнорировать навязчивые данности. Пробуждение активного восприятия дает шанс на просветленную жизнь амфибии, нелогичной и нестабильной. Акватические фантомы концентрируются в смуглые статуи, троянская битва застывает кораллами, inferно проплывает лучезарным облаком. Потом испуганное активное восприятие прижимается к материнскому лону, однако земная стихия теряет надежность.

И уж прошлое кажется странным,

И руке не вернуться к труду,

Знает сердце, что гостем желанным

Буду я в соловьином саду

Герой поэмы Александра Блока, услышав призывный крик осла, «находит в себе силы» вернуться к тяжелой работе, но увы... поздно, работа отвернулась от него. А в «соловьиный сад» теперь уж наверняка предателя не пустят. Обычное состояние поздних романтиков: ненависть к действительности, страх мечты.

Между стихиями воды и земли, между странами активного и пассивного восприятия протянулась теоретическая пелена позитивизма, основанная на само собой понятном абсурде субтильного тела души, на некоей прочной, фундаментальной базовости[77]. Отсюда знаки равенства, неприятие оригинального, индивидуального, грубые приближения, совершенно дикие допущения. Глаза в основном видят правильно, однако иногда скандально ошибаются. В сумерках можно перепутать змею с веревкой, принять ключья болотного тумана за привидения. Но глазам человеческим (про гиен или павлинов мы не знаем) присущ весьма пагубный дефект: они

видят движение солнца, которого нет и неподвижность земли, которой нет. Следовательно: необходимо внедрить в любого субъекта вертучую шаровидность земли и неподвижность угасающего солнца.

В результате этой и тысячи других похожих операций живой человек с детства «выпрямляется» в теоретическую модель человека. Стандарты, штампы, копии. Школы, колледжи, университеты. Воспитатели и наставники. Отец и мать.

Мне нравится бэксайт этой женщины, которая подбирает с пола рассыпанный горох, но совсем не по вкусу, когда она гонит меня в магазин или в школу; мне нравится этот мужчина, дарящий мне велосипед, но я содрогаюсь при виде его волосатой груди и кривых ног.

Обреченность слушать нотации и выговоры.

Терпеть формирующие пальцы, что считают меня пластилином, потом, лет через тридцать содержать обладателей этих пальцев, злое, сумасшедшее старье. А потом откуда известно, что именно они — мои родители, отец и мать? При зачатии я свечку не держал, при родах я свечку не держал, при сосании груди тоже.

Ловушка «само собой разумеется». Наблюдая беременных женщин и грудных младенцев, правомерно заявить: это сравнение, косвенное, а не прямое доказательство, поскольку я не помню материнского чрева, материнской груди.

Следовательно, мир — мое представление или лучше: нечто возбуждает мои органы чувств и результаты подобных встреч сознание интерпретирует так или иначе. Солипсизм в стиле Джорджа Беркли? Немного есть и это еще хорошо, ибо надо быть совсем отчаянным, чтобы посеять в сердце слова Майстера Экхарта: «Бог создал мир через меня, пока я пребывал в бездонных глубинах Божьих». Вопрос о физиологических причинах рождения важен для общества, но не для индивидуального развития. Семья, род, национальность, раса привязывают нас к религии, мировоззрению, обычаям, хронологии современников — только и всего. Из атрибутов данной манифестации, вероятно, важнее всего — пол и язык, да и они проблематичны. Если мы чувствуем глубокую симпатию к своему полу и родному языку, это серьезно, если же нет, если тот или иной язык нам безразличен, а наш пол более или менее нейтрализован оппозиционным полюсом души, тогда... мы «посторонние», «граждане мира», предоставленные собственному усмотрению.

В последнем случае субъективно-идеалистические медитации зажгут интерес в наших глазах. С какой целью? Для крайне опасного мистического пути. Освобождение от социума — дело тяжелое, ступени, ведущие в сторону микрокосма, скользки, обрывисты, опасны. Еще хорошо, если во мнении воспитателей и компатриотов мы прослыдем оригиналами и чудаками, куда хуже подозрение в аутизме и душевной болезни. Мать предпочтительнее, поскольку отец, нетерпимый к плавной расслабленности, поместит нас в сумасшедший дом.

Мать. Мы все — искатели неба, эзотерики, герметики, томатурги — дети матери природы, наши враги — отцы и братья, фиксированная и стандартная регуляция, тик-так, полиция и психиатрия. «Сто умных людей, собранных вместе, составляют одного большого дурака», по словам К. Г. Юнга. Это значит: острота нашего индивидуального ума тупеет в блуждающих огнях прогрессивных идей, призванных улучшить материально-моральный статус общества.

Мучительные конфликты мужчин и женщин, агония в ледяных или раскаленных пустынях, скачка на бешеной лошади — ерунда по сравнению с бесконечными «надо» и «должен» детей и родителей. Зыбучие пески, бездонное болото и так далее. Сугубо человеческое изобретение, природа ничего подобного не знает. С возрастом и старостью наслаивается патина привычек, болезней, злопамятства. «Мудрость стариков» отличается крайней односторонностью, проявляется, в основном, при несчастьях и бедах молодежи в резюме «а я тебя предупреждал». Если мы богаты и счастливы, мудрость сия только и бубнит опасно: будь осторожен, а то потеряешь все. Да и что резонного услышишь от людей, над которыми нависла загадка смерти? Что они могут предложить кроме желательности пуховой, а не каменистой дороги в зияющую пропасть? Искусственность так называемой семьи ведет к чудовищным ситуациям. Чем виноваты Регана и Гонерилья, что властный самодур король Лир хочет и быть и не быть правителем? Чем виноваты Анастази и Дельфина, что дикий отец Горио расстилается под их ногами и умоляет: берите, грабьте, разоряйте, только не бросайте меня? Его слова многозначны и уж точно не относятся к нему лично: «Если отцов будут пинать ногами, отечество погибнет. Это ясно. Общество, весь мир держится отцовством, все рухнет, если дети перестанут любить своих отцов».

Что же это за общество держится отцовством? Дочкам надобно, по мнению Горио, презреть отвратительных мужей и завести приятные комфортабельные берлоги с любезными сердцу дружками, такими как Растиньяк, а он, отец, будет жить с ними вместе и наслаждаться созерцанием счастья.

Начало двадцатого века отмечено женской и молодежной эмансипацией и, соответственно, катастрофой патриархата. Отцы стали внушать недоверие и страх. В романе «Королек и другие птицы» (1935 г.) французский писатель Анри Боско представил следующую сцену:

«Мама купала меня под душем, когда дверь резко раскрылась и вошел голый отец: его возбужденный член показался мне просто огромным. Жорж, при ребенке! вскрикнула мать, когда он задрал ей халат. Мама, бежим, завизжал я, донельзя испуганный». Герой книги вспоминает, что после этого казуса он всегда глядел на отца с некоторой настороженностью.

Франц Кафка в «Письме отцу» поставил все точки над «и». Достаточно нескольких более или менее наугад взятых пассажей, дабы почувствовать кошмар ситуации:

«Мы вместе раздевались в пляжной кабине, я — худой, маленький, слабенький, ты — большой, сильный, внушительный. Боже, до чего я жалок, и не только по сравнению с тобой, но и с целым миром, ибо ты и был для меня мерой всех вещей».

«Ты всегда имел неограниченное доверие к собственному мнению».

«Твое „не смей противоречить“ и поднятая рука сопровождали меня с давних пор».

Сын однозначно признает преимущество отца в жизненной силе, организованности, умении говорить и убеждать, но через все письмо ползет отвращение и страх перед отцовским авторитетом, равно как неприятие пути отцов и дедов. Литературоведы, понятно, усматривают параболу на Бога Отца и Бога Сына, отчуждение, вызванное отпадением связующего Святого Духа, и много других иносказаний. Конечно, данное письмо, прежде всего, образец высокого эпистолярного искусства и не должно пониматься буквально. Здесь отцовский авторитет вполне конкретизирован, не то что в «Процессе» или «Замке», где нависает жуткая, анонимная патриархальная привилегия казнить или... медленно казнить. Человек осужден самим фактом рождения, бытие — концлагерь, назовем иначе: бюро, фабрика, шахта, чертово колесо.

Но нельзя забывать: земные отцы способствуют земному воплощению индивида, не более того, они — «со-открыватели дверей рождения», не более того. Земная стихия суть другая «матка», платонова пещера. «Другой отец» — тот, кто помогает реализации субтильного тела души, то есть тела акватического. Так в «матке» замка Иф аббат Фариа превращает Эдмона Дантеса в графа Монте-Кристо, так магический поэт Клигзор помогает новому рождению Генриха фон Офтердингена в одноименном романе Новалиса.

Любопытная фраза попадает в «Разговорах с Гете» Эккермана: «Если б я не имел предвидения мира, то блуждал бы слепой с глазами открытыми. Всякое исследование, всякий эксперимент были бы стерильны и напрасны в таком случае. Нас окружают свет и цвета, но если б наши глаза не содержали света и красок, мы не замечали бы таковых вовне».

Это касается полемики Гете с Ньютоном насчет теории света и цвета, но фразу при желании можно интерпретировать шире: если б я не имел предчувствия мира...

Здесь оппозиция божественно интуитивного знания отца и экспериментальной материнской науки. Только душа небесная или оплодотворенная эйдосом форма предвидит и предчувствует мир. Коллективная рациональность будущего материалиста осваивается постепенностью опыта, ибо его сознание поначалу — гладкий воск, *tabula rasa*. Отсюда бесчисленное множество экспериментальных наук и дефиниций, соответствующее бесконечной делимости матери-материи, тогда как традиция или знание отцов проста чрезвычайно. Традиция не диалектична, но акроаматична. Поясним: диалектика суть борьба самцов за самку-истину, тщетность подобной борьбы очевидна, ибо торжество победителя и радость обладания растворяются в скепсисе вопросительного знака, в нарастании на минуту утоленного желания. Свободное обсуждение и комментарий вне вопросов и ответов — акроаматика. Книжки по традиции уточняют или отражают под разным углом вечные данности — такова «Арифмология» Ямвлиха или «Великая триада» Рене Генона.

Но довольно об этом.

Нас в настоящем случае интересуют не мужские особи небесной причастности, а современные земные мужчины, инструменты великих матерей, крайне опасные для человека еще более или менее живого.

Эти мужчины, в отличие от женщин, считают себя недоносками, рожденными лишь наполовину. Если бытие девочки совершенно оправдано будущим материнством, бытие мальчика — диссонанс, недосказанность. На вопрос «кем ты хочешь стать?» смешно, не правда ли, услышать от мальчика «я хочу стать отцом». В глазах социума он будущий специалист, оператор инструмента — слесарь, шофер, ювелир — или оператор операторов — инженер, повелитель шофера, фабрикант. Но даже полководец и лидер (антропоморфный агрессивный пенис) совершенный раб великой матери, как вполне убедительно рассудил К. Г. Юнг на примере романа Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона», где могучий и страшный вождь Твала — только орудие дряхдой, вернее, древней Гагулы. Метафизическая импотенция мужчины неустанно прогрессирует: это, возможно, объясняется неудачей миссии церковного христианства, поскольку грехопадение набирает темп; в языческой перспективе это результат погружения в Аид, в глубокие слои стихии земли, где господствуют порождения Пифона от его матери Геи. Мы оставили далеко позади автономные стихии воды, воздуха и огня, стихии Афродиты, Геры и Гестии и пребываем в режиме Персефоны и Милитты, в бесконечном вожделении материального богатства и сладострастия, направляясь в сторону Гекаты и Ночи.

Подсматривание и наблюдение. Созерцание

Должно весьма критически относиться к переводам и парафразам мифов, памятуя, что монотеистическая догма «субъект-объект-предикат» совершенно изменила структуру нашего языка и сознания и, соответственно, наши понятия о единстве и множестве, центре и периферии, целом и частях. Пифагорейская «натуральная амбивалентность», присущая земной жизни — «субъект-предикат-субъект» — лучше объясняет ситуацию мифически окрашенных человеческих отношений.

Любят удивляться «дерзости» нищего Диогена, который попросил Александра Великого не заслонять ему солнца, хотя ничего особенного здесь нет. И тот и другой — свободные люди, посему никакой субординации меж ними не существует, ибо «человеческое» для греков и значило «свободное». Иное дело — рабы, не люди, но «объекты». Любят удивляться «высокомерию» знаменитой фразы «государство это я». В греческом смысле здесь выдвинут тезис о необходимости совпадения единства и множества, центра и периферии, иначе никакого «целого» не получится, но возникнет постоянная дисгармония номинального центра и номинальной периферии.

В «Метаморфозах» Апулея богиня Изида сообщает Луцию: «Ведь в ту самую минуту, что я являюсь к тебе, я нахожусь и в другом месте, подле моего жреца, во сне предупреждаю его о том, что случится, и указываю, как нужно действовать». Другое место — это другой уровень бытия. Сие учит нас, что божественное единство может пребывать в любом числе, оставаясь при том единством.

Числа Пифагора, линии и треугольники Эвклида имеют весьма опосредованное отношение к земной жизни, нельзя познать земное посредством небесного.

Миф нельзя исследовать, интерпретировать, на основании мифа нельзя «приходить к выводам» научного, психологического либо нравственного характера, миф просто дает знать

о своем присутствии — так молния предупреждает бузину: я иду, скрывайся. И это дерево имеет свойство уклоняться от молнии. Мифы повествуют о героях божественного происхождения, и активное пространство мифа не наше пространство суть.

Тогда зачем мифы?

Возможно, для людей, чувствующих в крови раскаленную божественную тень, заброшенных в болота Гадеса, именуемых «земля», «материальный мир», «современная эпоха» и т. д.

Польский поэт Болеслав Лесьмян — один из этих несчастных. Стихотворение «Сказание об Актеоне».

Шумит в бору весна.

Богиня купалась в озере.

Подсмотрел.

В наказание превратила в оленя.

Окровавилась вечность о лесную хвою.

Интерпретировать миф невозможно, поскольку неизвестен «логос» драмы. Актеон не просто охотник, Актеон — сын бога Аристея, и, разумеется, нам не дано понять божественных коллизий. Нам даны только предположения. С высокой степенью вероятности можно предположить, что в ареале политеистических религий понятия смерти в смысле иудео-христианства или атеистического материализма не существует. В процессе «смерти» сперматический эйдос (у схолиастов *latenta forma substantialis*) покидает одну материальную среду и переходит в другую. В случае Актеона эйдос переходит в «царство лунных животных», к числу которых относится олень.

Итак.

Если устранить из понятия «смерть» роковую тягость, миф рассказывает об очередной божественной экспансии в Хаос. Когда Актеона-оленя терзали собаки, капли его крови превратились в бузинные деревья, бузина отличается важными магическими свойствами и непременно входит в состав метаморфотических фильтров. Таковой линии развития Болеслав Лесьмян не придерживается. Его позиция, так сказать, более человеческая: преступление-наказание. Только одной очень красивой строкой Лесьмян оттеняет высокую мистерию события:

Окровавилась вечность о лесную хвою.

Присутствие Дианы по тангенте задело этот мир, окрасив кровью Актеона лесную хвою:

Смерть, затравив псами,

уравнила его с оленем.

Настигла ли Актеона не собственная Актеонова смерть, но чужая, оленья? Да, судя по стихотворению. Лесьмяна интересуется миф не в его языческой экспликации, но романтически образно. Мы не можем утверждать, что миф совершенно позитивен и просто фиксирует ситуацию метаморфоз — для подобных утверждений у нас нет онтологических оснований, а главное нет конкретного переживания язычества. В сущности, Актеон знал, что вступает в «запретную зону», в священную рощу Дианы, значит он виновен в любоэрастии, любопытстве, любознательности: известны другие жертвы подобной индискретности — Луций[78] пострадал весьма аналогично. Кстати говоря, перед сценой превращения Луция в осла, Апулей рассказывает о скульптурной группе «Диана — Актеон»: Диана лишь собралась купаться, но Актеон уже наполовину превращен в оленя — предупреждение, которым Луций напрасно пренебрегает.

Итак.

Почему любопытство, любознательность и вообще резкий эмоциональный дифференциал вызывают столь тягостные последствия? У знаменитого трубадура Пейре Видаля (XIII в.) есть баллада такого, примерно, содержания: некто, донельзя голодный после длительных скитаний, встречается стадо овец, разрывает ягненка, пожирает и, убегая от пастуха, превращается в волка. После длительной гонки собаки настигают его и загрызают. В конце баллады Видаля, среди разных толкований, дает и такое: человек суть сфера, и каждое желание должно, так сказать, уравновешиваться контржеланием.

«Почему нельзя снимать покрывало со статуи Изиды?» — так называется текст Людвиг Клагеса касательно известной баллады Шиллера. Юноша учится у жрецов Саиса тайному знанию и, нетерпеливый, хочет снять покрывало богини, дабы познать «все». «Что побуждает юношу снять покрывало? Жажда познания или, проще говоря, любопытство. Между жаждой познания и любопытством нет существенного различия. Беспокойство разума рождает и то, и другое, а разум беспокоит все, чем он еще не обладает». Последняя строка баллады Шиллера: «глубокая грусть довела его до ранней могилы». У Фихте сказано: «Философствовать не значит жить, жить не значит философствовать». Клагес обостряет проблему и смысл его книги «Дух против души» таков: познавать — значит убивать жизнь. Более того: в процессе познания свершается двойное убийство: познающий своим анализом убивает объект и, в то же время, этот акт смещает либо вообще уничтожает центр сферы его бытия. Возрают: Актеон, вероятно, не думал «познавать» богиню, а просто остановился замороженный. Но ведь античные боги «не любят» людей в христианском смысле, они иногда по тем или иным причинам посещают людей, принимая тот или иной образ. Актеон не мог подсмотреть богиню «как она есть», это непосильная задача для человеческих глаз. Но девственная Диана ненавидит мужской эротизм и покровительствует партеногенезу. Она превратила Актеона, изменив ход естественной метаморфозы, в подвластного ей зверя, в подвластное ей дерево.

Надо еще учесть иную концепцию человека в античности, что весьма затрудняет любое историческое исследование. Греческий мир оппозиционен нашему вот в каком смысле: греческое миропонимание ориентировано на эйдос и форму, материя не играет практически никакой роли. Человека творит «сперматический эйдос». Эта ось, творящая душу и тело, *forma formante*, форма формирующая, создает разные миры в разных слоях материи. Эта ось определяет возможную сферу индивидуальной жизни. С другой стороны, на человека действует *forma informante*, форма информирующая, то есть окружающая среда. Эта самая среда разъедает индивидуальность, замещая оную социальной моделью, соответствующей «духу времени».

Греки делят людей на две более или менее четких категории — свободных и рабов, аристократию и плебс. Происхождение, национальность, раса особой роли не играют, все это

категории социальные, зависящие от случайностей материальной манифестации.

Нетрудно здесь распознать идеологию сугубо патриархальную. Афина и Аполлон, защищая Ореста на суде[79], говорят: главное — семья, зерно, земля только питает уже пробужденную жизнь. Отсюда совершенное пренебрежение материей, которая просто расценивается как «чистая потенциальность», игнорация естествознания и презрение к работе. Любопытно: жертвы гнева богов присуждаются в Гадесе к монотонной работе — Сизиф, Окнос, Данаиды. Обычно и неправильно подчеркивается бесцельность и абсурдность их занятий: наказание заключается в длительности срока, поскольку любая работа вообще, легкая или тяжелая, по мнению греков периода патриархата, бесцельна и абсурдна. И всем, кто разделяет подобные воззрения, делать в современном материальном мире нечего.

Эти реминисценции вполне легитимны в пафосе Болеслава Лесьмяна. Здесь нет метафорической идентификации и нет сравнения судьбы лирического «я» и судьбы Актеона. Это концентрация трагического размышления вокруг мифа.

Когда-то я был другим. Лицо еще озарено

Золотым отсветом. Он разгорается

в черных злых ночах.

Я помню озаренные лица прежних братьев,

Тогда я любил мечтать,

Теперь бледнею в присутствии мечты.

Почему? Поэту и вообще артисту нечего делать в мире торгашей и консуматоров, в пространстве, зажато злой и черной ночью. «В ничтожное время к чему поэт?» (Гельдерлин). И Жак Ривьер в конце книги о Рембо: «В сущности, он научил нас категорической истине: жить в этом мире нельзя». Что это значит в плане предыдущих рассуждений? Решительный приоритет «формы информирующей», подавление индивидуальной парадигмы агрессией социума. Людвиг Клагес в «Космогоническом Эросе» (откуда взят фрагмент о статуе Изиды) говорит: дух (в его трактовке, скорей всего, рации) уничтожил душу, ныне на месте живых людей — мнимо-живые ларвы.

Так.

Но так ли развивается поэтическая мысль Лесьмяна?

Боже. Я подсмотрел тебя

и с тех пор дух мой гибнет.

Воплощен в человека за это преступление,

Чуждое тело влачу в сиянии Божьего факела,

Погибаю чужой, неприемлемой смертью.

Здесь, очевидно, вопрос не только в ситуации поэта эпохи сугубо антипоэтической и гибельной для живой души. «Боже» стихотворения очень и очень напоминает Бога иудео-христианского, поскольку речь идет о грехе, наказании и смерти, понятиях, чуждых греческой религии. Актеон — герой, и его судьба столь же колоритна, как судьба Геракла или Беллерофонта. При отсутствии антропоцентризма, в мире метаморфоз, миф об Актеоне отчужден от «греха», «падения», от всякого «пессимизма», что безусловно чувствуется в стихотворении Лесьмяна.

Гибну, вброшенный в человеческое тело

как в грубую холстину...

...Это не я — даже в секунду смерти.

В закрытых глазах —

кровавый кошмар оленя.

Напрасно зываю о помощи.

Гибну. Человек.

Бесповоротно. Воплощенное в человека лирическое «я» не видит решительно никаких перспектив. Фиксация и ее производное — безнадежность характеризует новое мировоззрение. Люди уверены: они именно то, за что себя и других принимают, люди «познают» объект с целью выяснения его «постоянной». Но в сущности у монотеистов только одна постоянная — смерть. Как считает, не без оснований, Людвиг Клагес, юноша из баллады Шиллера, подняв покрывало статуи Изиды, обнаружил... смерть. Люди новой эпохи склонны принимать за целое случайную комбинацию фрагментов, идентифицировать имя и носителя имени, сущность и ее субстанцию — дело для греческой религии невозможное. Трагизм стихотворения Лесьмяна объясняется трагизмом монотеистического взгляда, несовпадения двух концепций человека.

Понятно, как во всякой сильной поэзии, здесь таится загадка: кто вброшен, втиснут в человеческое тело, кто это?

Смотреть, созерцать, подсматривать. Эти разные процессы характеризуют людей вообще, глаза в частности. Засада в лесной чащобе, лежание на крыше с биноклем в руках, тайное преследование. Картина Фрагонара «Будуар» посвящена следующему

мариводажу : служанка ставит даме клистир, кавалер подсматривает в замочную скважину. Судя по кокетливой улыбке, дама предполагает присутствие кавалера.

Итак.

Многие любят подсматривать, некоторые любят, чтоб за ними подсматривали. Бывают взгляды рассеянные, блуждающие, устремленные в никуда. Подсматривание отличается аналитикой, смещением «я» в сторону желанного объекта до растворения в оном. Сосредоточенность, концентрация, микроскоп, телескоп. Общее воззрение складывается из энного количества частных взглядов, серии взглядов. Взгляд раздевает, проникает, пронизывает, режет, пилит, сверлит, потом собирает разрозненные фрагменты. Во что? В нечто совершенно непонятное, ибо «энное количество частных взглядов» тяготеет к бесконечности. Дабы познать объект, необходимо окружить его сетью законов, параметров, констант — они

оговорены теоретиками, но к реальности отношения не имеют.

Зрение принципиально двойственно. Глаза земного тела, глаза субтильного тела души. Уточним еще раз: неоплатоники и схолиасты различали четыре аспекта души — вегетативный, анимальный, рациональный, небесный. Первые два едины с физической плотью и направляют натуральную телесную функциональность. Сложнее ситуация рационального аспекта, ибо значение слова «рацио» совершенно изменилось в последние века. Закат индивидуального микрокосма обусловил появление социального рацио, более или менее «общечеловеческого», которое вытеснило понятие «рационального аспекта души» и учение о нем. Новая эпоха заменила индивида «индивидуальными особенностями», полагая, что в общем и целом люди устроены одинаково, живут, желают и действуют по законам, присущим данному биологическому виду.

Согласно традиции, экзистенция и судьба индивидуального микрокосма целиком зависит от позиции рационального аспекта души (*anima rationalis*). Сие определяет не только энтелехию, т. е. возможное совершенство тела, но и взаимосвязь последнего с небесной душой (*anima celestis*). Индивидуальное рацио свободно выбирает Бога или Маммону, иначе говоря: либо оно служит вегетативно-анимальным интересам земной плоти, либо ищет субтильное тело небесной души. При удаче подобного поиска пробуждаются и раскрываются *anima oculum* — глаза души. Это решающий момент рационального контакта

охемы (субтильного тела души) с телом физическим. Ранее пересечения случались только в «воображении» — так новая эпоха назвала земно-водную сферу микрокосма. Обретенная визуальная

двойственность весьма опасно содействует шизофрении, равно как и прочим нарушениям социальной близости. Однако постоянное влияние «формирующего света небесной души» способствует гармонизации индивида и восстановлению «трансцендентального здоровья» (Новалис). Глаза одушевляются *gli spiriti del viso* — «духами глаз», по выражению Данте. В одноименном стихотворении Вячеслав Иванов так комментирует это трудное понятие:

Они — как горний вкруг души туман,

В их снах правдив явления обман.

И далее:

Они — глядят: молчанье — их завет,

Но в глубях дали видят даль пространней.

Это позволяет представить концепцию «Незнакомки» Александра Блока.

Героиня стихотворения сама по себе загадочна, однако «духи глаз» или «глаза души» поэта творят из нее загадку еще более удивительную и «в глубях дали видят даль пространней»:

И странной близостью закованный,

Смотрю за темную вуаль
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

«Берег очарованный» — пограничье земной и водной стихий. Почему «в их снах правдив явления обман»? Потому что конкретные глаза поэта не уверены в конкретном присутствии «незнакомки». Она «правдива» в глазах души — в пленительной неопределенности акцент присутствия смещается в сторону сна:

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Обычные глаза пассивны, ибо уверены в независимой данности объектов. Надобно их подсматривать, наблюдать, изучать анализировать, разбирать, снова собирать.

Но.

Согласно традиционной мысли, «анализировать значит растягивать, синтезировать — стягивать» (Новалис). В любом случае цельность объекта не нарушается. Когда глаза души вступают в глаза обычные, свершается медлительный феномен созерцания, павлин, лилия, женщина остаются нетронутыми в композиции своей, созерцательный взгляд старается угадать их суггестии, эманации, реминисценции и утонуть в мире ином.

Примечания

1

См. балладу Франсуа Вийона «Belle leçon aux enfants perduz».

2

Medicinae gaudi. 1654. P. 31.

3

Там же. Р. 86

4

Medicinae gaudi. 1654. Pp. 42–43.

5

Перевод Валерия Брюсова.

6

На эту тему есть весьма убедительные работы: Людвиг Клагес «Дух против души», 1919 г.; Фридрих Георг Юнгер «Совершенство техники», 1949 г.; интересно и глубоко ситуацию человека в техницизме анализирует Мартин Хайдеггер.

7

Имеется в виду не нижняя часть женского платья, равно называемая юбкой, но свободная, с разрезом или без, узкая или широкая, одежда от талии до лодыжек.

8

Знаменитые исследователи античности от Винкельмана и Бахофена до Пьера Вернана неоднократно акцентировали этот момент.

9

В переводе — подруга, наставница, спутница.

10

Fux Eduard. Europaische Sittengeschichte. 1895.

11

Cusa N. De coniecturis.

12

Если есть орден Подвязки, почему не быть ордену Бюстгальтера или, точнее, Бюстенгальтера?

13

Murray M. A. The witch cult in Western Europe. 1962. P. 220.

14

Bodin J. De la demonomanie des sorcieres. 1590, 1955. P 86.

15

Русалов Л. Волхвования и околдования на Руси. 1888.

16

Кибитин А. Ф. Магические обряды и поверья. 1893.

17

А. Ф. Кибитин. «Магические обряды и поверья». С. 62–64.

18

На эту тему злое и подробно высказался К. Хатчисон в статье «Что произошло с тайными качествами после технической революции». Isis 73. 1982.

19

«The Book of the Sacred Magic of Abramelin», английский перевод 1966 г.

20

«Орловские присказки и прибаутки. Ученые записки Московского университета». 1951. Т. IV.

21

От двенадцати ночи до четырех утра в ночь интенсивного цветения, примерно конец июня.

22

Carolus Bovillus. «De sapiente.» 1509.

23

Г. Х. Андерсен. «Дикие лебеди».

24

Цит. по кн.: «Плавание святого Брендана». 2002. Перевод Н. Горелова.

25

В стихотворении речь идет о древней статуе, где голова не сохранилась.

26

После отсекования головы английского короля Карла I в 1649 г., в цирках появился важный персонаж — клоун, пародия на отвергнутого, осмеянного, убиенного короля.

27

Как мы упоминали, *privatio* совершенно чуждо матери-земле, любые дефициты — результат человеческой

политики. К этому относятся и зловещая информация массмедиа о «перенаселенности» планеты, техногенных катастрофах, озоновых дырах и т. д. Эти неприятные сюрпризы — ничто перед всемогуществом природы.

28

Виктор Гюго. «Собор парижской Богоматери».

29

Венсан Сент-Ив. «Воззрения ирокезов на природу», 1972 г.

30

Нойманн Эрих. «Великая Мать», 1966 г.

31

Гийом Аполлинер. «Секретные поэмы для Мадлен».

32

Николай Кузанский. «Книга простеца».

33

Г. Ф. Лавкрафт. «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата».

34

Ilias. 6, 132.

35

Plutarch. Quaest. Gr. 38.

36

Griech. Gotterl. I, 445.

37

Apollod. 3, 37.

38

Nonnos. 48, 917.

39

Ovid. Metam. 6, 687.

40

Catull. 64, 337, Lukian. Bacch. 2.

41

Orest. 1492.

42

Apollon Rhod. I, 636.

43

Antohn. 3, 78, Pausan.2, 5.

44

Philostr. imag. 1, 19.

45

Arch. Zeit. 31.

46

Герман Гессе. «Путешествие в Нюрнберг». 1927.

47

Имеется в виду контрпозитивистская тенденция начала XX века, особо выраженная у Бергсона и Шпенглера. Самые известные представители «философии жизни» кроме Людвига Клагеса — Рудольф Эйкен и Теодор Лессинг.

48

Н. С. Гумилев. «Капитаны».

49

Неопределенные аналогии с кундалини-йогой здесь присутствуют, но не более того.

50

Это другое имя Дианы — Гортензия; вернее, так звали юную Диану Вергилий, Лукреций.

51

Здесь неожиданная аналогия с тантра-йогой. Согласно Артуру Авалону, сперма на вершине до крайности возбужденного фаллоса начинает ярко светиться.

52

Этот эпизод Гийом Аполлинер развил в романе «Подвиги юного дон Жуана».

53

Дж. Рескин. «Афина в небе». 1875.

54

Venus forma ignae verae aquae.

55

Спустиись в глубины земли, уточняя путь, найдешь тайный камень.

56

«Подземные миры», «Mundus subterraneus», 1663 г.

57

«Lande unter Erde», 1770 г.

58

Густав Майринк. «Ангел западного окна».

59

Фридрих Георг Юнгер. «Совершенство техники».

60

Helmholz. H. «Le son et la musique». 1878. P. 120.

61

Цит. по: D. P. Walker. «Spiritual and demonic magic». 2000. P. 22.

62

Tractatus Secundus, 5.

63

De technica. P. 102.

64

Philosophia moysaica. 1626. P. 14.

65

Philosophia sacra. 1626. P. 93.

66

Apologia. 1614. P. 11.

67

Heymann M. «Flora Veneris». 1711.

68

Charle de Cotin. «Langage d'amour». 1752.

69

Марсель Пруст. «Под сенью девушек в цвету».

70

Нонний. «Деяния Диониса». V в. н. э.

71

Нонний. «Деяния Диониса».

72

Валерий Флакк. «Дионисии».

73

Helmholz Н. «Le son et la musique». 1878. P. 120.

74

Андреас, епископ Цезареи, VI в.

75

Мохаммед ибн аль Хабиб.

76

В мифологии «приапом» называют также пенис-язык великой матери Кибелы, коим она, склоняясь, реализует автопрегнацию.

77

«Надо встать, наконец, твердой ногой на твердую почву», — сказал П. И. Чичиков в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя.

78

Апулей. «Метаморфозы».

79

Эсхил. «Эвмениды».